

Министерство культуры Ставропольского края
Государственное бюджетное
учреждение культуры Ставропольского края
«ПЯТИГОРСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»

ТРЕТИЙ КАВМИНВОДСКИЙ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙНО- НАУЧНЫЙ СЕМИНАР ПАМЯТИ КРАЕВЕДОВ

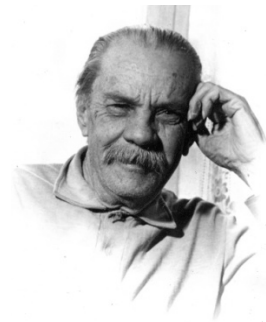
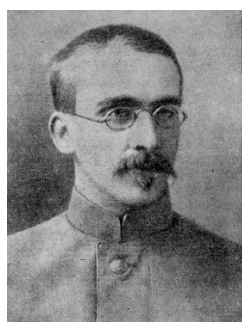
материалы заседаний
1-2 декабря 2016 г.

Пятигорск – 2017

Министерство культуры Ставропольского края
Государственное бюджетное учреждение культуры
Ставропольского края
«Пятигорский краеведческий музей»

**Третий Кавминводский
межрегиональный музейно-научный
семинар памяти краеведов**

**МАТЕРИАЛЫ ЗАСЕДАНИЙ
1–2 декабря 2016 г.**

К 140-летию
Николая Михайловича
ЕГОРОВА (1876–1965),
120-летию Матвея Ивановича
РЫБЕНКО (1896–1993),
105-летию и 30-летию памяти
Андрея Петровича РУНИЧА
(1911–1986).

Пятигорск
2017

УДК 069
ББК 79.147.16я431
Т 66

Печатается по решению Ученого совета
ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей»

Научное издание

Рецензент

доктор исторических наук, профессор, председатель Ученого совета
ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей» **С.И. Линец**

Т 66 **Третий Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов** [Текст]: сборник материалов / под ред. кандидата исторических наук С.Н. Савенко. – Ставрополь: Печатный Двор, 2017. – 136 с.
ISBN 978-5-9500587-4-5

В сборник включены материалы докладов и сообщений Третьего межрегионального музейно-научного мемориального семинара памяти краеведов, посвященного в 2016 г. 140-летию со дня рождения Николая Михайловича ЕГОРОВА (1876–1965 гг.), 120-летию Матвея Ивановича РЫБЕНКО (1896–1993 гг.), 105-летию и 30-летию памяти Андрея Петровича РУНИЧА (1911–1986 гг.). Все эти незаурядные пятигорчане внесли свой заметный вклад в развитие различных областей краеведческой науки и практики, занимались археологией и историей, развитием музейного дела, разнообразной общественной деятельностью, особенно, в области сохранения археологических, историко-культурных и природных памятников и объектов региона.

Как и на первых семинарах ПКМ 2014 и 2015 гг., тематика заседаний не ограничивалась только названными личностями. Были доклады о других краеведах и ученых. Обсуждались также вопросы археологического, исторического, литературного, культурного и природного краеведения Кавминвод, Ставрополя, Северного Кавказа и Крыма, историко-методические аспекты музееведения, проблемы изучения музейных коллекций.

Материалы сборника будут интересны ученым, преподавателям высших и средних учебных заведений, студентам и учащимся, музейным работникам и краеведам, всем, кто интересуется персоналиями исследователей и музейщиков края, историей, культурой и природой региона Кавминвод, сопредельных и контактных с ним территорий.

Научный редактор: **С.Н. Савенко**

Литературная и техническая редакция: **Е.Ю. Чагаева, Л.Ф. Чегутаева**

Компьютерный набор: **Авторы**

ISBN 978-5-9500587-4-5

УДК 069
ББК 79.147.16я431

© Печатный Двор, оформление, 2017
© ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей», 2017
© Авторы, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Савенко С.Н. От редактора	5
--	---

Мемориальный раздел

МАТЕРИАЛЫ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРАЕВЕДОВ КАВМИНВОД И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Савенко С.Н. Новые биографические данные о В.Р. Апухтине, Н.М. Егорове, В.Ф. Смолине, М.И. Рыбенко и А.П. Руниче	9
Багдасарян А.А. Вписан в историю Пятигорского краеведческого музея. Николай Михайлович Егоров - каким мы его знали до 2012 года	34
Бурков С.Б. Краевед из Северной Осетии Т.П. Плиев	37
Данилов А.В. Горячеводский казак П.Г. Лысенков – альпинист, краевед и изобретатель	41
Депуева А.Б. Тимур Борисович Шаханов. Страницы биографии. К 100-летию со дня рождения	45
Коваленко А.Н. Борис Владимирович Лунин (1906-2001)	48
Савенко С.Н. Письмо Б.В. Лунина Н.М. Егорову от 08.02. 1927 г.	53
Савенко С.Н., Савенко Е.А. Кавказская этнография в работах и архиве Николая Михайловича Егорова	54
Савенко С.Н. Научные и личные контакты Н.М. Егорова и крупного кавказоведа Александра Александровича Иессена (1896-1964)	57

Раздел: Вопросы науки, краеведения и музейного дела Кавминвод и Северного Кавказа

АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В НАУКЕ, В МУЗЕЙНОМ ДЕЛЕ И КРАЕВЕДЕНИИ

Могаричев Ю.М. «Пещерные города» Крыма в описании А.С. Уварова	69
Прокопенко Ю.А. Уточнение хронологии и функциональных особенностей Грушевского городища VIII–III вв. до н.э. (юго-западные окрестности г. Ставрополя) по результатам раскопок А.В. Гадло и А.В. Найденко и находок последних лет	73

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО, ЛИТЕРАТУРНОГО, КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ КАВМИНВОД И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Белоцерковская И.Н. Тырнаузское вольфрамо-молибденовое месторождение. Коллекция писем первооткрывателей Веры Флёровой и Бориса Орлова	76
Боглачев С.В. Краеведы Кавминвод XX века в поисках «Домика Толстого» в Пятигорске	81
Захаревич А.В. Эволюция взглядов донского командного состава на лечение на Кавказских Минеральных водах в 1801-1813 гг.	91
Карибов Г.Г. Карибова Розалия Степановна и ее книга «До свиданья, Пятигорск!»	93
Чагаева Е.Ю. Евгений Алексеевич Колчин – уроженец Пятигорска, первый хранитель музея Московской консерватории	97

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ, ПРАКТИКЕ И МЕТОДИКЕ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА

Закарьяев М.М. Записки отдыхающего 101

МУЗЕЙНЫЕ РАРИТЕТЫ И КОЛЛЕКЦИИ

Боголюбов А.А. Картина Феликса Сыпневского «После боя»
из фондов Пятигорского краеведческого музея 105

Семендяев М.В. Монеты досоветского периода нумизматической
коллекции Пятигорского краеведческого музея: классификация,
периодизация, стратегия собирательской работы 107

Чегутаева Л.Ф. Наследие фотографа-краеведа Г.И. Раева
в собрании Пятигорского краеведческого музея 123

Сведения об авторах 133

Список сокращений 134

От редактора

В 2016 году Пятигорский краеведческий музей продолжил реализацию приоритетного научного проекта по организации и проведению межрегионального научно-музейного мемориального семинара памяти краеведов. 1-2 декабря состоялся уже Третий Кавминводский музейно-научный семинар. На этот раз он был посвящен 140-летию со дня рождения **Николая Михайловича ЕГОРОВА** (1876–1965 гг.), 120-летию **Матвея Ивановича РЫБЕНКО** (1896–1993 гг.), 105-летию и 30-летию памяти **Андрея Петровича РУНИЧА** (1911–1986 гг.). Все эти заслуженные и авторитетные жители Пятигорска внесли свой заметный вклад в развитие различных областей краеведческой науки и практики, о чем красноречиво свидетельствует и содержание данного сборника.

Заявки на участие в семинаре прислали около 20 ученых, сотрудников музейных учреждений и краеведов из Санкт-Петербурга, городов юга России (Владикавказ, Нальчик, Майкоп, Ростов-на-Дону), Ставропольского края (Ставрополь, Буденновск, с. Прасковья Буденовского района), региона Кавминвод (Кисловодск, Пятигорск) и Республики Крым (Симферополь). Непосредственно на заседания семинара прибыл отдыхающий в городе-курорте Пятигорске создатель и руководитель музея с. Гинух (Республика Дагестан) М.М. Закаръяев.

Заседания вели председатель Ученого совета музея доктор исторических наук, профессор Пятигорского государственного университета С.И. Линец и директор ПКМ, кандидат исторических наук С.Н. Савенко. Помимо пленарных заседаний в рамках семинара прошли: научно-практическое совещание **«Актуальные вопросы организации и проведения археолого-этнографических выставочных проектов северокавказских музеев»** на базе передвижной выставки Национального музея Республики Адыгея **«Мир женщины в интерьерах исторической памяти»**; презентация научно-музейного издания **«Материалы первого Маджарского археологического форума»** и круглый стол **«Проблемы состояния экологии и гидrolитосферы региона Кавказские Минеральные Воды»**. Содержание выставочного проекта Национального музея Республики Адыгея представляла группа ответственных сотрудников во главе с директором, кандидатом исторических наук Ф.К. Джигуновой. Серьезный аналитический материал по состоянию гидроминеральной базы и литосферы Кавказских Минеральных Вод был представлен на круглом столе соавторами крупного, богато иллюстрированного доклада: Першиным Иваном Митрофановичем – заведующим кафедрой управления технических систем Пятигорского филиала СКФУ, Малковым Анатолием Валентиновичем - директором ООО «Нарзангидроресурсы», доктором технических наук, профессором, Помеляйко Ириной Сергеевной – главным экологом ООО «Нарзангидроресурсы», кандидатом технических наук, доцентом. В ходе обсуждения темы возникла дискуссия, в которой активно участвовали научные сотрудники Пятигорского Института курортологии и музейные работники региона.

На семинаре были затронуты также вопросы, связанные с круглыми датами в истории Кавказского Горного общества в Пятигорске: 115-летия его создания (14.12.1901 г.) и 20-летия деятельности воссозданного в апреле 1996 г. нового состава данной научно-спортивной, культурно-просветительной, патриотической и краеведческой организации.

Всего среди участников всех форм работы семинара было шесть докторов и восемь кандидатов исторических и естественных наук.

Опубликованные доклады разделены и сгруппированы в соответствии с объявленными в информационных письмах оргкомитета и оговоренными в рабочей программе семинара тематическими направлениями. Содержание сборника, уже традиционно, состоит из двух разделов.

Мемориальный раздел посвящен вопросам, связанным с изучением жизни и деятельности, личной и творческой биографии Н.М. Егорова, М.И. Рыбенко и А.П. Рунича, а также других ученых и краеведов северокавказского региона (В.Р. Апухтин, В.Ф. Смолин, П.Г. Лысенков, Б.В. Лунин, Т.Б. Шаханов, Т.П. Плиев.)

В раздел входит обобщающая статья директора Пятигорского краеведческого музея, кандидата исторических наук С.Н. Савенко с новыми биографическими данными о краеведах, которым была посвящена конференция, и об ученых, прямо или косвенно связанных с ними – Всеволоде Ростиславовиче Апухтине (1874 – после 1928) и Викторе Федоровиче Смолине (1890–1932). Эти данные выявлены, в основном, в ходе более детального изучения части архива Н.М. Егорова и других материалов, хранящихся в Пятигорском краеведческом музее. Еще ряд работ продолжал развитие темы роли Н.М. Егорова в различных направлениях краеведения Кавминвод, истории старейшего на Ставрополье музейного учреждения и исследовании археологических памятников региона. Интересные детали содержит материал, подготовленный бывшим старшим научным сотрудником Пятигорского музея в 2002-2012 гг., заслуженным учителем РФ А.А. Багдасарян. В указанное время Анна Ашотовна являлась ключевым сотрудником ПКМ, обстоятельно изучавшим историю музея в период подготовки и празднования его 100-летнего юбилея в 2005 году. Она же была основным автором первой «Летописи...» его возникновения и развития (Пятигорск, 2007). И все же многие аспекты судьбы Николая Михайловича Егорова в то время не были известны или рассматривались очень общо и поверхностно. Это подтверждается содержанием статей С.Н. Савенко о научных и личных контактах Н.М. Егорова и крупного российского кавказоведа из Ленинграда А.А. Иессена (1896-1964), которому в 2016 г. исполнилось 120 лет, и вторая статья С.Н. Савенко и преподавателя истории и обществознания Кисловодского лицея № 8, кандидата исторических наук Е.А. Савенко о кавказских этнографических интересах Николая Михайловича.

В этом же разделе представлено исследование педагога дополнительного образования высшей категории Центра военно-патриотического воспитания молодежи г. Пятигорска, авторитетного краеведа Кавминвод А.Н. Коваленко о личности и разнообразной деятельности северокавказского историка и археолога Бориса Владимировича Лунина (1906-2001). В сообщении показана сложная судьба исследователя, заставлявшая его в конце 1920-х – 1930-е годы готовить доносы о неблагонадежности на своих старших коллег и учителей. Но большие научные достижения Б.В. Лунина были, по мнению автора и других ученых, значительно важнее его вынужденных «ошибок молодости». Картину дополняет выявленное и подготовленное к печати С.Н. Савенко первое письмо Б.В. Лунина Н.М. Егорову 1927 года.

Интересным докладом о неординарной личности осетинского краеведа и общественного деятеля Таймураза Петровича Плиева порадовал слушателей постоянный участник заседаний старший научный сотрудник отдела археологии Института истории и археологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова С.Б. Бурков.

Сотрудники дружественного Пятигорскому краеведческому музею ГКУК «Национальный музей Кабардино-Балкарской Республики» уже не первый раз участвовали в семинаре большой делегацией во главе с директором, кандидатом исторических наук Ф.Р. Наковым. Один из докладчиков – заведующая экспозиционным отделом А.Б. Депенева – посвятила свой доклад еще одному юбиляру, которому исполнилось 100 лет – балкарскому краеведу Тимуру Борисовичу Шаханову. Этот человек, самоотверженно любивший и изучавший историю и этнографию своего края, заслуженно удостоился серии статей и книг, посвященных ему и его времени. Значительная часть из них готовилась к печати А.Б. Депеневой.

Уникальный архивный материал из Центрального государственного архива Северной Осетии – Алании (г. Владикавказ) позволил хранителю Пятигорского государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова А.В. Данилову представить незаурядного умельца, путешественника и краеведа из станицы Горячеводской Петра Гавриловича Лысенкова как талантливое изобретателя.

Второй раздел **«Общие вопросы науки, краеведения и музейного дела Кавминвод и Северного Кавказа»** содержит ряд оригинальных разработок в различных областях изучения северокавказского края и Крыма. Они связаны с проблемами археологии, исторического, литературного и культурного краеведения, методикой и практикой музейного дела. Особый подраздел посвящен публикации музейных раритетов и коллекций.

Археологическая проблематика была обеспечена докладами доктора исторических наук, профессора Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования (КРИППО) из г. Симферополя Ю.М. Могаричева и профессора Северо-Кавказского Федерального университета, доктора исторических наук из Ставрополя Ю.А. Прокопенко. Первый ученый, исследующий так называемые «пещерные города» Крыма, провел анализ их раннего описания 1848 г. начинающим российским археологом середины XIX в., будущим председателем Московского археологического общества А.С. Уваровым. В них выявляются многие интересные факты, характеристики и примечательные нюансы.

Ю.А. Прокопенко уже не первый раз обращается к уточнению хронологии и функциональных особенностей Грушевского городища VIII–III вв. до н.э., расположенного в юго-западных окрестностях г. Ставрополя, используя для этого результаты раскопок памятника археологами А.В. Гадло и А.В. Найденко и находки последних лет. В докладе данная проблема изложена в обобщенном виде и сформулирована авторская позиция, достоверность которой будет еще обсуждаться в дальнейшем.

Несколько разнообразных по тематике докладов касались проблем исторического, литературного, культурного и природного краеведения Северного Кавказа. Заведующая сектором естественной истории ГКУК «Национальный музей Кабардино-Балкарской республики» И.Н. Белоцерковская рассмотрела вопросы открытия и ранней истории эксплуатации знаменитого Тырнаузского вольфрамо-молибденового месторождения в Кабардино-Балкарии. Рассмотренная коллекция писем первооткрывателей Веры Флёровой и Бориса Орлова придает этой истории человеческий и романтический ракурс.

Известный писатель и историк из Санкт-Петербурга, знаток краеведческой проблематики Кавминвод С.В. Боглачев детально рассмотрел усилия краеведов XX века по поиску названного и описанного в дневниковых записях Льва Николаевича Толстого домика в Кабардинской слободке, где великий русский писатель останавливался в 1852 и 1853 годах. Предложена и авторская версия определения его местоположения, которая требует дополнительного подтверждения, с чем согласен и сам Сергей Васильевич.

Ростовский исследователь, кандидат исторических наук А.В. Захаревич является признанным специалистом по истории донского казачества первой половины XIX века. На этот раз он, как всегда своеобразно, подошел к малоисследованной теме развития взглядов донского командного состава на лечение на Кавказских Минеральных водах в 1801–1813 гг.

Многолетний участник конференций, проводимых на базе Пятигорского краеведческого музея, научный сотрудник Историко-краеведческого музея села Прасковья Г.Г. Карибов, к большому нашему сожалению, недавно ушедший из жизни из-за тяжелой болезни, успел рассказать о своей матери и ее биографической книге «До свиданья, Пятигорск».

Заведующая сектором природы ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей» Е.Ю. Чагаева поделилась данными, выявленными в Интернете и полученными из других источников, новыми для жителей Кавминвод сведениями о Евгении Алексеевиче Колчине – уроженце Пятигорска, первом хранителе музея Московской консерватории, музыканте и самобытном художнике.

В оригинальном жанре «Записок отдыхающего» изложил свои впечатления от незапланированного посещения Пятигорского музея и участия в семинаре руководитель музея малочисленного народа гинухцев (Дагестан) М.М. Закарьяев.

Публикации сотрудников Пятигорского краеведческого музея А.А. Боголюбова, М.В. Семендяева и Л.Ф. Чегутаевой посвящены анализу музейных коллекций. В работе доктора гуманитарных наук в области политической истории Польши, заведующего сектором истории культуры ПКМ А.А. Боголюбова рассматривается одна из уникальных картин музейного собрания, которая впервые была осмыслена и определена сотрудниками в 2016 году. Это полотно польского художника XIX века Феликса Сыпневского «После боя» (1864 г.).

Обстоятельная статья о собрании дореволюционных монет Пятигорского краеведческого музея подготовлена заведующим научным отделом М.В. Семендяевым. Она не является окончательной в разработке данной темы, но в состоянии послужить основой для такой работы.

Ведущий методист ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей» Л.Ф. Чегутаева вновь обратилась к рассмотрению ценной коллекции знаменитого кавминводского фотохудожника, горного туриста и альпиниста, краеведа и фотолетписца Григория Ивановича Раева (1863–1957). Автору удалось выделить новые и малоизвестные материалы коллекции, существенно детализировать ее общую характеристику.

К сожалению, в сборнике нет публикаций доклада кандидата биологических наук из г. Кисловодска К.Ю. Лотиева «Новые находки амфибий и рептилий на Кавминводах и Ставрополье» и интересного сообщения Ю.Д. Обухова – директора муниципального учреждения культуры «Краеведческий музей села Прасковеев» Ставропольского края, в котором он презентовал масштабный сборник материалов Первого Маджарского форума, проведенного в 2012 г. совместно с ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей» и изданного Институтом археологии Академии наук Республики Татарстан (директор д.и.н. А.Г. Ситдиков). Эти авторы не смогли предоставить доработанные тексты своих важных и информативных выступлений для печати в установленные сроки.

Мы уверены, что сборник, как и два предыдущих подобных музейных издания, найдет заинтересованного читателя, будет востребован, интересен и полезен для ученых, преподавателей вузов, студентов и учащихся, музейных работников, краеведов.

Савенко С.Н.,
директор ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей»,
кандидат исторических наук,
заслуженный работник культуры РФ

Мемориальный раздел

МАТЕРИАЛЫ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРАЕВЕДОВ КАВМИНВОД И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Савенко С.Н.
(г. Пятигорск)

Новые биографические данные о В.Р. Апухтине, Н.М. Егорове, В.Ф. Смолине, М.И. Рыбенко и А.П. Руниче

Вскоре после моего возвращения в 1990 г. в Кисловодск из города Грозного, в котором мне довелось проучиться, прожить и проработать около 15 лет, я продолжил научно-биографические изыскания по изучению и популяризации данных о жизни и деятельности археологов и краеведов Кавминвод. Наиболее близкими из них для меня были мои наставники в области археологического краеведения начиная со школьных лет – Николай Николаевич Михайлов (1902–1971) и Андрей Петрович Рунич (1911–1986). Сведения о них мне доводилось публиковать в совместных с коллегами работах еще до начала 1990-х годов [1-2]. К 1991 году мною был сформирован перечень из пяти фамилий людей, научными и общественными судьбами которых я посчитал для себя должным заниматься. Кроме уже указанных Н.Н. Михайлова и А.П. Рунича, в перечень были внесены Всеволод Ростиславович Апухтин (1874 – после 1928), Николай Михайлович Егоров (1876–1965), Дмитрий Михайлович Павлов (1883–1931). И если о Н.М. Егорове я уже имел определенное представление, то В.Р. Апухтина и Д.М. Павлова пришлось открывать заново. Среди других археологов–краеведов региона, таких как П.Г. Акритас (1880–1876), И.С. Гумилевский, Б.А. Королев, В.Б. Королев, Г.Я. Симакин, Е.Е. Ивашнев (1935–2009), Т.Б. Палимпсестова (1907–1993) и других, выделялась еще личность М.И. Рыбенко (1896–1993), после смерти которого в фонды Пятигорского краеведческого музея стали поступать его археологические коллекции и архивные подборки. В данных материалах, как и в переданной в научную библиотеку ПКМ в то же время доктором исторических наук В.А. Кузнецовым обширной части архива Н.М. Егорова, содержались многие не введенные ранее в научный оборот биографические сведения. Благодаря им удалось выйти на еще одну яркую персону, оставившую свой след в изучении археологических памятников Кавминвод – профессора Виктора Федоровича Смолина (1890–1932, сотрудника Пятигорского музея в 1931–1932 гг., жившего в городе в последние годы, умершего и похороненного в старинном Пятигорском некрополе [3-4].

Ранее, в сотрудничестве с А.П. Руничем и позднее, в сферу пристального историко-биографического внимания был включен Н.Н. Михайлов. В год его 90-летия которого в октябре 1992 г. на базе Кисловодского историко-краеведческого музея, который я тогда возглавлял, была проведена первая в регионе научная конференция «Археология и краеведение Кавминвод». Изданный сборник материалов этой конференции содержал не публиковавшийся ранее некролог, ряд других статей об археологе-краеведе и его деятельности и в целом был посвящен его памяти [5]. К 100-летию Н.Н. Михайлова был подготовлен очерк о наставнике, который стал первой моей публикацией в сети Интернет [6], а затем был издан и в традиционном печатном виде [7]. К 100-летию и 110-летию краеведа в Кисловодском историко-

краеведческом музее «Крепость» проводились музейные памятные вечера, на которых я выступал с сообщениями и презентациями. В 2012 г. по инициативе Кисловодского краеведческого общества были собраны средства, проведена подготовительная работа (в которой принимал участие и я) и был установлен общий памятник Н.Н. Михайлову и его матери – Михайловой Наталье Кузьминичне (1886–1967) на старом Кисловодском городском кладбище по ул. Революции.

Не ослабевал интерес и к личности А.П. Рунича. В 1990-е годы о нем было немало газетных и отдельных научных публикаций [8-9]. В конце 1997 г., с опозданием на один год, на базе Пятигорского краеведческого музея была организована и проведена конференция к 95-летию авторитетного археолога-краеведа Кавминвод [10], по материалам которой издан небольшой сборник [11].

Изучением биографий кавминводских археологов-краеведов я продолжал заниматься и на рубеже 1990–2000-х годов, когда велась работа над совместной монографией «Древности Кисловодской котловины» [12]. Параллельно в 2000-е годы биографии археологов Кавминвод исследовали В.А. Фоменко и А.И. Данилов, готовившие биографический словарь по данной теме. Но, насколько мне известно, он не был доведен до стадии печати. Дело ограничилось выходом в свет нескольких биографических справок и статей по отдельным персоналиям, в частности, о В.Р. Апухтине, Н.М. Егорове, А.П. Руниче, П.Г. Акритасе [13-15]. В 2005 году, накануне и во время празднования 100-летия Пятигорского краеведческого музея, по принятой тогда традиции, в газетных рубриках и основанных на них музейных сборниках были опубликованы статьи о Н.М. Егорове и М.И. Рыбенко [16-17]. Эти данные вошли и в «Летопись Пятигорского краеведческого музея», изданную в 2007 г. [18].

Когда в 2008 г. готовился к печати выпуск 10-го Вестника Кавказского Горного общества в Пятигорске «Наследие» (был полностью собран в марте 2009 г., но распространен в ограниченном количестве экземпляров только на электронных носителях) в рамках проекта «Семизвездные мгновения вечности» (А.С. Кругликов), были отобраны семь выдающихся местных любителей древностей и археологов Кавминвод: В.Р. Апухтин, Н.М. Егоров, В.Ф. Смолин, П.Г. Акритас, А.П. Рунич, М.И. Рыбенко и Н.Н. Михайлов. Были подготовлены биографические справки (с. 77-83 макета «Вестника»-10). После проведения крупной конференции к 100-летию и к 25-летию памяти А.П. Рунича на базе Пятигорского краеведческого музея в 2011 г. [19], выхода в свет книги о Всеволоде Ростиславовиче Апухтине как археологе и музейном деятеле, над которой работали А.Н. Коваленко, С.Н. Савенко и А.И. Данилов [20], и во время подготовки Первого музейного мемориального семинара памяти краеведов, посвященного 130-летию Д.М. Павлова [21], эти данные были доработаны. Вопросы о роли археологов – краеведов в истории создания и развития Пятигорского краеведческого музея рассматривались также и в связи с подготовкой к его 110-летию в 2013 году [22].

В последнее время удалось получить новый оригинальный и дополнительный материал по личным и творческим биографиям ряда археологов-краеведов Кавминвод. О них и пойдет речь ниже.

Апухтин Всеволод Ростиславович (11.02.1874–после 1928-?) относился к плеяде русских историков и археологов, краеведов и любителей древностей, работавших на Кавминводах в первой четверти XX века, как в дореволюционный, так и в ранний советский периоды. С 1920-1921гг. по начало 1925 г. являлся активным представителем и одним из руководителей научно-краеведческого движения, музейного дела и охраны памятников истории и культуры в Пятигорске.

Родился в с. Бильдино, Болховского уезда, Орловской губернии. Выходец из старинного российского дворянского рода Апухтиных (Опухтиных). С детских лет проявлял живой интерес к истории и древностям. Сначала получил военное обра-

зование и стал кадровым военным, офицером царской армии. Рано вышел в отставку. С 1899 по 1902 гг. прошел курс обучения и стал членом-сотрудником Санкт-Петербургского Императорского археологического института.

С 1901 г. начал вести самостоятельные полевые археологические исследования у себя на родине в центральной России, а с 1902 г. – на Северном Кавказе и особенно в районах Терской области и Ставропольской губернии. Работы на Кавминводах в 1902 г. широко освещались местной и центральной прессой. Исследователь находился и вел раскопки в регионе также в 1903, 1906-1908, 1910, 1913 гг. На основе собственных находок и частных приобретений сформировал крупную археологическую коллекцию из нескольких тысяч единиц предметов, относящихся к широкому хронологическому периоду, начиная с эпохи ранней бронзы и вплоть до позднего средневековья. Еще в 1903 г. на базе этой коллекции предлагал создать археологический музей в Пятигорске.

Перерывы в научно-исследовательской деятельности были связаны с тем, что он добровольно участвовал в русско-японской 1904-1905 гг., балканских войнах 1912 г. и, по всей вероятности, в Первой мировой войне. Был неоднократно ранен. Имел много боевых наград.

В 1909-1910 гг. в послужном списке исследователя значилось, что он был членом-сотрудником Санкт-Петербургского Императорского археологического института и общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете; членом Орловской, Тверской, Воронежской, Курской, Костромской, Витебской губернских Ученых архивных комиссий; комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии; слушателем курса Московского археологического института; членом-корреспондентом Императорского Русского Географического общества; действительным членом Императорского Русского военно-исторического общества; Историко-родословного общества в Москве; Кружка дворян; Общества любителей Духовного просвещения; Орловского церковно-археологического общества; Новгородского общества любителей древностей; инициатором создания и разработчиком Устава Северо-Кавказского археологического общества; автором идеи создания местного Музея древностей в Пятигорске.

Переехав в Пятигорск после революционных событий и Гражданской войны в конце 1920 г., В.Р. Апухтин вновь со всей отдачей окупился в занятия археологией и краеведением, вопросами охраны памятников и развития музейного дела. В 1921–1922 гг. Всеволод Ростиславович являлся заведующим Тергубмузеем – организацией, ведавшей вопросами музейного дела, охраны памятников старины, искусства и природы. Организовывал крупные разноплановые выставки, широко используя в них собственные коллекции. Не являясь сотрудником, имел отношение к развитию Пятигорского краеведческого музея. Содействовал получению им ценных коллекций изобразительного искусства и других материалов из Государственного Исторического музея (г. Москва). В июне 1922 г. прорабатывался вопрос о создании в Пятигорске музея краеведческой направленности в память 5-летия Пролетарской революции. Подготовительную работу также вел В.Р. Апухтин.

Однако уже в начале указанного периода он стал неудобен для людей новой формации со значительно меньшими способностями и заслугами, рвущимися к руководящим должностям. По мало обоснованным обвинениям, в основном как специалиста с непролетарским прошлым, В.Р. Апухтина стали притеснять. После отстранения от должности заведующего Тергубмузеем 30.11.1922 г. и изъятия у него личной библиотеки и архива Всеволод Ростиславович хотел уехать из Пятигорска в Нальчик. Поддержка его сторонников привела к тому, что он все же продолжил работу в Пятигорске в 1923-1924 гг. в качестве заведующего архивом и местного Бюро

истпарта. Но притеснения не прекратились. Это вынудило исследователя окончательно покинуть Пятигорск в 1925 году.

Затем он работал в Ставрополе, Ростове-на-Дону, Харькове. И там вел активную научно-общественную деятельность. Избирался в состав руководства ряда общественных организаций. Приезжал для научной работы в Пятигорск. В 1928 году удостоился внесения в справочник «Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда» как член секции археологии, этнографии, антропологии и искусства Северо-Кавказского бюро Краеведения, научный сотрудник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института краеведения, член Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии и Русского Географического общества. В круг занятий В.Р. Апухтина тогда входили археология, этнография, история, археография, история революционного, рабочего и профессионального движения. Но вскоре он, по-прежнему подвергавшийся давлению и преследованиям, был забыт настолько, что нам и сейчас неизвестно, где и при каких обстоятельствах умер этот неординарный ученый и общественный деятель.

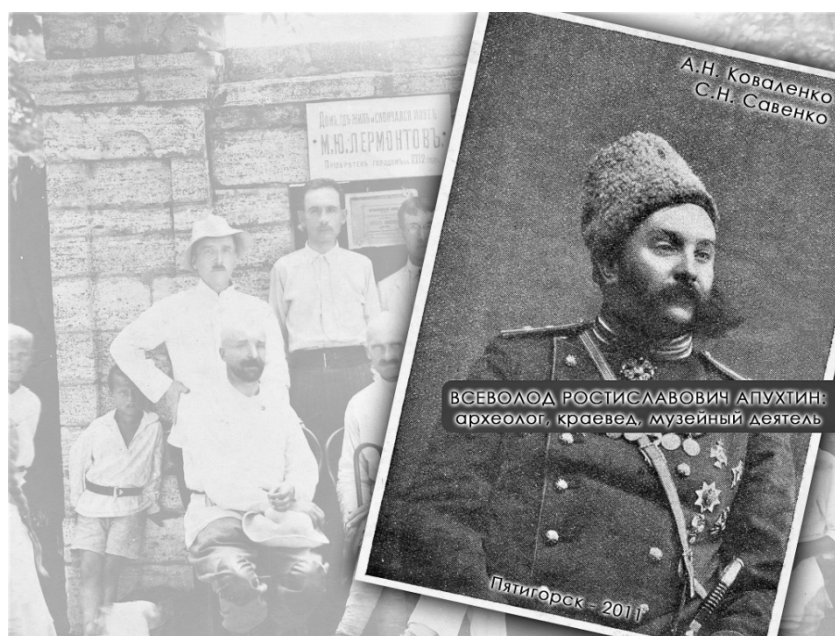

Рис.1. Вариант обложки книги о В.Р. Апухтине, 2011 г.
Автор макета И.П. Дворников.

После выхода уже названной книги 2011 г. последовали уточнения. Первые из них касались завершающего периода жизни и деятельности В.Р. Апухтина. В книге не были отмечены факты, что в конце 1920-х годов Всеволод Ростиславович проживал не только в Ростове-на-Дону, но и в Харькове. Так, в 1927 г. он принимал участие в журнале «Краеведение на Северном Кавказе» от города Харькова [23]. Еще одно важное уточнение на этот счет выявлено в хранящейся в Пятигорском краеведческом музее части архива Н.М. Егорова. Оно содержится в плохо читаемом сейчас машинописном письме с правками от руки известного ростовского (на Дону) археолога и краеведа Б.В. Лунина к Егорову, датированном 8 февраля 1927 года. В письме сообщается: «Всеволод Ростиславович живет сейчас в Харькове. Недавно получил от него письмо. Где он жалуется на тяжелое материальное положение и утомительную работу по добыванию себе куска хлеба. Его адрес: Грековская (Греківська вул.) д. № 6, кв. 5» [24]. Не исключено, что именно в этом городе закончилась жизнь ученого и общественного деятеля, но это нам по-прежнему точно не известно.

На основании неоднократно публиковавшейся в последние годы фотографии В.Р. Апухтина 1912 г. как российского военного корреспондента на Балканах можно установить некоторые дополнительные сведения о его военной службе и наградах. На рассматриваемом фото Всеволод Ростиславович запечатлен в офицерском артиллерийском длинном сюртуке образца 1905 г. Лента от ордена на шее накручена на стоячий воротник. Сабля драгунская офицерская образца 1881 г. (использовались до 1909 г.). Белая португеза перекинута через правое плечо. Интересен комплект наград и значков на мундире. Их состав устанавливался любителем военной истории и краеведения из Кисловодска Ю.П. Павличенко. Линия наград на груди начиналась с ордена Св. Владимира IV степени, затем шел орден Св. Станислава с бантом и мечами и ряд медалей. Самым высоким по степени был орден Св. Станислава III степени на шее. Среди медалей имелись: Крест за оборону Порт-Артура, медаль за русско-японскую войну, «200-летие Полтавской битвы»; предположительно также – медали «100 лет Войны 1812 г.», «За Китайский поход», Звезда Эмира Бухарского. Определяются значки Николаевского кадетского корпуса, Константиновского артиллерийского училища, 5-й батареи 33-ей артиллерийской бригады. Присутствует и гражданский знак члена-сотрудника Санкт-Петербургского археологического института.

В названной монографии А.Н. Коваленко и С.Н. Савенко приводятся довольно подробные данные о полевой археологической и общественной деятельности В.Р. Апухтина на Кавминводах, в том числе и в 1913 г. после окончания Балканской войны. В архиве Санкт-Петербургского института истории материальной культуры находится еще один интересный документ этого времени, повествующий о раскопках учащихся Пятигорской мужской гимназии в сентябре 1913 г. в окрестностях Пятигорска под руководством преподавателя гимназии Порфирия Аристарховича Пелиховского и под наблюдением В.Р. Апухтина и И.П. Евдокимова [25]. Из краткого отчета, направленного директором гимназии в Императорскую Археологическую комиссию, выясняется, что преподаватель П.А. Пелиховский, в ответ на неоднократные просьбы гимназистов познакомить их с практикой раскопок, 22.09.1913 г. собрал группу из 14 учеников старших классов и вывел их на место археологического объекта – курганов за Константиновской слободкой, где ранее проводил свои исследования В.Р. Апухтин.

П.А. Пелиховский предварительно познакомил учащихся с правилами производства археологических курганных раскопок и заручился поддержкой И.П. Евдокимова, являвшегося помощником В.Р. Апухтина и техником во время его полевых работ. Раскопки ряда погребений одного из курганов проводились с разрешения И.П. Евдокимова и под его личным наблюдением. Более 30 небольших курганов к западу от Константиновской слободки на южном склоне, т.н. 2-го Константиновского поста были предварительно отнесены к «...монголо-татарской эпохе». В действительности эти позднесредневековые захоронения правильнее связать со «старокабардинскими» курганами.

Было раскопано 2 насыпи, получивших обозначение «могильник № 5» и № 6. Указывалось, что эти номера продолжали порядок уже раскопанных могильников – курганов. Вероятно, другие насыпи раскапывались В.Р. Апухтиным. Под обеими насыпями были воинские захоронения в деревянных колодах, перекрытых досками с подсыпками из древесного угля. Останки погребенных плохой сохранности, в первом случае почти полностью истлевшие, сопровождалась саблями, «клинками» (кинжалами или боевыми ножами), железными кресалами и кусочками кремня. В могильнике № 6, кроме того, были остатки кожаного колчана, несколько групп железных наконечников стрел и колец.

Примечательно, что в отчете содержались сведения о гимназистах, выполнявших различные работы, Так, копали по очереди ученики Короленко, Лаврик, Ве-

личкин, Правиков и Самойлов. Сфотографировали раскопки Егоров, Попадейкин и Тимашевский. На следующий день вечером приводили в порядок найденные вещи, покрывали лаком, прикрепляли на доски и т.д. Короленко, Евангулов, Тимашевский, Ростованов, Бонвеч. Находки поступили в собрание гимназии и хранились в ней до середины 1920-х годов. Затем, возможно, они частично перешли в фонды Пятигорского краеведческого музея.

Много разрозненных документов, связанных с В.Р. Апухтиным, находится в части рукописного архива Н.М. Егорова, хранящейся в ПКМ. Помимо уже использованных и обнародованных документов имеются: ответ заместителя консультационно-библиографического сектора Государственной публичной библиотеки им. Е. Салтыкова-Щедрина в г. Ленинграде М. Зиновьевой на запрос Н.М. Егорова о публикациях В.Р. Апухтина по его ранним археологическим работам на Кавминводах, датированный 25.11.1933 г. за № 5694 [26]; справка об «Апухтинском» кургане за ст. Горячеводской, составленная Н.М. Егоровым 10.11.1948 г. [27]; фотография и зарисовка каменного топора (топоров - ?) из змеевика, обнаруженных В.Р. Апухтиным [28]; данные о коллекциях Апухтина в одном из писем А.А. Иессена Н.М. Егорову, датированном 03.04.1961 г., с указанием, что часть этих коллекций обнаружена или опознана в Ставропольском музее [29]; конспекты статей об археологических работах Всеволода Ростиславовича и другое. Детальный разбор сведений из этих материалов, а также анализ книг и статей из собрания ученого и краеведа, могут дать дополнительные частные уточнения о судьбе В.Р. Апухтина, наряду со вновь выявляемыми источниками по теме. В качестве примеров можно привести раннюю работу 1924 г. Б.В. Лунина (1906-2001) о дольменах Черноморья, посвященную «Археологу Всеволоду Ростиславовичу Апухтину» [30], с которым, как мы теперь знаем, он вел переписку и в конце 1920-х годов, когда исследователь проживал в г. Харькове. В той же серии «Материалов по археологии Юго-востока России» готовились к печати и другие важные издания, в частности, Вып. 2-6 – А.С. Анищенко и Б.В. Лунина. Обзор археологии Ю.-В. России за 1918-1924 гг. под редакцией В.Р. Апухтина. Возможно, именно Борис Лунин, связанный с Пятигорском в юные годы и проживший долгую и сложную жизнь [31], более других знал о последних месяцах и днях судьбы В.Р. Апухтина. Но у него, к сожалению, никто об этом не успел спросить.

Кроме всего вышеотмеченного, следует назвать еще серию монографий и иных публикаций, в которых уточнялись и дополнялись биографические сведения о В.Р. Апухтине. Так, еще в 2011 г. составителями П.Г. Гайдуковым и Н.Н. Жервэ был подготовлен Путеводитель XV Археологического съезда в Новгороде, в котором была помещена развернутая справка о В.Р. Апухтине со сведениями об его участии в работе Подготовительного комитета и в самом Съезде в качестве представителя Воронежской и Костромской Государственных ученых архивных комиссий [32]. В тексте имеются данные, что на открытии съезда Апухтин представлял также Орловское церковно-археологического общество, выступил с докладами на двух отделениях (I. Древности первобытные; IV. Древности юридические, быт хозяйственный, домашний и военный), делал групповые фотоснимки и пытался поучаствовать в организации показательных раскопок для делегатов съезда. Однако последнее ему не удалось [33].

В монографии И.Б. Сидоровой об Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете подтверждено членство В.Р. Апухтина в этой организации как представителя Санкт-Петербурга с 1904 г. [34].

О биографии **Николая Михайловича Егорова** (21.11/04.12.1876–16.09.1965) написано немало работ, начиная с некролога, опубликованного археологом-кавказоведом В.А. Кузнецовым в 1966 г. в журнале «Советская Археология» в связи со смертью Егорова [35].

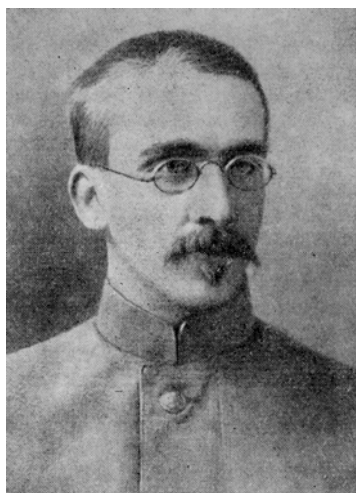

Рис.2. Н.М. Егоров. Начало XX в..

Но настоящий прорыв в изучении его личной и научной судьбы удалось сделать в 2015-2016 гг., когда отмечалось 50-летие памяти и 140-летие со дня рождения Н.М. Егорова. У нас сейчас имеется возможность адресовать читателей к сборнику материалов Второго Кавминводского межрегионального семинара памяти краеведов, проведенного 11-12.09.2015 г. на базе ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей», посвященного памяти кавказоведа [36], и к другим публикациям [37]. В ходе заседаний Третьего Кавминводского семинара памяти краеведов (Пятигорский краеведческий музей, 01-02.12.2016 г.) был представлен еще ряд материалов, непосредственно связанных с жизнью и деятельностью Н.М. Егорова, которые публикуются ниже. Поэтому здесь мы только приведем наиболее значимые уточнения и остановимся на перспективах дальнейшего изучения биографических данных ученого.

В течение продолжительного времени дата рождения Н.М. Егорова не была нам известна, и установлена она только накануне Второго Кавминводского семинара памяти краеведов, когда были получены документы из Санкт-Петербургского филиала архива РАН от его директора, доктора исторических наук И.В. Тункиной. Дата и место рождения ученого указаны им лично в анкетах, представленных в Комиссию по составлению справочника «Наука и научные работники в пределах СССР» при Российской Академии наук в 1926 г. В этих же документах определены широкие научные интересы Н.М. Егорова.

Следует подчеркнуть, что Егоров получил хорошее образование, окончив с золотой медалью Владикавказскую мужскую классическую гимназию и Петербургский Императорский историко-филологический институт, готовивший учителей гимназий для регионов Российской империи. Еще в гимназии он увлекся коллекционированием и изучением бабочек и жуков, а также проявлял живой интерес к горным путешествиям. Николай проводил сборы образцов насекомых с 1889-1891 гг., в том числе и на Кавминводах – в Железноводске, Пятигорске, Кисловодске и окрестностях, куда он приезжал неоднократно с родителями и самостоятельно. Это явилось одной из причин того, что в первые годы после событий Гражданской войны Н.М. Егоров поселился в Пятигорске.

Вернувшись на Кавказ после обучения в ПИФИ, он занялся и другими направлениями кавказоведения, в частности, местной этнографией и фольклором, продолжая собирать и исследовать чешуекрылых и других насекомых. В 1902 году стал действительным членом Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества и достаточно активно публиковался в его изданиях.

Н.М. Егоров много преподавал в гимназиях крупных городов Закавказья. Являясь учителем древних языков, в частности, латинского в Батумской гимназии, он получил чин надворного советника, затем последовательно – коллежского советника и статского советника, относящийся по «Табели о рангах» к V классу, и приравняемый к чину между полковником и генерал-майором в царской армии. Эти сведения о Егорове в советское время абсолютно не упоминались.

Сложные перемены в жизни Н.М. Егорова в годы революции и Гражданской войны остаются малоизвестными, но по данным архива кавказоведа установлено, что он до середины 1918 г. находился в Батуми, а затем переезжал на относительно непродолжительное время в Тифлис (конец 1918 – первая половина 1919 г.) и затем в Баку. Последняя датированная запись в архивной тетради № 2, хранящейся в ПКМ, сделана Егоровым в г. Баку 26.09.1921 года [38].

Остается неустановленной точная дата переезда Н.М. Егорова в Пятигорск. Вероятно, это был конец 1921 г. Фактически сразу он включился в преподавательскую и общественную деятельность. В начале октября 1924 г. кавказовед прочно «прикипел» к музейной сфере, проблемам изучения и сохранения исторического наследия и памятников археологии, ставшими основным делом его дальнейшей жизни. Первый опыт причастности к вопросам развития музеев Н.М. Егоров получил в Тифлисе еще в начале XX в., когда он обсуждал с директором Кавказского музея А.Н. Казнаковым предложение собрать в данном учреждении образцы особых ритуальных пирогов и хлебов различных народов региона, а также форм для их приготовления [39]. При этом, предположение о том, что Н.М. Егоров возглавлял в 1923 г. Пятигорский музей М.Ю. Лермонтова, отвергнуто как ошибочное [40].

Последующие этапы жизни и творчества Н.М. Егорова отражены в многочисленных публикациях, но и они представлены далеко не исчерпывающе.

Николай Михайлович имел отношение к выявлению и изучению многих памятников археологии региона. Известно, что он был автором двух вариантов материалов к археологическим картам Кавминвод 1939 и 1958 гг. [41]. В фондах Пятигорского музея имеется тетрадь, в которой сведены воедино записи из уже упоминавшихся Книг поступления об археологических находках и памятниках [42]. Среди архивных данных выделяются отдельные особенно интересные темы, к примеру, вопрос о находках дольменов на Кавминводах. История открытия так называемого «Зиминского дольмена» запечатлена в Книге поступлений за 1924-1931 гг. и в сводной выписке из нее, сделанной Н.М. Егоровым 31.08.1963 г. В них указывается, что в сентябре-октябре 1927 г. в музей поступили «Части глиняного сосуда, найденные крестьянином хутора Зимина Горячеводского района Зайченко при разборке дольменообразного сооружения, скрытого в земле на участке, расположенном рядом с его усадьбой. По его рассказам (и в соответствии с нашими наблюдениями на месте) у этого сооружения было три стены (четвертой южной не было). Каждая сложена из нескольких громадных стоячих плит до 40 см толщиной, тщательно забитых по стыкам снаружи мелким камнем. Верхней плиты не было. У восточной стенки лежало два плоских камня, образующих как бы полочку, на которой и находился этот горшок. На месте южной стены, вернее за нею, было много костей какого-то крупного животного. Часть костей были нами собрана и доставлена в музей. Все сведения собраны и вещи взяты нами (Н.М. Егоров, Е.Л. Синькевич и Н.А. Двумименный) во время поездки на хутор Зимина 8 ноября 1927 г.» [43]. По тексту данной записи нет сведений, что «Зиминский дольмен» имел классическую западно-кавказскую форму. Это было именно дольменообразное сооружение. Более похожей на дольмен по описаниям была гробница, доследованная Д.Я. Самоквасовым у горы Верблюд, о чем сообщал в уже названной выше работе о дольменах Б.В. Лунин [44]. Но интересно, что Н.М.Егоров и Б.В. Лунин еще в переписке конца

1926 – начала 1927 гг. обсуждали тему о дольмене у горы Медовой. Это еще одна из легенд, не подтвержденная фотодокументами.

Более известна запутанная история с фотографиями дольмена у г. Острой 1902 г. Г.И. Раева. Она довольно подробно представлена В.А. Кузнецовым в его книге об археологических памятниках Кавминвод [45]. К данной истории был причастен и А.П. Рунич. Им была даже составлена схема расположения этого дольмена [46]. Однако в записи приема двух раевских фотографий с запечатленным дольменом, поступивших в Пятигорский музей в январе 1940 г., указано, что это снимки дольменов – наземных гробниц Кавказа бронзового века [47], без привязки их к горе Острой на Пятигорье.

Это только один из примеров того, какие интересные сюжеты для исследования можно почерпнуть из архивных материалов Н.М. Егорова. Но материалы, связанные с деятельностью ученого-краеведа, имеются не только в Пятигорском музее. Так, только в конце октября 2016 г. стало известно, что письма и иные материалы Н.М. Егорова имеются в документальных делах таких кавказоведов как А.А. Миллер и А.А. Иессен, хранящихся еще в не полностью разобранном состоянии в Архиве ИИМК в С.-Петербурге (информация ученого секретаря Института, кандидата исторических наук Н.Ю. Смирнова). Наверняка нас ожидают еще и другие открытия.

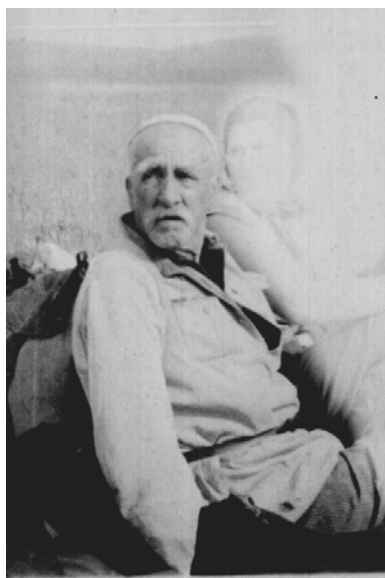

Рис.3. Н.М. Егоров во время выхода на археологические памятники.
Конец 1950-х гг.

Более обстоятельное изучение его архивов, архивов его коллег и корреспондентов позволит сделать еще немало био-библиографических дополнений и уточнений.

Смолин Виктор Федорович (1890.29.03–1932.27.10) – примечательная фигура в отечественной археологии начала XX века, профессор, специалист по общим и региональным проблемам археологии. Изучал греко-римскую историю, историю скифов и греческих колоний Причерноморья, памятники Волго-Камского края, средневековые объекты Волжской Булгарии и Крыма.

Рис.4. В.Ф. Смолин в 1920-е гг.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов успешно занимался кавказоведением и, в частности, археологией Кавминвод. Последний, из четырех этапов жизни и деятельности, провел в Пятигорске в качестве сотрудника краеведческого музея. Здесь же В.Ф.Смолин и скончался из-за серьезной болезни в расцвете творческих сил в возрасте 42 лет.

Виктор Федорович родился в семье железнодорожного служащего Верхне-Баранчанского завода Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Его детство и юность прошли в Челябинске и Томске. После окончания Томской гимназии поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. В феврале 1911 г. он уехал в Германию и обучался на историческом отделении философского факультета Лейпцигского университета. Там он прошел курсы и практикумы у знаменитых европейских профессоров древней истории и философии. В 1913 г. начал готовить докторскую диссертацию по проблемам изучения экономической жизни греческих колоний Северного Причерноморья. Продолжил и в основном завершил эту работу в университете города Галле. Начавшаяся Первая мировая война не позволила защитить подготовленную рукопись, и В.Ф. Смолин вернулся для продолжения обучения в Казанский университет, который окончил уже в условиях Гражданской войны в конце мая 1918 г.

Начинающий ученый был освобожден от воинской повинности по состоянию здоровья и всецело посвятил себя научной работе. Под руководством профессора М.М. Хвостова разрабатывал различные аспекты античной и скифской истории и археологии, участвовал в изучении памятников Волго-Камья. Еще студентом начал публиковать серьезные научные разработки. После окончания обучения его оставили в вузе для подготовки к профессорскому званию. Но вновь политические события нарушили удачно складывающуюся научную карьеру. Разгоревшаяся гражданская война забрасывает его в Томск.

В относительно короткий по времени Томский период (1918-1920 гг.) ученому удалось много сделать. Он преподавал в университете и гимназии, заведовал университетским музеем, организовывал Томское общество этнографии, истории и археологии, участвовал в создании Томского краевого музея и органов охраны памятников искусства и старины, выступал инициатором создания Института исследования Сибири и т.п. Даже вернувшись в очередной раз в Казань, В.Ф. Смолин продолжал начатые ранее «сибирские» инициативы и дела.

Второй казанский период (1920-1929 гг.) также был очень сложным для ученого. Бытовые трудности в условиях послевоенной разрухи, болезни в семье, реформирование системы высшего образования и т.п. существенно сказывались на творческом пути Виктора Федоровича. Но и в это время он не ослабляет свою научно-педагогическую деятельность. В конце 1921 года избирается на должность профессора кафедры археологии Восточной академии, затем занимает кафедру археологии на отделении востоковедения Восточного педагогического института, пытается внедрять и реализовывать планы масштабных археологических исследований в поволжских республиках и областях, активно участвует в массовом краеведческом движении Татарии и Чувашии. В 1925 г. он совершил научное открытие не только общероссийского, но и международного значения. Раскопки Абашевского могильника позволили выделить яркую культуру эпохи бронзы Среднего Поволжья и Приуралья. Статьи об этом открытии публикуются отечественными и зарубежными научными журналами. Выходят в свет и книги по данной теме.

В 1926 г. он возглавил один из отрядов Средневожской комплексной экспедиции Государственной Академии Истории материальной культуры, работавший в Чувашии. В том же году участвовал в Керченском съезде археологов СССР. Тогда он укрепил связи с учеными различных регионов страны. Оказавшись на лечении на Кавказских Минеральных Водах, сблизился с Н.М. Егоровым, заинтересовался местными памятниками и особенно Рим-горой под Кисловодском.

В середине сентября 1927 г. В.Ф. Смолин и Н.М. Егоров встречаются на Херсонесской археологической конференции, а в конце того же месяца проводят совместные разведки и небольшие раскопки на Рим-горе. Впервые был не только собран подъемный материал, но и профессионально изучен участок городского могильника городища. Результаты этих работ были кратко опубликованы.

С того времени Виктор Федорович вплотную начинает заниматься и кавказоведением. Он укрепляет деловые связи с Ростовом-на-Дону, кавминводскими краеведами и музейными учреждениями, предполагает развернуть в регионе масштабные исследования.

В конце 1920-х годов прогрессирующая болезнь сердца и усилившаяся в Казани кампания по разоблачению работ и взглядов ученых, сформировавшихся в дореволюционный период, вынудили В.Ф. Смолина переехать в Керчь. Начался последний, крымско-кавказский период его жизни и деятельности. В Керченском музее Виктор Федорович стал директором, приняв должность от своего коллеги К.Э. Гриневича. Занимался развитием научных исследований, издательской деятельностью, включался в работу по социалистическому переустройству села, организуя для этого передвижные выставки и лектории. Но и здесь ему было нелегко. По данным крымского историка Д.П. Урсу, в начале 1931 г. ученый был арестован и просидел, к счастью, недолго в тюрьме по обвинению в контрреволюционной деятельности. Однако В.Ф. Смолину вновь пришлось переезжать и менять место работы.

На этот раз новым местом стал Пятигорск. Устроившись научным сотрудником в краевой краеведческий музей, директором которого тогда был Н.М. Егоров, Виктор Федорович, единственный за всю более чем вековую историю музея профессор, несмотря на резко углубляющуюся болезнь, вновь включился в активную деятельность. По воспоминаниям Б.В. Лунина в это время В.Ф. Смолин ведет научную и массовую политико-просветительную работу, готовит интересные тематические передвижные выставки, публикуется в периодической печати, состоит в местных краеведческих организациях. Как ученый рецензирует научные труды, занимается нартским эпосом, готовит обширный очерк о положении горской женщины в прошлом и настоящем, составляет биографии северокавказских краеведов, пишет

статьи для Северокавказской энциклопедии. Посещает он и памятники археологии, мечтая продолжить их исследования. Однако борьба с болезнью в это время оказалась, к большому сожалению, тщетной. Не проработав в Пятигорском музее и двух лет В.Ф. Смолин умер.

Эти и более детальные биографические сведения об ученом можно почерпнуть сегодня в серии публикаций, помимо указанных выше работ, подготовленных с участием автора [48-51]. Наиболее обстоятельный биографический очерк подготовил и опубликовал в 2004 г. С.В. Кузьминых [52].

Рис.5. Обложка брошюры С.В. Кузьминых о В.Ф. Смолине. 2004 г.

Конечно, изучение судьбы и деятельности этой незаурядной личности продолжается. В частности, относительно недавно В.Ф. Смолин был представлен и как член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете [53]. Мы с Л.И. Краснокутской уже писали в 2003 г. о том, что в фондах Пятигорского краеведческого музея отложились некоторые документы и материалы, связанные с В.Ф. Смолиным, а также книги из его библиотеки. За последующее время сделано еще несколько примечательных находок. В частности, именно в ПКМ оказался Диплом № 170 члена-сотрудника ОАИЭ при Казанском университете, выданный 17.11.1916 г. В.Ф. Смолину по единогласному решению Совета общества (рис. 6) [54].

В библиотеке данного Общества определенное время находился и редкий альбом к отчету раскопок на городище Болгар в 1914 г., о чем свидетельствуют оттиски печатей и штампов. Сейчас он также хранится в фондах ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей» (рис. 7) [55].

Рис.6. Диплом В.Ф. Смолина как члена–сотрудника ОАИЭ при Казанском университете. Фонды ПКМ. ОФ № 8946.

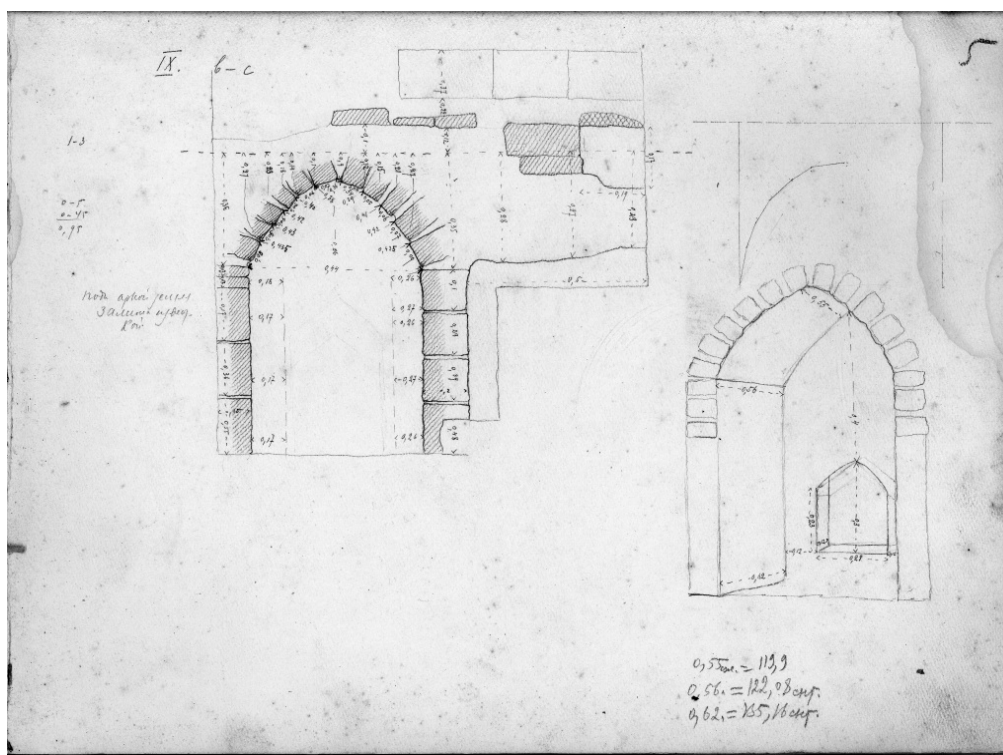

Рис.7. Лист из полевого альбома по результатам раскопок Древнего Болгара. 1914 г. Фонды ПКМ НВФ №8868.

В научной библиотеке Пятигорского музея имеются четыре опубликованные работы В.Ф. Смолина и среди них: «К вопросу о происхождении камско-волжских болгар» 1921 г. [56] и научно-популярный путеводитель «По развалинам древнего

Булгара» 1926 года [57]. Особенно интересна книга о Булгаре, посвященная «... моей маленькой спутнице в моих поездках на развалины г. Булгара, дорогой дочери Ниночке». Мы пока не знаем о судьбе этого, вероятно, единственного ребенка Виктора Федоровича. Не выяснено и кем была Екатерина Васильевна Сухова, которой в конце 1927 – начале 1928 гг. был подписан данный экземпляр книги «...на добрую память от автора». Жена Смолина, имени и отчества которой мне также неизвестно, в годы Гражданской войны, когда Виктор Федорович выезжал в Томск для работы в Университете, оставалась в Казани, бедствовала и заболела туберкулезом. Ее болезнь была одной из определяющих причин возвращения Смолина в Казань. И все же жена пережила своего также больного супруга в Пятигорске, и именно она дала сообщение в газету о точном времени смерти В.Ф. Смолина и о том, что похороны состоятся в 4 часа дня 29 октября 1932 г. с выносом тела из помещения курортной поликлиники.

В книге «На развалинах древнего Булгара...» есть важное сообщение Смолина о том, что систематические раскопки на городище были начаты именно в 1914 г. [58], которым датируется и хранящийся в Пятигорске полевой альбом.

В одной из книг В.Ф. Смолина, находящейся в Пятигорском музее, был написанный от руки черными чернилами на небольших листочках черновой конспект выступления ученого по поводу десятилетнего юбилея библиотеки для практических занятий по всеобщей истории, вероятно, Казанского университета. В этом выступлении Виктор Федорович поднимал важные темы целевой направленности и содержания системы образования студентов в университете и высшей школе в целом, сравнивая российский и немецкий опыт. Основная идея этого выступления – важность специальной научной подготовки студентов по тематическому содержанию и практической составляющей. В этом отношении немецкий опыт образования, в котором также было немало недостатков, оценивался как позитивный пример для совершенствования российской системы, в которой, по мнению исследователя, явно не хватало немецкой логики и порядка, а также научного целеполагания.

Еще одна тетрадь конспектов была написана, по всей вероятности, в Пятигорске. В ней содержатся: стихотворная легенда Е. Соколовской о происхождении кавказских гор, опубликованная в сборнике «Весь Кавказ» №1 (Тифлис, 1903), данные о Тамбуканском озере, многостраничные записи о событиях революции и Гражданской войны на Тереке и Северном Кавказе, выписки из кавказоведческих работ о положении женщины, выдержки из Корана об отношениях мужчин и женщин, сведения о появлении и распространении русских в регионе, «Завоевании Кавказа» Россией. Определенную актуальность и особый интерес накануне столетия революционных событий в России представляют записи по этой проблематике.

Еще один сюжет касается находок средневековых японских ваз на городище Рим-гора под Кисловодском. Нам уже известно, что В.Ф. Смолин интересовался этим памятником и осуществил на нем небольшие полевые исследования осенью 1927 г. Но современным археологам почти не известно, что В.Ф. Смолин привлекался Н.М. Егоровым в качестве консультанта в связи с поступлением в музей неординарного предмета в конце декабря 1930 г. Этот предмет, названный вазой, мог быть в действительности кувшином с особой ручкой в виде дракона, обвивающего корпус. Корпус сосуда усечено-конической формы с расширением у дна. О том, что предмет мог использоваться как кувшин, свидетельствует небольшой обломанный носик – слив на краю почти вертикального венчика. Остальная часть сосуда удовлетворительной сохранности.

В «егоровской» книге поступлений № 1 указаны размеры «вазы»: высота – 240, диаметр дна – 167 мм. Среди чертежей, рисунков и отчетных записей из архива А.П. Рунича по материалам Рим-Горы, переданных мне краеведом в 1985 г. для работы над диссертацией, была выявлена копия рисунка указанного предмета в

масштабе несколько меньшем, чем приведенные размеры. В приемной записи имеются данные об источнике происхождения сосуда. Он был закуплен за 5 руб. в г. Кисловодске у гражданина Петриды Петра Апостоловича (ул. Ольхово-Набережная, № 38). По непроверенным данным, она попала к нему от лица из аула Абукова, напротив Рим-Горы [59].

Под очередным номером 6422, также датированным 30.12.1930г., в КП содержится следующая информация: «Обломок (нижняя часть с пробитым дном) точно такой же вазы... Поступила в музей в 1928 г. от мальчиков: Николая Обелидяева и Митрофана Гончарова (18 л.), проживающих в Кисловодске по ул. Жуковского № 15...». Обелидяев лично рассказал Н.М. Егорову, что «... вместе с Гончаровым и еще третьим подростком они камнями выбивали на Рим-Горе (в Ю-3 углу) гнездо щуры и одновременно с этим гнездом выбили и эту вазу, которая при падении разбилась. Большой кусок они взяли с собой и через экскурсионное бюро «Советского туриста» передали в Музей [60]. К сожалению, ни сама «ваза», ни фрагмент второй подобной в музее сейчас не выявлены. Не исключено, что они были утрачены, как и другие экспонаты, в годы Великой Отечественной войны. Но сам факт находки и квалифицированное определение В.Ф. Смолина представляют большой интерес. До сих пор аналогии подобного изделия ни на Северном Кавказе, ни во всей Юго-Восточной Европе не отмечены.

Рис.8. Копия рисунка японской вазы из аула Абукова
возле Рим-горы, поступившей в ПКМ в 1927 г. Автор рисунка А.П. Рунич.

Есть все основания полагать, что В.Ф. Смолин также делал записи в Книге поступлений музея–2. Так, им и с его определениями был принят ряд предметов археологии из района каменоломни № 1 на г. Машук (железный наконечник копья,

бронзовые браслеты, фрагменты керамических сосудов и изделий из кожи, бусы, части человеческих скелетов), поступившие в музей через краеведа П.К. Дорошенко в сентябре – ноябре 1931 г. [61]. Вероятно, в дальнейшем выяснятся другие биографические данные об этом ученом-археологе и музейном работнике.

Рыбенко Матвей Иванович (1896.29.11–1993) – журналист, природовед, археолог, историк, многолетний сотрудник Пятигорского музея краеведения.

Родился в слободе Новосергиевской Льговского уезда Курской области в семье украинских крестьян-бедняков. В 1918 г. получил образование в Курской учительской семинарии. В годы гражданской войны добровольцем вступил в Красную Армию и до общей демобилизации служил в кавалерийских частях, в которых выполнял и обязанности учителя для многочисленных неграмотных бойцов.

В 1920-е гг. переехал на Кавминводы. Увлёкся журналистикой, был корреспондентом газеты «Терек», работал на различных должностях в Пятигорске и Ессентуках. В середине 1930-х годов обучался в Редакционно-издательском институте в г. Москве. Хотя и не окончил полного курса института, стал работать журналистом в газетах Новороссийска, Краснодара и Пятигорска. В связи с этим стал серьезно интересоваться краеведением и древностями.

В 1938 г., окончив курсы директоров краеведческих музеев, начал работать научным сотрудником Межрайонного краеведческого музея городов Кавминвод в Пятигорске. Исполнял обязанности директора. Трудовая книжка выдана 25.01.1939 г. данным музеем, который «администрировался» тогда Пятигорским ГОРОНО Орджоникидзевого края. В должности директора пробыл недолго, оставив этот пост по собственному желанию, и вернулся на должность научного сотрудника. Затем с перерывами проработал в музее ученым секретарем, заведующим отделом истории и природы, научным сотрудником, иногда периодически исполнял обязанности директора до 1 мая 1969 г., когда оставил Музей в связи с уходом на пенсию.

Работал в музее накануне и в первые месяцы Великой Отечественной войны. Как только в городе появились раненые, с Н.М. Егоровым, Е.Л. Синкевичем и другими сотрудниками выступал с лекциями для них. Об этом, в частности, свидетельствует письмо военному комиссару гор. Пятигорска майору Лебедеву от 23.08.1941 г., хранящееся в архивных документах М.И. Рыбенко в ПКМ.

14.02.1942 г. добровольцем ушел на фронт и служил в 6-ом Орджоникидзево-м добровольческом кавалерийском полку. Был награжден боевыми медалями «За боевые заслуги». «За победу над Германией» и другими наградами. После войны вернулся на Кавминводы. В конце 1940-х – начале 1950-х годов работал лектором-краеведом в Железноводском лекционном бюро.

С начала 1950-х гг. вновь работает в музее и начинает самостоятельные археологические исследования. В 1954 г. получает первый Открытый лист на разведки курганов в районе железнодорожной станции Ново-Пятигорск. Разведки на территории бывшей Константиногорской крепости он проводил и по Открытому листу 1958 г. Тогда же ему довелось исследовать разрушенный участок интересного могильника кобанского времени в ущелье реки Эшкакон в окрестностях Кисловодска.

Не отчитавшись по последним работам, он утратил право на получение разрешающих документов на свое имя, но продолжал работать с А.П. Руничем, Г.Я. Симакиным и другими археологами-краеведами. Запрашивал Открытые листы и в 1968-1969 гг., но не получил их из-за того, что так и не подготовил полный научный отчет по работам 1958 г. Однако краевед много сделал для пополнения фондов музея различными археологическими материалами, в том числе и уникальными находками. Вел переписку с кавказоведами В.А. Кузнецовым, Э.В. Ртвеладзе и другими, знакомил их с фондовыми коллекциями, новыми данными, сведениями из литературы, иных источников и своими размышлениями.

Рис.9. А.П. Рунич и М.И. Рыбенко на могильнике Рим-гора № 1, 23.06.57 г.
Фото В.А. Дерябина.

Матвей Иванович в 1950–1960-е гг. выступал одним из инициаторов музеефикации остатков Константиногорской крепости. Предполагалось провести раскопки незастроенной части крепости, создать мемориал, посвященный основанию города Пятигорска. В результате этих инициатив на ул. Тольятти был установлен памятник в виде участка стены крепости и разбит сквер. На рубеже 60-70-х гг. XX в. Рыбенко участвовал в усилиях по воссозданию Пятигорского историко-археологического музея под открытым небом на месте Комсомольского сквера у кургана-кладбища Константиногорской крепости. Запланированные работы по музеефикации кургана-кладбища, к сожалению, провести так и не удалось.

С личностью и работой М.И. Рыбенко как заведующего отделом природы связано важное дело по выявлению, реставрации и организации музейного использования черепа и частей скелета южного слона, являющихся уже более 50 лет (с 1964 г.) одним из ценных раритетов, ключевых и наиболее популярных экспонатов Пятигорского краеведческого музея.

Рис.10. М.И. Рыбенко в музее возле черепа южного слона. 1964 г.

Кроме этих важных инициатив и дел с именем М.И. Рыбенко были связаны и другие значимые общественные действия в сфере краеведения, сохранения историко-культурного и природного наследия Кавминвод. Он являлся членом местных организаций ВООП, Географического общества СССР, возрожденного в 1952 г. Пятигорского краеведческого общества и некоторых других организаций. 15.09.1960 г. он как ответственный секретарь Краеведческого общества на КМВ совместно с председателем его Совета А.Н. Козловым выступил с обстоятельным докладом «Об учреждении государственного заповедника в районе Кавказских Минеральных Вод», в котором остро ставились проблемы экологии, сохранения лесов, гор-лакколитов, памятников истории и культуры региона. Краевед готовил много индивидуальных обращений о состоянии историко-архитектурных объектов Пятигорска, о реставрации здания Ресторации и др. Постоянно, даже после ухода на пенсию, отстаивал интересы музея, его авторитет и самостоятельность. Неплохо разбиравшийся в вопросах истории, этнографии, географии региона, он часто являлся консультантом, до преклонных лет выступал с популярными лекциями по разным темам, включая археологические памятники региона, публиковался в периодической печати. В качестве примера можно привести заметку об интересной находке китайской вазы 1840 г. со стихами, выполненными иероглифами, и благопожелательными надписями, обнаруженной в сел. Канглы в земле [62].

При этом, особенно в преклонном возрасте, М.И. Рыбенко отличался стремлением подчеркнуть, нередко чрезмерно, а порой и преувеличить свою роль в решении важных вопросов сохранения культурного наследия и пополнения музейных фондов. Так, распространялось мнение о том, что он спас памятник с бюстом известного героя Кавказской войны генерал-адъютанта Н.И. Евдокимова и другие экспонаты из «Евдокимовской часовни» [63]. Однако в подлинной записи 1934 г. в Книге поступлений об обстоятельствах передачи этого экспоната в музей об участии М.И. Рыбенко ничего не говорится. При этом в других случаях фамилии людей, передававших предметы и коллекции, обычно указывались. Логично было внести фамилию столь отличившегося защитника культурного наследия, тем более, в то время сотрудником данного музея еще не являвшегося. Текст записи изобилует другими примечательными деталями: «Мраморный бюст генерала-графа Н.И. Евдокимова работы художника ваяние Лаверецкого Н. 1880 г. С.-Петербург. Находился в специально сооруженной гробнице на мраморном пьедестале высотой 1,30 м, четырехгранной немного сужающейся кверху формы и украшенном надписями (резные и золотой окраской) и фамильным Гербом графа. В основании пьедестала имеет 48 см с каждой стороны, у вершины – 38 см. Бюст в натуральную величину и посажен на мраморную подставку (схематический рисунок – С.С.). При снятии бюста для перевозки отбит конец носа, поврежден погон на правом плече и нагрудный орден – крест. Кроме того не известно кем, весь бюст облит какой-то ядовитой жидкостью, глубоко впитавшейся в мрамор и покрывшей его желто-бурыми пятнами. По рассказам старожилов, это памятник был сооружен вдовой графа Евдокимова в г. Пятигорске в ограде городского собора, где и находился до 1934 г. В 1934 году весь памятник был разобран для стройматериалов курортным управлением, а бюст с пьедесталом по постановлению комиссии по охране памятников передан на хранение в музей» [64].

Матвей Иванович назвал одну из своих действительно ценных находок из окрестностей с. Учкеек «маской Александра Македонского» и эта неверная ненаучная трактовка широко внедрилась в популярную литературу [65], в публикации в прессе и в сознание людей. В действительности это часть декоративного оформления бронзового античного сосуда, по размерам никак не соответствующая маскам.

Хотя Рыбенко много работал с Н.М. Егоровым, он не достаточно уважал последнего и особенно не мог простить ему нахождения в Пятигорске в период оккупации. Уже после смерти ученого 12.05.1967 г. М.И. Рыбенко подготовил записку, в которой сообщалось, что Н.М. Егоров во время оккупации был директором Пятигорского краеведческого музея и охотно принимал в нем и у себя на квартире немецких археологов и офицеров.

После смерти М.И. Рыбенко его обширный архив, некоторые книги, археологические и некоторые другие коллекции поступили в Пятигорский краеведческий музей и существенно пополнили его фонды [66]. Среди архивных материалов оказались и тетради записей и конспектов, подборки документов из собраний В.Р. Апухтина, Н.М. Егорова, В.Ф. Смолина, других ученых и краеведов, вероятно изъятые из их архивных собраний. В.А. Кузнецов в письме М.И. Рыбенко от 10.05.1967 г., предостерегал его от такого «увлечения», подчеркивая, что «Архив Егорова, попавший ко мне, должен быть без изъятов». Но Матвей Иванович изымал материалы, вероятно для работы, делая при этом на них свои пометки и комментарии, которые содержат как дополнительные уточнения, так и дезориентирующую информацию с неточными датами, оценками и т.п.

И все же биография этого музейщика и исследователя также важна из-за его больших реальных заслуг для представления истории старейшего музея на Ставрополье, развития краеведения в Пятигорске и на Кавминводах.

Андрей Петрович Рунич (1911.13/26.12-1986.08.06) – квалифицированный инженер-строитель по образованию, человек разносторонних широких интересов, способностей и увлечений, активный общественник в сфере сохранения историко-культурного наследия и музейного дела, краевед, известный и авторитетный археолог-любитель Кавминвод.

Рис. 11. А.П. Рунич. Начало 1950-х годов.

Самыми полными и развернутыми на сегодняшний день биографическими очерками о жизни и деятельности А.П. Рунича остаются сообщения, подготовленные автором для конференции к 100-летию археолога-краеведа и 25-летию его памяти в 2011 г. [67-68]. Но, как это часто бывает, вскоре после конференции в музей стали поступать дополнительные сведения об Андрее Петровиче и членах его семьи. Дальние родственники несколько раз появлялись в Пятигорске. Совершались новые находки в литературе и в музейных фондах.

Информативной была встреча в музее весной 2016 г. с Натальей Ивановной Рунич-Таранец (70 лет, г. Москва) – второй женой Александра Вадимовича Рунича,

племянника Андрея Петровича. Она приезжала в Пятигорск на 50-летие выпуска ПГПИ 1966 г. Н.Н. Рунич-Таранец рассказала, прежде всего, о своем муже Александре Вадимовиче Руниче 1938 г.р., жившем и умершем в г. Нальчике 20 лет назад (1996 г.). Он был сыном родного брата А.П. Рунича – Вадима Петровича. В юности Александр Рунич жил вместе с Андреем Петровичем в квартире деда Петра Александровича на ул. Теплосерной.

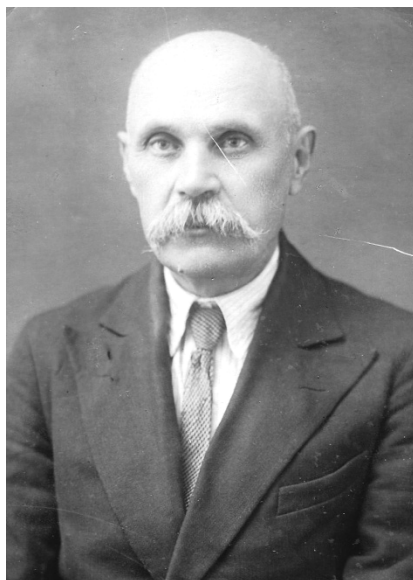

Рис.12. Известный пятигорский врач Петр Александрович Рунич – отец Андрея Петровича. Фото начала 1950-х гг. Фонды ПКМ ОФ № 12572.

После смерти П.А. Рунича возник семейный конфликт из-за квартиры и А.П. Рунич серьезно поссорился с племянником.

Отец Александра – Вадим Петрович – гидрогеолог, в Нальчике и Белокурихе открыл новые источники и скважины. Участник Великой Отечественной войны, был ранен. После войны обосновался в поселке Долинск у Нальчика, где и умер.

Александр Вадимович был ученым, кандидатом географических наук. Имел глубоко научные печатные работы, увлекался горным туризмом и альпинизмом. В юные годы участвовал и в археологических походах и раскопках.

Первая жена А.В. Рунича умерла вскоре после женитьбы. У них был сын Александр Александрович – научный сотрудник, радиотехник, житель г. Сарова. А в семье второй жены Натальи Ивановны – двое детей. Сын Станислав (1972 г.р.) и дочь Анна (1980 г.р.). Названы так потому, что прадед был награжден орденами Святых Станислава и Анны.

В семье сохранились документы прадеда Александра Вадимовича Александра – лекаря, служившего на Кавказе в кавалергардском полку. За службу он был награжден имением возле Хасавюрта в Дагестане, в котором и родился Андрей Петрович Рунич в 1911 году. Сын Натальи Ивановны Станислав побывал в Сербии в деревне, почти полностью состоявшей из Руничей. В городе Кралев, также связанном с Руничями, ему побывать пока не довелось.

После этой встречи, в конце октября 2016 г. состоялись и заочные контакты через электронную почту со Станиславом Александровичем Руничем – инженером-геологом и горным гидом. Он прислал нам несколько старинных семейных фотографий, сделанных в Хасавюрте, где изображены маленькие Андрей и Вадим Рунич, и редкий портрет, на котором, запечатлен молодой Андрей Петрович.

Рис.13. Маленькие Андрей и Вадим Рунич в имении деда под Хасавюртом. Фото примерно 1914 г.

Из документов, хранящихся в семье, были названы: послужные списки военврача Петра Александровича, его диплом о высшем образовании (медфакультет МГУ - !?), а также послужной список прапрадеда Александра Рунича – полковника царской армии. С.А. Рунич обещал сделать электронные копии этих документов и переслать в музей, но пока не сделал этого.

Рис.14. А.П. Рунич – студент строительного техникума в Пятигорске. Начало 1930-х гг.

В результате мы существенно продвинулись в деле установления происхождения Андрея Петровича. Распространенная ранее легенда о том, что кто-то из его предков был участником польского восстания и был сослан на Кавказ, не подтвер-

ждается. Его прадед был кадровым военным и дослужился до полковника. Вероятно, у него было несколько сыновей. Кроме Петра Александровича, который уже в 1905 г. был лекарем 84-го Ширванского пехотного полка, дислоцировавшегося в слободе Хасав-Юрт [69], по литературным источникам фиксируются также: помощник начальника Тифлисского губернского жандармского управления, ротмистр Владимир Александрович Рунич, родившийся 2 июля 1866 г. и убитый 25.02.1908 г. [70]; начальник Терской охранной стражи ротмистр Николай Александрович Рунич, служивший в 1910-е годы во Владикавказе и проживавший по адресу ул. Моздокская, № 55 [71].

Я уверен, что дальнейшее исследование биографии А.П. Рунича принесет немало новых сведений и уточнений. Назрела необходимость более детального изучения связанных с ним архивных материалов, хранящихся в краеведческих музеях Пятигорска, Кисловодска, Ессентуков, Ставрополя, составления каталога памятников, выявленных и исследуемых археологом-краеведом, с указанием ссылок на отчеты, архивы и публикации, создания антологии или серии изданий его напечатанных и неопубликованных работ, свода эпистолярных источников (документов переписки Андрея Петровича с коллегами и учениками), насыщенной научной информацией, составления развернутой электронной базы с включением в нее уже имеющихся оцифрованных материалов и другие практические задачи. Источниковая база для этого уже очень большая. Только в Пятигорском краеведческом музее находятся связанные с исследователем тысячи единиц хранения археологических предметов и документов [72]. А корпус выявленных материалов наверняка будет еще расширяться.

Память об этом незаурядном человеке продолжает жить уже тридцать лет, и обязательно будет сохраняться в дальнейшем. Краеведы Пятигорска и, в частности, его ученик А.Г. Братков, уже выступали с оправданными инициативами поисков и выявления его могилы на Краснослободском кладбище и установке мемориальной доски на доме по улице 40 лет Октября 35, кв. 18, где краевед проживал продолжительное время и где скончался. Хочется надеяться, что эти задачи удастся реализовать к очередным круглым датам памяти исследователя.

Использованная литература и источники:

1. Виноградов В.Б., Березин Я.Б., Савенко С.Н. О чем рассказывают монеты // Альманах «Ставрополье». - (Ставрополь). 1983. № 4. – С. 113-118.
2. Дударев С.Л., Березин Я.Б., Савенко С.Н. А.П. Рунич – видный археолог-краевед Пятигорья // Археология и краеведение – вузу и школе: тезисы третьей научно-практической конференции. – Грозный: ЧИГУ, 1989. - С. 24-26.
3. Савенко С.Н., Краснокутская Л.И. Материалы о В.Ф.Смолине в Пятигорском краеведческом музее и вопросы крымско-северокавказского периода жизнедеятельности ученого // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. – Чебоксары, 2003. - С. 47-49.
4. Кузьминых С.В., Михайлов Е.Т., Савенко С.Н., Старостин П.Н. Виктор Федорович Смолин: основные вехи жизненного и творческого пути / // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. – Чебоксары, 2003. – С. 35-47.
5. Археология и краеведение Кавминвод (Материалы 1-ой региональной конференции) / под ред. С.Н. Савенко. – Кисловодск: КФ СГОКМ, КНИФСЦ, ККО, 1992. – 64 с.
6. Савенко С.Н. Николай Николаевич Михайлов (1902-1971) // Российская музейная энциклопедия. Электронная интернет версия. <http://www.museum.ru/stavropol/person.asp?mihaylov-10264> б.

7. Савенко С.Н. Николай Николаевич Михайлов (К 100-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф, 2002 год. – Ставрополь: СГКУНБ им. М.Ю. Лермонтова, 2002. - С. 170-173.
8. Савенко С.Н. Кисловодская археологическая секция и кружок – семинар В.Б. Виноградова: вехи научного сотрудничества// Материалы заседания, посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности школы академика В.Б. Виноградова (1964-1994). Часть 2. – Армавир, 1994. - С. 26-28.
9. Березин Я.Б., Савенко С.Н. Рунич Андрей Петрович (1911-1986) / Под ред. В.Б. Виноградова: Северокавказские историки-краеведы. Био-библиографический очерк. Вып.1. – Армавир-Кисловодск, 1996. - 12 с.
10. Данилов А.В. Вторые чтения памяти Андрея Петровича Рунича (к 95-летию юбилею) // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Вып.8. – Пятигорск: ПГТУ, 2007. - С. 157-158.
11. Материалы краеведческих чтений, посвященных памяти Андрея Петровича Рунича. - Пятигорск: Пятигорский краеведческий музей, 1998. – 24 с.
12. Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. – М.: Научный мир, 2004. – С. 14-41.
13. Фоменко В.А. Пятигорье в XV – середине XVIII в. / под ред. доктора исторических наук, академика В.А. Казначеева. – Пятигорск: ПГТУ, 2002. – С. 57-59.
14. Данилов А.В. Акритас Панаит Георгиевич // Археологический журнал. № II. – Армавир: ЦАИ АГПУ, 2008. – С. 137-140.
15. Фоменко В.А. Кавказовед Панаит Георгиевич Акритас // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН. № 2 (29). Нальчик, 2016. – С. 7-12.
16. Багдасарян А. Делать прошлое реальностью // Хранитель истории. Музейная страница в газете «Пятигорская правда» / Авторский коллектив: А.А. Багдасарян, Л.И. Батуринец, Н.Н. Доронина, Б.Б. Котиков, Л.И. Краснокутская, Е.К. Меркулова, Н.Д. Ныренкова, В.П. Субаева. Вып.1. – Пятигорск: ГУК «Пятигорский краеведческий музей», 2006.– С. 49-53.
17. Багдасарян А.А., Меркулова Е.К., Субаева В.П. Лупа, перо, автомат // Хранитель истории. Музейная страница в газете «Пятигорская правда» / Авторский коллектив: А.А. Багдасарян, Л.И. Батуринец, Н.Н. Доронина, Б.Б. Котиков, Л.И. Краснокутская, Е.К. Меркулова, Н.Д. Ныренкова, В.П. Субаева. Вып.1. – Пятигорск: ГУК «Пятигорский краеведческий музей», 2006.– С.62-64.
18. Багдасарян А.А., Краснокутская Л.И. Летопись Пятигорского краеведческого музея (1847-2005 гг.). – Пятигорск: Изд-во «Вестник Кавказа», 2007. – С. 64-66, 73-84.
19. Археология и краеведение Кавминвод в контексте межрегиональных связей и контактов. Материалы межрегиональной научной конференции 17-18 ноября 2011 г. / Под редакцией кандидата исторических наук С.Н. Савенко. – Пятигорск: «Вестник Кавказа», 2011. – 200 с.
20. Коваленко А.Н., Савенко С.Н. Всеволод Ростиславович Апухтин: археолог, краевед, музейный деятель. – Пятигорск: Издательство «Вестник Кавказа», 2011. – 130 с.
21. Первый Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов: сборник материалов / под редакцией кандидата исторических наук С.Н. Савенко. – Ставрополь: ПКМ, Ставролит, 2015. – 152 с.
22. Савенко С.Н. Вопросы ранней истории Пятигорского краеведческого музея (к 110-летию со времени открытия) // Ставропольский хронограф на 2013 год: краеведческий сборник / СГКУНБ им. М. Ю. Лермонтова. – Ставрополь, 2013. - С. 125-137.
23. Краеведение на Северном Кавказе. Периодический орган краеведческой научно-исследовательской работы краеведов Северо-Кавказского края и Северо-Кавказского бюро краеведения. Год издания 3-й. № 3-4. – Ростов-на-Дону: Издание Северо-Кавказского бюро краеведения, 1928. – Оборот обложки.
24. Письмо Б.В. Лунина Н.М. Егорову от 08.02.1927 г. Архив Н.М. Егорова. Научная библиотека ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». П. 2. Лл. 46-47.

25. О раскопках учащихся Пятигорской мужской гимназии в сентябре 1913 г. в окрестностях Пятигорска под руководством преподавателя гимназии П.А. Пелиховского и под наблюдением В.Р. Апухтина и И.П. Евдокимова // Архив ИИМК. Ф.1. ИАК. Д. 387. 1913-1914 гг. – Лл. 1-5.
26. Архив Н.М. Егорова. Научная библиотека ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». П. 6. – Л. 10.
27. Архив Н.М. Егорова. Научная библиотека ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». П. 5. – Л. 66.
28. Архив Н.М. Егорова. Научная библиотека ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». П. 18. – Лл. 78-79.
29. Архив Н.М. Егорова. Научная библиотека ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». П. 16. – Л. 10.
30. Лунин Б. Дольмены Черноморья (результаты археологической экспедиции по Черноморскому побережью 13-25 июня 1923 года). Материалы по археологии Юго-востока России. Вып. I. – Ростов-на-Дону: Изд. 1-го Сев.-Кав. Археологического общества, 1924. – 32 с. :ил.
31. Решетов А.М. Профессор Б.В. Лунин: основные этапы жизни и научной деятельности // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 2002-2003 гг. - СПб., 2003. – С. 140-141.
32. XV Археологический съезд в Новгороде. 1911. Путеводитель / Составители П.Г. Гайдуков, Н.Н. Жервэ. – М.: ИА РАН, ИИМК, ГИМ, 1911. – С. 282-283.
33. Сидорова И.Б. Ученое братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878-1931 годы). Часть 1. – Казань: ИА им. А.Х. Халикова АНРТ, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2014. – С. 254.
34. XV Археологический съезд в Новгороде... - С.13, 17-18, 27, 52-54, 101, 164.
35. Кузнецов В.А. Н.М. Егоров (Некролог) // СА. 1966. № 3. – С. 292-293.
36. Второй Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов: сборник материалов / под редакцией кандидата исторических наук С.Н. Савенко. – Ставрополь: ПКМ, Печатный двор, 2016. – 148 с.
37. Савенко С.Н. Николай Михайлович Егоров (К 140-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 2016 год. Краеведческий сборник. – Ставрополь: СГКУНБ, ООО «Наследие», 2016. – С. 279-289; Его же: Николай Михайлович Егоров в истории Пятигорского краеведческого музея и археологического изучения Кавминвод // Второй Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов: сборник материалов / Под редакцией кандидата исторических наук С.Н. Савенко. – Ставрополь: ПКМ, Печатный двор, 2016. – С. 12-22; Его же. Библиография работ Н.М. Егорова // Второй Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар... – Ставрополь: ПКМ, Печатный двор, 2016. – С. 30-31; Его же. Публикации о Н.М. Егорове // Второй Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар... – Ставрополь: ПКМ, Печатный двор, 2016. – С. 32-33; Лотиев К.Ю., Савенко С.Н. Новые данные об оливковом полозе, PLATYCEPS NAJADUM (EICHWALD, 1831), в Пятигорье (по материалам фондов Пятигорского краеведческого музея) // Программа и материалы международной научной конференции, посвященной 50-летию Зоологического музея Таврической академии. Симферополь, 16-18.09.2015г. – Симферополь: ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет имени В.И. Вернадского», Таврическая академия, 2015. - С. 75-76; Их же. О герпетологической коллекции Пятигорского краеведческого музея (светлой памяти ее создателя Н.М. Егорова) // Второй Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов: сборник материалов / под редакцией кандидата исторических наук С.Н. Савенко. – Ставрополь: ПКМ, Печатный двор, 2016. – С. 37-43.
38. Архив Н.М. Егорова. Научная библиотека ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». Тетрадь № 2.
39. Егоров Н.М. Особые пироги и хлебы // СМОМПК. – Тифлис, 1909. Вып. 40. Отд. II. – С. 1-8.
40. Коваленко А.Н. Егоров и Музей Домик Лермонтова. Новое имя в истории краеведения Кавказских Минеральных Вод // Второй Кавминводский межрегиональный му-

зейно-научный семинар памяти краеведов: сборник материалов / под редакцией кандидата исторических наук С.Н. Савенко. – Ставрополь: ПКМ, Печатный двор, 2016. – С. 9-10.

41. Савенко С.Н. Николай Михайлович Егоров в истории Пятигорского краеведческого музея... - С. 20.
42. Фонды ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». ОФ. № 33413.
43. Фонды ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». Книга поступлений 1924-1931 гг. ОФ № 34563. Запись №№ 2824-2825; Архив Н.М. Егорова. ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». Научная библиотека. Папка № 14. – Л. 14.
44. Лунин Б. Дольмены Черноморья (результаты археологической экспедиции по Черноморскому побережью... - С. 10-11.
45. Кузнецов В.А. Кавказские Минеральные Воды в древности и средневековье (историко-археологические очерки). – Пятигорск: Институт экономики и управления. Центр кавказоведения, 2005. – С. 22.
46. Фонды ГБУК СК «Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость»». Архив А.П. Рунича. Р I-8.
47. Фонды ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». Книга поступлений № 1 ОФ № 258.
48. Лунин Б.В. Смолин Виктор Федорович (1890-1932. Некролог) // Советское краеведение на Северном Кавказе. Второй сб. краеведческих материалов. – Ростов-на-Дону, 1933. – С. 69-70.
49. Формозов А.А. Русские археологи и политические репрессии 1920-1940-х гг. // СА. 1998. № 3. – 200 с.
50. Кузьминых С.В., Михайлов Е.П., Старостин П.Н. Вспоминая Виктора Федоровича Смолина (по поводу двух юбилейных дат) // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной археологической конференции. – Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 2002. – С. 10-13.
51. Парфянский выстрел. Часть 4. М.И. Ростовцев и проблемы скифо-сарматской археологии. – М.: РОСПЭН, 2003. – С. 525.
52. Кузьминых С.В. Виктор Федорович Смолин. Серия: Выдающиеся ученые Казанского университета. К 200-летию Казанского университета. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. – 30 с.
53. Сидорова И.Б. Ученое братство... - С. 24-237-263.
54. Фонды ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». ОФ № 8946.
55. Фонды ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». НВФ № 8868.
56. Смолин В.Ф. К вопросу о происхождении народности камско-волжских болгар. (Разбор главнейших теорий). – Казань: Чувашское отделение Государственного Издательства Казанское подотделение, 1921. – 56 с. ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». Научная библиотека. № 15385.
57. Смолин В.Ф. По развалинам древнего Булгара. - Казань: Издание Госиздата Т.С.С.Р., 1926. ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». Научная библиотека. № 12673.
58. Смолин В.Ф. Указ. Соч... - С. 4.
59. Книга поступлений 1924-1931 гг. ПКМ ОФ. № 34563. Запись № 6421.
60. Книга поступлений 1924-1931 гг. ПКМ ОФ. № 34563. Запись № 6422.
61. Книга поступлений 1931-1942 гг. ПКМ ОФ. № 34562. Записи №№ 6441-6443.
62. Рыбенко М. (краевед) Интересная находка // Кавказская здравница. 1961. 05.03.
63. Коваленко А., Танасьев В. Граф Н.И. Евдокимов в Пятигорске / Кавказская здравница. 1994. 06.08. № 122 (18061). – С. 1.
64. Книга поступлений 1931-1942 гг. ПКМ ОФ. № 34562. Записи № 6456.
65. Асов А. Русколань: Древняя Русь. История и традиции русского казачества. – М.: «ВЕЧЕ», 2004. – С. 32.
66. Коллекции М.И. Рыбенко. Фонды ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей»: археологические материалы – ОФ №№ 2338/1-148 (совм. с Н.М. Егоровым), 20273-20810/1-7, 20936-20958, 22301-22320/1-33; документальные материалы и книги – ОФ №№ 2338/1-2, 3583, 4160, 4161/1-57, 4433/1-18, 10887, 21003-21006, 21013/1, 21014,

- 21016-21020, 21028-21029, 21079, 21081-21082, 22117-22119, 22400, 22402-22430, 22623-22624, 22629, 22632, 22689-22694, 29826, 30960-30968, 30971, 30975, 30985, 32292, 32971-32972, 32974, 32976; НВФ №№ 2820/1-6, 3583/26, 12260-12261, 12526,1-8, 12542/1, 12546, 12784-12792, 12938-12939, 13353, 14717, 14887.
67. Савенко С.Н. Андрей Петрович Рунич (к 100-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 2011 год. Краеведческий сборник. Ставрополь: СГКУНБ им. М.Ю. Лермонтова, 2011. - С. 294-297.
68. Савенко С.Н. Новые данные и неизвестное о биографии и деятельности Андрея Петровича Рунич // Археология и краеведение Кавминвод в контексте межрегиональных связей и контактов. Материалы межрегиональной научной конференции 17-18 ноября 2011 г. / Под редакцией кандидата исторических наук С.Н. Савенко. – Пятигорск: «Вестник Кавказа», 2011. - С. 95-115.
69. Терский календарь на 1905 год. Издание Терского областного Статистического комитета / под ред. Г.И. Вертепова. Вып. 14-й. – Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1905. Адрес-календарь. – С. 15-16.
70. Чернопяттов В.Н. Некрополь нескольких мест Кавказа. Оттиск из Т.IV. Летописи историко-родословного общества в Москве за 1915 г. – М.: Типография А.П. Петциан, 1913. – С. 55.
71. Терский календарь на 1913 год... - Владикавказ, 1912. Адрес-календарь. – С.39; Терский календарь на 1915 год... - Владикавказ, 1914. Адрес-календарь. – С.26.
72. Коллекции А.П. Рунич. Фонды ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей»: археологические материалы – ОФ. №№ 3305-3308/1-35, 3312-3327, 3461, 3469, 4433/1-13, 4547, 4548/1-7, 4551/1-2, 4571, 4588, 4637-4640, 4671-4683/1-20, 4709-4712/1-3965, 4736-4756, 4808/1-2, 5620/1-89 – 5657/1-31, 5671/1-57, 5690/1-4-5699/1-3, 5782-5783, 5840, 6080/1-83, 6610/1-10, 6850/1-62 – 6853/1-6, 6856/1-118 – 6862/1-317, 6915-6948/1-246, 7506/1-706 – 7514/1-188, 7634/1-47 – 7636/1-11, 7773/1-73 – 7774/1-198, 7794-7797/1-5, 8062/1-26 – 8063/1-177, 8292-8293/1-2, 8507/1-101, 8509/1-262, 8828/1-11 – 8832, 10125/1-8 – 10137, 10179-10214/1-3, 10462-10472, 10538-10556, 10593-10599, 10671-10717, 10932-10955/1-67, 11721-11731/1-6, 11882/1-2 – 11885, 11959/1-3 – 11962/1-10, Э 12138-12249, 12289/1-3 – 12356/1-10, 12641/1-5 – 12670, 12763-12770, 12955/1-2 – 12963, 14980/1-232 – 14997, 15018-15031/1-29; НВФ № 8040; документы и книги – ОФ №№ 5298/1-4, 5618/1-28, 5672, 5679, 6525/1-2, 6529/1-17, 7870/1-3, 7877/1-2, 10215-10216, 12062-12082, 12599, 13007-13029, 13388, 15188, 15232, 21042-21046, 21077-21078; НВФ №№ 2225, 2276/1-8, 2280/1-3, 2318/1-4, 2334/1-3, 2363/1-6, 2370/1-15, 2716/1-12, 2776/1-16, 2778/1-3, 2805/1-6, 3374, 4675, 6196-6199, 6663/1-2, 6664, 7791-7794, 7860-7901/1-2, 8037, 8261/1-2, 8316/1-2 – 8335, 8866/1-2 – 8867/1-2, 9210 – 9212, 9217/1-4 – 9218/1-8, 9832 – 9861.

Багдасарян А.А.
(г. Пятигорск)

**Вписан в историю Пятигорского краеведческого музея.
Николай Михайлович Егоров – каким мы его знали до 2012 года**

Николай Михайлович Егоров – замечательная личность, известный историк-кавказовед, археолог оставил заметный след в культурной жизни Пятигорска, в становлении и развитии Пятигорского краеведческого музея в частности. В начале жизненного пути, имея блестящее историко-филологическое образование, он проявлял огромный интерес к археологии, к сохранению ценностей материальной культуры, стоял перед выбором преподавательской работы или музейной. Известно, что послужной список молодого специалиста открывает запись о его службе в качестве учителя географии, истории, латинского языка в учебных заведениях Закавказья (Тифлиса, Батума, Кутаиси, Баку). Этот интерес к обучению молодых людей не оставляет Н.М. Егорова и в Пятигорске, куда он переезжает в 1921 году.

Старейшая в городе средняя школа № 1 им. М.Ю. Лермонтова, бывшая мужская гимназия, отметившая в ноябре 2016 г. свой 150-летний юбилей, в числе ряда талантливых учителей своего педагогического коллектива назвала и имя Н.М. Егорова. Однако музейное дело становится главным в его жизни. В 1924 г. он научный сотрудник археологического отдела местного краеведческого музея, затем его заведующий. И с этого времени в течение шести лет (1924-1931 гг.) он делает всё возможное для развития музея. В связи с территориально-административными изменениями, созданием Северо-Кавказского края с центром в Ростове Терский губернский музей получает статус Терского окружного музея краеведения. Влюбленный в свое дело Н.М. Егоров теперь еще активнее добивается нормальных условий для работы вверенного ему учреждения. Настоятельно ставит вопрос о выделении постоянного помещения (музей менял свои адреса, располагался и в Верхних Сабанеевских ваннах, и в усадьбе Домика Лермонтова), о комплектовании кадрами (работало всего два сотрудника), и эти требования доводит до местных властей, широкой общественности [1]. Известно его письмо Северо-Кавказскому бюро краеведения в 1926 г. и выступление на Северо-Кавказской конференции по краеведению в 1928 г. по этим вопросам [2]. При Н.М. Егорове – заведующем музей получает новый адрес по улице Базарная, 42 [3].

В эти годы музей успешно организует работу археологических экспедиций. Сам Н.М. Егоров участвует в полевых исследованиях Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК (Государственной академии истории материальной культуры) в районе Пятигорья. Сотрудничает с крупнейшим археологом-кавказоведом Александром Александровичем Иессеном. Вместе с ним открывает и обследует ряд памятников эпохи бронзы, кобанской, скифской и раннесредневековой эпох. Постоянно изучая археологические памятники Пятигорья, Н.М. Егоров систематически пополняет фонды музея, разворачивает интересную археологическую экспозицию. В 1929 г. в музей поступают предметы из раскопанного им кургана возле кирхи колонии Николаевской, к северу от горы Машук. Места археологических находок регистрируются, а сами находки концентрируются в музее. Заведующий музеем пользуется непрекаемым авторитетом и доверием в научных кругах. Институт археологии Академии наук СССР всегда беспрепятственно выдавал Н.М. Егорову открытый лист на те или иные раскопочные работы [4]. Поддерживала его и местная власть. В фонде Н.М. Егорова хранится документ такого содержания: «Северо-Кавказский исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских, казачьих и горских депутатов в ноябре 1931 года выдал удостоверение. Дано археологу т. Егорову в том, что он действительно командирован в Кисловодск для составления заключения по раскопкам, обнаруженным на склоне «Широкого Мыса». Ответственный секретарь оргбюро Кадиев. Секретарь Кабардокова» [5].

Н.М. Егоров тесно сотрудничает с финским историком и археологом, профессором Тартуского университета Арне Михаэлем Тальгреном (1885-1945), который бывал в Пятигорском музее. В своих работах он помещал описание и фотографические снимки бронзовой и поздней аланской керамики, найденные в результате раскопок в 1928 г. В мемориальном деле Н.М. Егорова сохранилось несколько разрозненных писем из их переписки.

Одним из направлений работы музея становится выявление и учет недвижимых памятников истории и старины и принятие мер по их сохранности. Но еще более строгий учет ведется имеющимся в фондах музея предметам материальной культуры. В Пятигорском краеведческом музее есть бесценное свидетельство подвижнической работы Н.М. Егорова - его тетрадь на 87 листах. Фактически это систематически заполняемая инвентаризационная книга музея с подробным описанием и зарисовками поступающих предметов [6]. Н.М. Егорову дорога каждая вещь, о ней он знает предельно всё. К примеру, запись от 5.02.1927г.: «Металлическое зер-

кальце было в 1918 году конфисковано в Кисловодске у гр. Бобринского; вместе с остальной его археологической коллекцией доставлено в Госбанк в Пятигорске в трех ящиках». Или такая заметка: «Две картонные шкатулки размером 27х37 с археологическими предметами из раскопок В. Апухтина 1906, 1908 гг. с этикетками. Переданы в музей Д.М. Павловым». О скрупулёзности в этой работе свидетельствует и эта запись: «22 мая 1938 года на участке пригородного хозяйства санатория НКЗ в Кисловодске найдена золотая серьга проволочная весом 5г., веночное кольцо. Увезено в эвакуацию директором Озеровым. Назад его не привез. Позолоченная копия в экспозиции украдена. Н.Е. Егоров. 6.01.1961 г.».

На принципиальность Н.М. Егорова, государственный подход к сохранности музейных предметов проливает свет его позиция по отношению к В.Р. Апухтину, который тоже многое сделал для становления и развития музея. В фондах Егорова сохранилась запись, похожая на заключение о причинах, сыгравших роль в завершении успешной карьеры В. Апухтина. Процитируем её: «В 1924 году Апухтин вынужден был покинуть работу и службу в Архивном бюро и Истпарте, после чего перебраться в Ставрополь (ныне Ворошиловск). Полученное из фондов Москвы и Ленинграда не все попало в музей Пятигорска. Это и было причиной крушения его служебной карьеры в Пятигорске». Этот документ был датирован 14 февраля 1937 года. И подлинность его, такой же вывод Н.М. Егоров подтвердил через 17 лет (6.07.1954 г.), слово в слово, подписав, «бывший заведующий Пятигорским музеем краеведения, ныне научный сотрудник курортного музея ГЦВИ на КМВ Н.М. Егоров».

Велика роль Н.М. Егорова в собирании уникальной библиотеки музея. В настоящее время она имеет в своих фондах богатейшую литературу по Кавказу и кавказоведению, музейному делу; ряд изданий, которые уже стали библиографической редкостью, раритетами. И здесь видны труды Н.М.Егорова по ее комплектованию, систематизации. Более того, в библиотеке мы находим книги, которые изучал и критически осмысливал этот человек. В этом плане представляет интерес труд Флоренса Кроуфорда Грове (1838-1902), альпиниста, основателя Альпин-клуба. Летом 1874 г. он побывал в кавказской экспедиции и осуществил восхождение на западный склон Эльбруса. Свои впечатления, наблюдения и о природе, и о народах, населяющих эти земли, он описал в книге «Холодный Кавказ», которая была издана в Санкт-Петербурге [7]. На обложке ее рукой Н. Егорова поставлена дата чтения 1929 год, в содержании книги указаны ошибки, допущенные автором.

Конечно, такие заметки профессионала, ученого представляют интерес и являются еще одной возможностью в исследовании и понимании личности такого масштаба, как Н.М. Егоров.

С 1931 по 1935 гг. Н.М. Егоров работает корректором в местной газете, затем два года – 1935-1937 – в музее Бальнеологического института. Однако в октябре 1938 г. он возвращается в свой родной музей научным сотрудником по отделу археологии и вплоть до выхода на пенсию в 1961 г. периодически служит там или сотрудничает с ним на общественных началах.

В период немецко-фашистской оккупации Пятигорска, когда музей был практически брошен, подвергался разграблению, по свидетельству краеведа П.Н. Никитина, Н.М. Егоров обратился к бургомистру города, бывшему известному пятигорскому врачу Орлову о защите отечественных ценностей, и тот поручил ему охрану учреждения. С присущей ему щепетильностью он записывает имена немецких археологов, искусствоведов, которые в качестве экспертов изучали фонды и отбирали наиболее ценные экспонаты, в надежде на возврат этих предметов. Более того, рискуя жизнью, Н.М. Егоров вместе с заведующим отделом природы Ф.Л. Вельжевым спасает музей от полного уничтожения.

Н.М. Егоров всегда был в центре общественной жизни города, особенно при решении вопросов, которые касались культуры. Член Русского географического общества, Кавказского Горного Общества, он не раз принимал участие в работе комиссий по самым различным аспектам, касающимся культурного наследия. В личном архиве Е.И. Яковкиной находим документ об обследовании здания Лермонтовских ванн по поручению комиссии при СНК СССР по делам искусств. Комиссия, в состав которой вошли директор управления Пятигорского курорта Одинцов, главный инженер курорта Августинский, директор музея Е. Яковкина, корреспондент комиссии Н. Егоров пришла к заключению, что «здание общественной уборной, находящееся в непосредственной близости к ваннам и гроту Дианы, перенести на другое место. Построенную в 1901 г. в связи с 60-летием со дня смерти М. Лермонтова металлическую остекленную галерею также перенести на другое место, дабы открыть в сторону главной улицы Пятигорска фасад здания ванн, являющийся одним из лучших в городе. В настоящее время галерея, чуждая по архитектуре, нижегородско-выставочного характера, антихудожественно выглядит на фоне строгих классических форм здания. Изготовленная в Варшаве, она имеет легкую сборную конструкцию» [8].

В 1962 г. Н.М. Егоров покидает ставший ему родным Пятигорск, квартиру по улице Суворовской, 6 (ул. Буачидзе), переезжает в Баку к своей дочери, где и умирает через три года, 16 сентября 1965 г. [9].

Готовясь к 100-летию юбилею Пятигорского краеведческого музея, администрация его попыталась разыскать кого-то из семьи Николая Михайловича. Его дочерям в Баку, 10. (Ул. Низами, 137, кв. 61 Л.Н. Егоровой) и Тбилиси, 60 (Пр. Пшавели, 6, кв. 66. Н.Н. Егоровой) были отправлены письма-приглашения. К сожалению, ответа не последовало.

Использованная литература и источники:

1. Котович В.Н. Курортное дело на Юго- Востоке. - Ростов-на-Дону; Советский Юг, 1924,- С. 54.
2. ГАСК, Ф.Р.-2174, Оп. 1.Д. 6.- Л. 2.
3. Краевые учреждения СССР. Справочник. - Л.: Издание Центрального бюро краеведения. 1927.
4. Никитин П.Н. Воспоминания (рукописная тетрадь). Собрание ПКМ.
5. Архив Н.М. Егорова. ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». Научная библиотека. Папка № 20.
6. Фонды ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». ОФ. № 33413.
7. Никитин П.Н. Воспоминания (рукописная тетрадь). Собрание ПКМ.
8. Яковкина Е.И. Личный архив. - С. 18.
9. Дом, в котором жил Н.М. Егоров, в какой-то степени тоже памятник истории. По свидетельству П.Н. Никитина, летом 1841 года там жила Екатерина Григорьевна Быховец.

Бурков С.Б.
(г. Владикавказ)

Краевед из Северной Осетии Т.П. Плиев

Таймураз Петрович Плиев родился 10 октября 1935 г. в с. Мичурино Ардонского района Северной Осетии. Его жизненный путь определился еще в раннем детстве. Отец Таймураза был народным сказителем, знатоком фольклора. Его мать – дочь Давида Джикаева, помирившего 27 враждующих фамилий на юге и севере Осетии, также хорошо знала историю своего народа. Детство пришлось на суровые годы Великой Отечественной войны, но это не помешало ему успешно закончить

школу. После войны в школе на хуторе Мичурино, где тогда жила его семья, восьмого класса не было, и детей на полноценный класс не набралось, поэтому Таймураз ходил в школу в соседнее село. В пять утра он шел пешком в школу, в пять вечера – снова пешком, невзирая на погоду и плохую дорогу, возвращался домой. Со скуки выучил всего «Евгения Онегина» наизусть. Так прошла учеба в 9-10 классах.

Еще будучи студентом, он мог загнать в тупик не одного преподавателя по истории родного края. Уже тогда многие именитые ученые относились с уважением к познаниям горского парня. После окончания школы он поступил во ВГИК на факультет физического воспитания, успешно его закончил и через некоторое время получил звание «Мастер спорта по акробатике». Его мама была против артистической карьеры, и он, так и не став артистом, начал заниматься спортом, в результате стал первым и последним акробатом-прыгуном в Осетии.

Он самостоятельно научился делать твист – переднее сальто, сделанное после поворота на 180 градусов, которое акробаты выполняют с максимального разбега в конце комбинации. Он же это делал с места, невзирая на закон гравитации. Однажды он продемонстрировал этот трюк легенде советского и российского цирка Владимиру Довейко и получил официальное предложение остаться в цирке артистом акробатического ансамбля, но из-за жесткого графика работы коллектива не смог его принять. Благодаря «твисту с места» он попал на Красную площадь на встречу с Юрием Гагариным. Когда он находился на всесоюзных сборах в Центре наземной подготовки космонавтов в Ярославле, двум лучшим на то время акробатам страны дали пригласительные билеты, в том числе – и ему. Таймураз Петрович был приглашен на сборы по первенству Союза по акробатике, но отказался от такой возможности, т.к. пришло время идти служить в ряды Вооруженных сил СССР.

Службу проходил на Дальнем Востоке, в Хабаровске. Там у него была своя группа акробатов из военнослужащих. Как-то на День города они заняли первое место из 320 коллективов и стали лауреатами. Присутствовавший на празднике министр обороны Советского Союза маршал Гречко приказал поощрить Плиева краткосрочным отпуском на родину. Это уже был одиннадцатый отпуск, которым его отметили за год службы.

В те годы после обучения в вузе служили три года, но Т.П. Плиев прослужил два, став первым «сокращенным» солдатом из Вооруженных сил Дальневосточного военного округа. После удачного выступления на столетнем юбилее города Владивостока он был досрочно уволен в запас. На него обратила внимание единственная дочь командующего округом, но он отказался от военной карьеры и поступления в военное училище и уехал на родину.

Легенды и предания Осетии начал записывать после возвращения из армии и каждый раз, если они были связаны с конкретной местностью, приходил туда и проверял их. Так Таймураз Петрович начал освоение краеведения. Он даже придумал себе имя – «Опровергатель легенд Осетии». Так, в частности, он поступил с легендой о Дзивгисской пещере, якобы не имеющей дна, записанную со слов местных жителей исследовательницей Кавказа графиней П.С. Уваровой. Таймураз Петрович провел свое исследование и доказал, что вся эта история – выдумка. А в 1973 г. за один лагерный сезон он завел в пещеру 450 пионеров и каждому дал возможность прикоснуться ладонью к ее дну.

В горах Осетии Таймураз Плиев знает назубок все перевалы и ущелья, места прежнего проживания людей. И везде, где он проходил, собирал новые данные, записывал рассказы и предания. По его собственным словам, с самого детства был слишком «заряжен на справедливость» и потому категорически не терпит ложь. Эта черта характера часто серьезно мешает ему. Всю свою многотрудную жизнь живет в режиме «марафонского бегуна». Таймураз Плиев продолжает работу по проверке и перепроверке достоверности своих знаний, которые помогли многим кандидатам

и докторам наук в защите их диссертаций. Обладая обширными знаниями в области национальной истории и культуры, он никогда не стремился получить научную степень.

В 2009 г. Т.П. Плиев работал ведущим научным сотрудником Национального музея РСО-Алания. При его содействии был создан проект «44 долгота», он принимал участие в съемках множества телепередач и культурно-познавательных программ. Поистине неоценим вклад Таймураза Петровича в экскурсионно-туристическую деятельность в республике, пропаганду культурного наследия осетин, именно он годами работал над восстановлением и изучением их обычаев и традиций. Много раз выступал в качестве консультанта при создании научно-документальных фильмов об истории Северной Осетии, занимался изучением ее археологии и этнографии.

Он является автором нескольких статей по истории Владикавказа, консультировал издание многочисленных научно-исследовательских трудов, в том числе по истории столицы Северной Осетии-Алании. Комитет по охране объектов культурного наследия республики постоянно приглашает Т.П. Плиева для консультаций по объектам градостроительства и архитектуры, находящихся в горно-предгорной зоне. Особую ценность имеют сведения о тех памятниках, которые не отмечены на картах, но присутствуют в перечне объектов, подлежащих охране. Эти знания приобретают особую актуальность в связи с идущим в Республике процессе мониторинга сохранности памятников археологии, т.к. в утвержденных паспортах редко присутствуют точные сведения об их местонахождении и границах. В связи с тем, что ряд осетинских фамилий вознамерился произвести реставрацию своих родовых поселений, установление соотношения между родовыми группами и заброшенными сейчас поселениями важно для разрешения вопросов собственности, отнесения их на баланс муниципалитетов. И здесь энциклопедические знания Т.П. Плиева также очень востребованы.

С огромным увлечением Таймураз Плиев работает с молодежью, его экскурсии по городу и республике становятся настоящим откровением. Когда в 2002 г. в Северной Осетии сошел ледник «Колка», он должен был находиться со съемочной группой, но задержался в городе. Когда он узнал о случившемся, тут же выехал на место. Зная, где находятся туннели, нарисовал их схему. При попытке передать рисунок сотрудникам МЧС, он пошел на другую сторону ущелья по сошедшему леднику, провалился под лед. Девятнадцать раз пробовал выбраться, терял сознание, но смог вылезти на берег. Очнулся от боли – у него замерз костный мозг трубчатых костей. На четвереньках дополз до трассы. Очнулся уже в больнице, где провел много времени. После этих событий он до сих пор не может резко поворачиваться. Однако даже это тяжелое испытание не заставило его отказаться от путешествий в горы.

Важное место в жизни Т.П. Плиева занимает исследовательская деятельность. За время работы в мемориальном Доме-музее И.А. Плиева он выступил как лучший исследователь и специалист по изучению жизни и деятельности дважды Героя Советского Союза и Героя Монгольской Республики И.А. Плиева. Он прочитал сотни тематических лекций о Великой Отечественной войне. Много времени всегда отдавал работе по оказанию методической помощи педагогическому составу Дворца детского творчества, сопровождал детей и учащихся летних лагерей на экскурсии по городу и республике, как член комитета по национальному наследию МОД «Высший совет осетин» проводит активную общественную работу. Награжден почетной грамотой Совета, медалью к 300-летию М.В. Ломоносова, медалью «150 лет учреждения органов охраны памятников истории и культуры». Т.П. Плиев проводит активную общественную работу как член комитета по национальному наследию.

Министерство культуры РСО-А наградило Т.П. Плиева почетной грамотой «За многолетний плодотворный труд, вклад в сохранение субъектов культурного наследия», а Министерство образования и науки РСО-Алания вручило юбиляру благодарность за научно-исследовательскую деятельность в области историко-культурного наследия осетинского народа. Было отмечено, что он проявил себя как талантливый и высокоинтеллектуальный специалист, имеющий глубокие познания в отечественной истории, археологии и этнографии, всесторонне изучающий национальную самобытную культуру и историю своего народа.

Очень важен вклад Т.П. Плиева в изучение, пропаганду и популяризацию историко-культурного наследия осетин, восстановление и изучение прерванных и забытых обычаев и традиций. Велика заслуга Т.П. Плиева в стремлении передать свои знания и опыт учащейся молодежи, помочь ей глубже познать свое прошлое, свои истоки. Он является инициатором проекта по развитию экологического и агротуризма в Республике, в 2015 г. работал в качестве гида туристической кампании «Казбек-тур».

В Национальной научной библиотеке г. Владикавказа 22 октября 2016 г. состоялся вечер, посвященный 80-летию Таймураза Плиева, где министр культуры РСО-А Мадина Атаева по поручению Главы РСО-А Тамерлана Агузарова вручила ему главную государственную награду республики – медаль «Во славу Осетии».

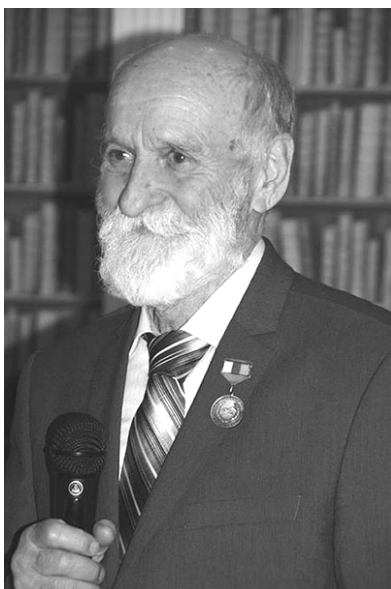

Рис.1. Таймураз Петрович Плиев. 2016 г.

Он работал в архивах Москвы, собрал много документов по истории Владикавказа, но пока они остаются неопубликованными. Мечтает написать свою историю Владикавказа, записать мемуары, поскольку рассказать есть о чем. Филолог, писатель, краевед, собиратель мифов и легенд Северной Осетии Т.П. Плиев является собой яркий образец собирателя, исследователя и хранителя национальной, народной памяти.

Горячеводский казак П.Г. Лысенков – альпинист, краевед и изобретатель

Знание истории родного края является одним из основных качеств культурного и образованного человека. Людей, занимающихся изучением малых территорий, обычно называют краеведами. Нам известны имена и биографии крупных исследователей региона Кавказские Минеральные Воды: их труды и открытия давно стали достоянием общества. Неизвестными остаются те краеведы, которые не публиковали свои работы, кто выступал в роли проводников в путешествиях и походах более крупных ученых. К числу таких исследователей можно отнести казака станицы Горячеводской Петра Гавриловича Лысенкова.

Его имя стало известно в процессе изучения истории развития транспортной системы КМВ. Данная статья отчасти является продолжением этой работы. В Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия-Алания (далее ЦГА РСО-А) в фонде строительного отделения Терского областного правления (далее ТОП) было обнаружено дело «Прошение урядника станицы Горячеводской Лысенкова о выдаче ссуды на усовершенствование изобретённого им самодвижущегося экипажа» [1].

Небольшое дело, начатое в Терском областном правлении, включает восемь листов с оборотами. Оно начинается собственноручным прошением (от 29 октября 1901 г.) казака Петра Гавриловича Лысенкова начальнику Терской области с просьбой выделить ему 1000 руб. на создание опытной модели изобретённого им «самодвижущегося экипажа». Горячеводский изобретатель утверждал, что его машина сможет с лёгкостью заменить пару лошадей и будет полезна в сельском хозяйстве. В движение она должна была приводиться путём приложения ручной силы на рычаг механизма. «Экипаж Лысенкова», по утверждению автора, был бы доступен для управления любым человеком без специальных знаний и навыков. В устройстве имелась возможность использовать дополнительные приспособления для ведения сельскохозяйственных работ. Производство экипажа обошлось бы в сумму не более ста рублей [2].

В подтверждение своих намерений Пётр Гаврилович к прошению приложил рисунок «самодвижущегося экипажа», изобразив его схематичный вид сзади, сбоку и сверху (Рис. 1). Аппарат должен был иметь длину более 3,5 м, а ширину около 1,5 м. В задней части рамы, посаженной на две колёсные оси, предполагалось посадочное место для водителя. Среднюю часть аппарата должна была занимать замысловатая система рычагов для передачи к обеим осям приложенной ручной силы [3].

Затем изобретателя не суждено было осуществиться. На письме Лысенкова имеются резолюции, поставленные в Терском областном правлении. Они плохо читаются, но смысл их понятен. В первой записи, произведённой синим карандашом, написано рукой начальника области: «необходимо выяснить, здоров ли казак». В другой резолюции, сделанной простым карандашом, замечено, что П.Г. Лысенков просил на производство опытной модели 1000 руб., однако утверждал, что производство «экипажа» будет стоить 100 руб. Резолюции подтверждаются конфиденциальным письмом к атаману Пятигорского отдела. Далее в архивном деле следует переписка, где Лысенкова для продолжения делопроизводства просят уплатить гербовый сбор и прислать гербовые марки на сумму 1 руб. 20 коп. Это условие Пётр Гаврилович по получении письма выполнил [4].

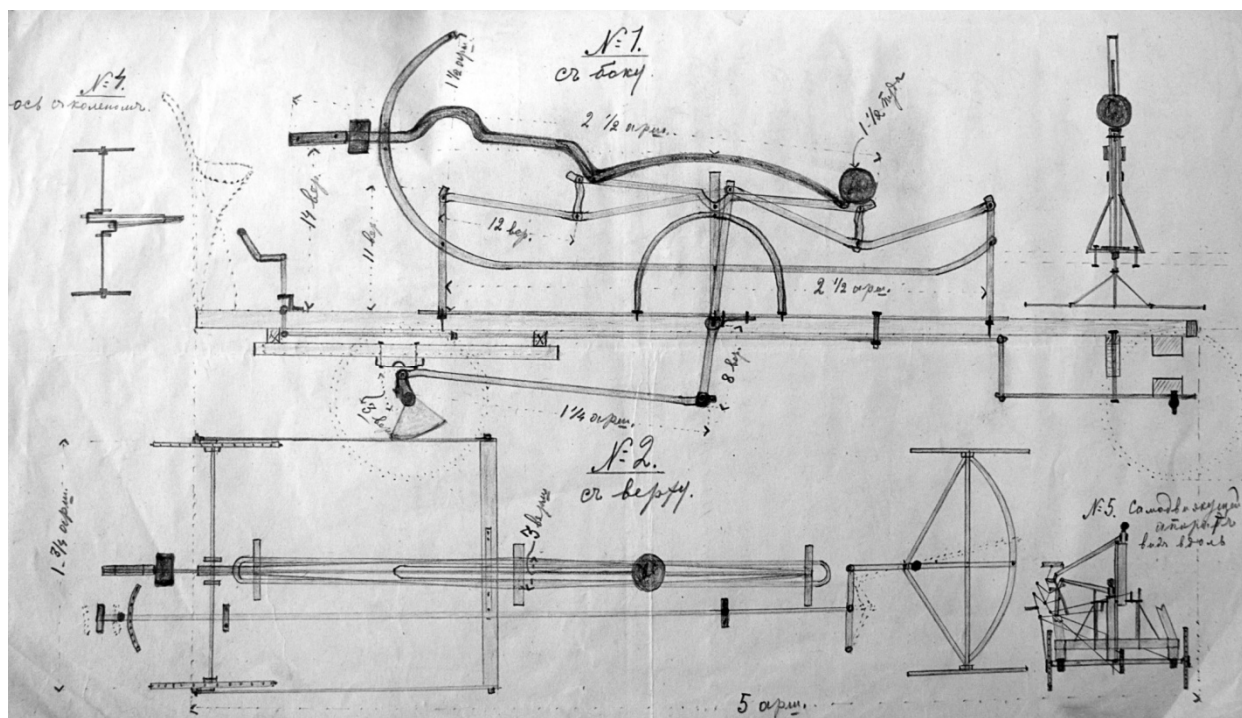

Рис. 1. Схематический рисунок «самодвижущегося экипажа»
П.Г. Лысенкова. 1901 г.

В декабре 1901 г. от атамана Пятигорского отдела генерал-майора А.А. Ржевусского пришёл ответ по поводу личности Лысенкова. Этот документ позволил узнать некоторые факты из скудной биографии казака. Пётр Гаврилович – потомственный казак, четыре года служил во 2-ой Терской батарее, затем – четыре года на сверхсрочной службе в 1-ом Кизляр-Гребенском полку старшим мастером, разбирался в малярном, столярном и кузнечном деле, был «совершенно здоров как умственно, так и физически» [5].

Этот интересный факт, связанный с историей развития транспортной системы КМВ, так бы и остался в рамках опубликованной нами монографии [6], если бы не была предпринята попытка восстановить биографию Петра Гавриловича Лысенкова.

Имя П.Г. Лысенкова неоднократно упоминается в работах российского и советского геолога-петрографа и альпиниста Виктора Викторовича Дубянского. Профессор Дубянский – член Кавказского Горного общества (далее КГО), изучал высокогорный Кавказ, описал продукты вулканического происхождения на Казбеке и Эльбрусе. В этой работе ему помогал казак П.Г. Лысенков. Вместе с В.В. Дубянским Пётр Гаврилович совершил восхождения на Эльбрус, Казбек, Дых-Тау (1911 г.) и Кара-Суу (1912 г.) [7]. В списках членов КГО фамилии Лысенкова нет, что позволяет говорить о том, что членом Общества он не был.

Горячеводский казак-изобретатель первым в мире совершил три восхождения на г. Эльбрус. 6 августа 1907 г. состоялось первое восхождение на восточную вершину вулкана. Руководителем и идейным вдохновителем этого похода был В.В. Дубянский. В восхождении принимали участие студенты В.М. Ройхель, К.М. Ратушкин и А.К. Энгельгардт. Подъем начался от скалы на высоте 3375 м на пике Терскол. Осетин Хаджумар Хабдиев [8] и Пётр Лысенков к 16 часам первыми добрались до вершины. На вершине в память о подъёме Лысенков собрал из камней тур метровой высоты, куда воткнул ледоруб [9].

В 1908 г. под флагом КГО в Пятигорске и под руководством В.В. Дубянского планировалось очередное восхождение на г. Эльбрус. О предстоящем походе в газету были поданы объявления. К восьми часам утра 28 июля 1908 г. желающие совершить восхождение начали собираться около кофейни Гукасова у входа в Николаевский цветник. Казак П.Г. Лысенков выступил в качестве коммерческого проводника. Он также занимался подготовкой инвентаря для восхождения. Его дом был первым остановочным пунктом перед дальней дорогой. По мере восхождения на Эльбрус группа «экскурсантов» сокращалась. На седловине участники решали, стоит ли продолжать восхождение. Тогда Лысенков заявил: «Или достигнуть вершины, или лучше живым не возвращаться домой». 3 августа 1908 г. В.В. Дубянский вместе с П.Г. Лысенковым совершили восхождение на западную вершину Эльбруса. На вершине они обнаружили деревянную палку, поставленную здесь в 1890 г. при восхождении А.В. Пастухова. Восхождение В.В. Дубянского было подробно описано в книге «На Эльбрус по Баксану». В числе участников также был Егор Лысенков [10] – вероятно, родственник казака, не дошедший до вершины и помогавший спускаться другим участникам экспедиции [11].

В 1910 г. В.В. Дубянский, преподаватели Варшавского политехникума В.И.Исаев и Ерчиковский (Еричковский) и проводники П.Г. Лысенков и Бачай Урусбиев предприняли попытку восхождения на восточную вершину горы. 10 августа вышеперечисленная команда, кроме Еричковского, оставшегося на «Пастуховском приюте», достигла вершины. Тогда был сделан первый панорамный фотографический снимок вершины, который был опубликован в книге «К петрографии Эльбруса». Профессор Дубянский отмечал, что некоторые фотоснимки были сделаны цветными [12]. П.Г. Лысенков, который в отличие от других участников восхождения не жаловался на самочувствие, провёл полевые исследования: набросал схематический план вершины (Рис. 2), собрал образцы породы, проводил барометрические измерения и помогал при фотографировании [13].

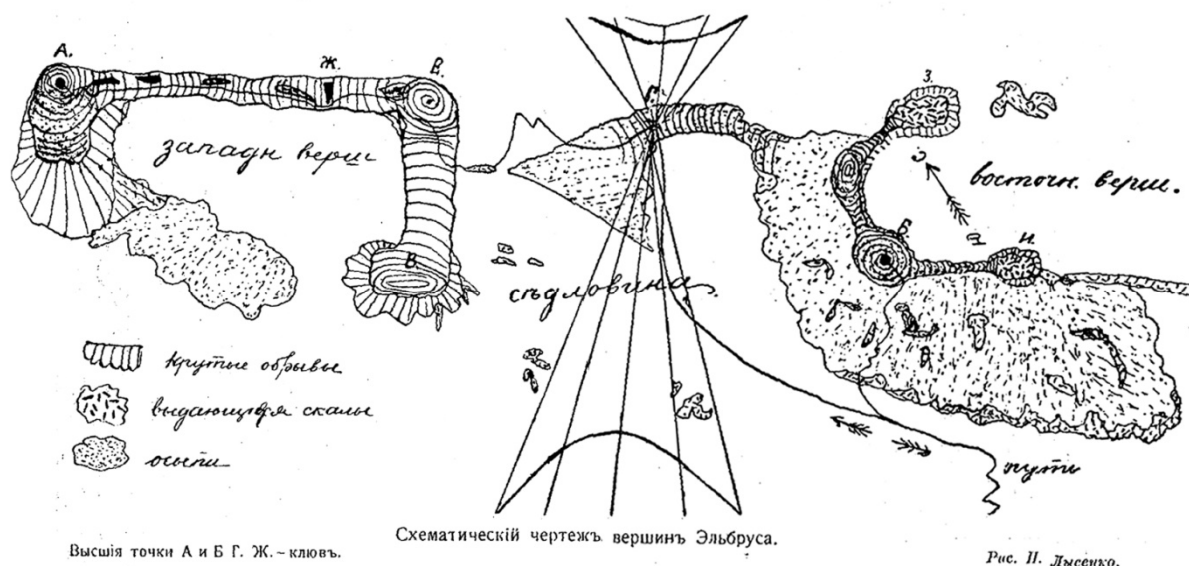

Рис. 2. Схематический рисунок вершин г. Эльбрус.
Рисовал П.Г. Лысенков. 1908-1910 гг.

Профессор Дубянский, сопоставляя свою команду альпинистов с восходителями из Швейцарии, которые побывали на вершине в 1910 г. за несколько часов до них, оставил описание внешности казака Лысенкова: «И каким убогим, а вместе с

тем дерзки смелым должен был показаться им наш доморощенный русский караван, во главе которого шёл здоровенный казак в высокой барашковой папахе и тяжёлых простых сапогах с наскоро прилаженными примитивными кошками и самодельным альпенштоком-зонтом, так гармонировавший своим видом с остальными спутниками» [14].

Биография казака-изобретателя до конца не восстановлена. Представленные материалы собраны из разных по содержанию документов. Вряд ли можно встретить П.Г. Лысенкова на фотографиях с прогулок и экскурсий КГО. Известно, что в газете «Терек» за 1907 г. он опубликовал свои впечатления о восхождениях [15]. В разных источниках имеются обрывочные сведения о родственниках казака. В посёлке Горячеводском и сейчас есть улица Лысенковская в память о Павле Гавриловиче Лысенкове, который был убит в годы гражданской войны. В архивных документах встречается имя урядника Ивана Гавриловича Лысенкова [16]. Для выяснения подробной биографии этого незаурядного человека понадобится более широкое изучение фондов государственных архивов, а также фондов музеев региона КМВ.

Использованная литература и источники:

1. ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп. 62. Д. 2316. Прощение урядника станицы Горячеводской Лысенкова о выдаче ссуды на усовершенствование изобретённого им самодвижущегося экипажа.
2. ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп. 62. Д. 2316. - Л. 1.
3. Там же. - Л. 2.
4. Там же. - Лл. 1, 4-5, 5 об.
5. Там же. - Лл. 6-6 об.
6. Данилов А.В. История становления и развития транспортной системы Кавказских Минеральных Вод в конце XVIII – первой четверти XX века. - Пятигорск, 2015.
7. О Балкарии и балкарцах. «У подошвы Эльборуса». Часть 2 // <http://www.clamber.ru/kb/balkariya-i-balkarcy/page,2,1199-o-balkarii-i-balkarcah-u-podoshvy-elborusa-chast-2.html>. Последнее обращение 06.11.2016 г.
8. Хаджумар Хабдиев – уроженец сел. Нижнее Уми у Военно-Грузинской дороги. См.: Дубянский В.В. На Эльбрус по Баксану. - Пятигорск, 1911. - С. 4.
9. Там же. - С. 80, 113.
10. В «Ежегоднике КГО» указывается другое имя: В. Лысенков. На высоте 4875 м с ним случился «сердечный припадок», и он прекратил восхождение. См.: Ежегодник Кавказского горного общества в г. Пятигорске за 1908 и 1909 гг. - Пятигорск, 1910. №3. - С. 17.
11. Дубянский В.В. На Эльбрус по Баксану. Пятигорск, 1911. С. 4, 104-105, 109.
12. Взойти на Эльбрус с юга // <http://forum.awd.ru/viewtopic.php?f=616&t=276653>. Последнее обращение 06.11.2016 г.; Дубянский В.В. На Эльбрус по Баксану. - Пятигорск, 1911. - С. 122.
13. Дубянский В.В. На восточной вершине Эльбруса // http://geolmarshrut.ru/antologiya/?ELEMENT_ID=3870. Последнее обращение 06.11.2016 г.
14. Дубянский В.В. На Эльбрус по Баксану. - Пятигорск, 1911. - С. 122.
15. Лысенков П.Г. Подробные описания восхождений на Эльбрус в 1906-1907 гг. // Терек. 1907. №№ 210, 211.
16. Род Лысенковых. Выписка из метрической книги Владикавказского военного госпиталя за 1906 г. // <http://combcossack.opk.ru/viewtopic.php?id=5822&p=2>. Последнее обращение 10.11.2016 г.

**Тимур Борисович Шаханов. Страницы биографии.
К 100-летию со дня рождения.**

Тимур Борисович Шаханов (12.03.1917–01.08.2000 г.) родился во Владикавказе в семье известного общественно-политического деятеля Басията Абаевича (Бориса Александровича) Шаханова, происходившего из рода балкарских таубиев (горских князей). Отец Басията – Абай Шаулохович (в православии – Александр Дмитриевич) был одним из первых горцев Северного Кавказа, окончивших в Петербурге Военную медико-хирургическую академию. Он служил врачом в военных частях и госпиталях, участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878г.г., много лет служил в различных гарнизонах на Дальнем Востоке. Согласно семейным преданиям, Абай Шаханов участвовал в противочумной экспедиции в Китае и читал курс лекций по инфекционным болезням в университете японского города Нагасаки. Военврач, действительный статский советник (генерал-майор) Абай Шаханов скончался в 1897 году в возрасте сорока семи лет в городке Никольское (ныне Уссурийск) Южно-Уссурийского края.

Абай Шаханов был женат на Елизавете Павловне Матвеевой, происходившей из дворян Тамбовской губернии. Елизавета Матвеева окончила Высшие женские врачебные курсы для подготовки «ученых акушерок» при Медико-хирургической академии. 17 января 1879 г. у супругов Шахановых родился сын, названный Борисом. Борис Шаханов окончил Александровский кадетский корпус, в 1898 г. - Михайловское артиллерийское училище в Петербурге, в мае 1907 г. - с отличием Военно-юридическую академию. С 1908 г. подполковник Борис Шаханов живет во Владикавказе и занимается адвокатской практикой. В 1910 г. принимает мусульманскую веру и становится Басиятом Абаевичем.

Басият Шаханов известен на Кавказе не только как опытный адвокат, но и как блестящий публицист. В кавказской печати им опубликованы многочисленные статьи, этюды, зарисовки из жизни северокавказских горцев.

В 1910 г. присяжный поверенный Басият Шаханов избран на должность юрисконсульта Кабарды и Балкарии. Басият Абаевич был женат на дочери известного в Нальчикском округе балкарского таубия Дадаша (Ислама) Балкарокова Джан.

После февральских событий 1917 г. Басият Шаханов входит в органы Верховного правительства Терской области, является одним из инициаторов создания Временного Центрального комитета Союза горцев (избран председателем). Он один из организаторов и председатель I съезда горцев Северного Кавказа и Дагестана. В августе 1917 г. – комиссар Дагестана. В феврале-марте 1918 г. – участник II съезда народов Терка в г. Пятигорске, провозгласившего Советскую власть в области. В 1918г. Басият с женой Джан и маленьким сыном Тимуром переезжают из Владикавказа в Нальчик, в ноябре уйдет на Кубань. В начале 1919 г. – правитель канцелярии Кубанской Законодательной Рады (казачий парламент).

Басият умер от тифа в конце февраля 1919 года в г. Екатеринодаре (ныне Краснодар). Кубанское правительство выделило пассажирский вагон для доставки тела покойного в Нальчик. Один из самых видных политических деятелей Кавказа 1917 г. Басият Абаевич Шаханов был похоронен при большом стечении народа на Вольноаульском кладбище в Нальчике в начале марта 1919 года. После смерти зятя Дадаш (Ислам) Балкароков покинул Нальчик и переехал в Кисловодск, где у него была дача. Детство Тимура Шаханова прошло в Кисловодске. Частыми гостями в доме были известные представители кавказской интеллигенции: Ислам Хубиев, первый карачаевский профессиональный журналист, дагестанские деятели Алибек

Тахо-Годи и Джелаледин Коркмасов, бакинская подруга матери Лиза Мухтарова и др. В 1924 г. Ислам Балкароков с семьей переехал в Баку. Переезд был связан с тем, что благодаря дагестанским товарищам Басията две сестры матери в 1922 г. поступили на медицинский факультет Азербайджанского Государственного университета от Дагестана. Одна из сестер Даута Алиева стала педиатром и жила в Махачкале. Другая сестра Фатима-Ханум после учебы осталась в Баку. Поступили учиться и два брата матери. Старший Исмаил поступил в техникум буровых мастеров, младший Султан – в военное училище. В 1937г. умер Исмаил, а Султан, похоронив брата, вскоре был арестован и расстрелян. Джан Исламовна (мать Тимура) в Баку руководила женским клубом, создавала промкооперативные артели, а также занималась привлечением женщин к общественной жизни. Тимур учился в Баку в 3-ей советской школе, бывшей до революции мужской гимназией. В школу он был определен по рекомендации Гариб-Султан Меликовой, дочери Ханифы Абаевой, первой просветительницы Кавказа.

В 1935 г. Тимур Шаханов уезжает в Москву и, успешно сдав вступительные экзамены, становится студентом Литературного института им. Горького СП СССР. Вскоре по рекомендации друга отца Алибека Алибековича Тахо-Годи поступает на работу в Музей народов СССР лектором в Отдел Кавказа. Музей народов СССР был создан в 1924 г. в Москве, до 1930 г. именовался Центральным музеем народоведения. В первые же годы работы Музей объединил многих видных ученых, в том числе кавказоведов. До 1938 г. Т. Шаханов живет в Москве, совмещая учебу в институте в вечерние часы с работой в Отделе Кавказа. В 1930-е годы в Отделе работали крупные кавказоведы Георгий Александрович Кокиев и Батраз Амирханович Гарданов, с которыми тесно общался и дружил Т. Шаханов. Музей возглавлял известный общественный деятель Северного Кавказа Эдыгей Гиреевич Мансуров, который в 1937 г. был арестован по ложному обвинению и заключен в тюрьму.

В августе 1937 г. Т. Шаханов приезжает в Нальчик с целью сбора этнографического материала, знакомится с краеведческим музеем, директором которого тогда был известный краевед М.И. Еромоленко. Однако Т. Шаханов был вынужден быстро покинуть Нальчик из-за возникшей опасности быть арестованным. Из Нальчика он вернулся в Москву, где продолжал работать в Музее народов СССР. К этому времени многие сотрудники музея были арестованы. Опасность преследования из-за политической биографии отца и социального происхождения вынудила покинуть Т. Шаханова столицу и уехать в 1938 г. к родственникам в Баку. В Баку он устраивается на работу в Музей истории Азербайджана, поступает на юридический факультет Азербайджанского Государственного университета и получает специальность юриста. В мае 1944 г. семья Шахановых вместе с другими балкарцами была выслана из Баку в Казахстан, в Талды-Курганскую область. Т. Шаханов был принят в члены Талды-Курганской областной коллегии адвокатов и избран в ее президиум. Однако в 1947 г. все спецпереселенцы были уволены из органов суда и прокуратуры. Не избежал этой участи и Т. Шаханов. Из Талды-Кургана он уезжает в Алма-Ату, где завершает свое литературное образование, окончив с отличием в 1949 г. Казахский пединститут им. Абая. Здесь ему были зачтены три года учебы в Литинституте в Москве. Через некоторое время вновь начались неприятности, связанные с биографией отца и сословным происхождением. Поменяв паспорт и став отныне татарин, Т. Шаханов уезжает в Москву. Он работает по договору юрисконсульт в Министерстве легкой промышленности, а также занимается делами спецпереселенцев, обращается с ходатайством в Верховный суд. Весной 1953 г. Т. Шаханов возвращается к родственникам в Алма-Ату.

После реабилитации балкарского народа летом 1958 г. Т. Шаханов приезжает в Нальчик и поступает на работу в Кабардино-Балкарский краеведческий музей, а с 1965 г. он уже заместитель директора по научной работе. С его именем связаны

многие достижения в музейно-краеведческой работе. В этот период музей проводит регулярные археолого-этнографические экспедиции и поездки для комплектования фондовых коллекций и паспортизации памятников. Он выезжает в другие регионы страны, неустанно заботясь о пополнении фондовых коллекций новыми экспонатами, приобретает ценнейшие уникальные предметы. Под его руководством и при непосредственном участии были организованы экспедиции в балкарские села. Во время этих поездок были обследованы и описаны памятники древней и средневековой архитектуры Балкарии, собран богатейший этнографический материал, значительно пополнивший фонды краеведческого музея.

Экспедиции сопровождал фотограф музея А.М. Руднев, который сделал уникальные снимки, представляющие огромный научный интерес. На фотографиях запечатлены виды старинных балкарских селений, мосты, колесные дороги, различные типа построек, характерные для каждого ущелья. Четко прослеживаются отдельные моменты традиционного балкарского жилища: особенности устройства очага, оконных проемов, дверей, показаны средневековые архитектурные памятники, традиционные национальные костюмы, предметы быта и утварь.

Являясь известным знатоком старины и истории, Тимур Шаханов внес неоценимый вклад в развитие национальной культуры кабардинцев и балкарцев. Большая эрудиция и накопленный жизненный опыт помогали Тимур Борисовичу воспринимать историю как постоянное развитие, а общение с представителями горской многонациональной интеллигенции, в среде которой прошли его детство и юность, открывало малоизвестные исторические факты, позволяло по-своему осмысливать и осознать прошедшее. В орбиту интересов краеведа входили самые разнообразные отрасли знаний: природоведение, археология, живопись, общественная мысль. Внимательный наблюдатель, остроумный собеседник, неутомимый пропагандист, он часто выступал с лекциями, беседами перед различными аудиториями на телевидении, в печати, радио. За свою долгую жизнь Тимур Борисович встречался и дружил со многими деятелями культуры, среди которых Н.Я. Марр, Г.А. Кокиев, В.К. Гарданов, Л.И. Лавров, К.Ш. Кулиев, Р.Г. Гамзатов и др. Творческое наследие Т.Б. Шаханова послужило основой для издания в 2004 г. «Записок краеведа». Книга включает в себя его воспоминания, научно-популярные очерки по истории нашего края, эссе, выступления, сценарии и т.д. По авторитетному мнению известного археолога В.М. Батчаева: «В ней содержится немало фактов малоизвестных, а то и вовсе неизвестных, дающих представление о той социально-политической атмосфере, в которой формировались первые кадры творческой интеллигенции малых народов нашей страны. Отдельные разделы посвящены балкарским просветителям XIX – нач. XX вв., личностям и судьбам ряда современников самого Т.Б. Шаханова, деятельности замечательного краеведа нашей республики М.И. Ермоленко и др. Для меня как для археолога наиболее интересны пассажи об архитектурных памятниках, описанных Т.Б. Шахановым весьма обстоятельно и со знанием дела». Кандидат исторических наук Е.С. Тютюнина отмечает: «Умение по-своему, необычно подойти даже к известной теме – особенно привлекательно в предлагаемых рассказах. Это именно рассказы, изложенные доходчивым живым языком, впечатления знатока и очевидца. Не просто созерцателя, но активного деятеля. И об этом в дневниках экспедиций, проектах создания историко-этнографического музея под открытым небом, настойчивых призывах сохранить культурное наследие наших народов». Тимур Борисович Шаханов является заслуженным работником культуры КБР, а для всех знавших его – истинным интеллигентом, неутомимым тружеником, человеком незаурядной эрудиции и завидной скромности.

Использованная литература и источники:

1. Сафарян С.Н. Султан–Бек Абаев. - Нальчик, 1988. - С. 121-126.
2. Шаханов Басият. Избранная публицистика. - Нальчик, 1991. – С. 6-41 (предисловие, составление, комментарии Биттировой Т.Ш.)
3. Опришко О.Л. На изломе времени. - Нальчик, 1996. С. 113-154.
4. Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX вв. Избранное. Т. 2. - Нальчик, 1996. - С. 11-28.
5. Шаханов Т.Б. Записки краеведа. - Нальчик, 2004 (составители и авторы комментариев Депенева А. Б., Гукемух И.Х.)
6. Страницы отечественного кавказоведения. - М., 1992. - С. 16-17, 157-165
7. Сабанчиев Х.-М. А. Были сосланы навечно. - Нальчик, 2004. - С. 69, 106-159.
8. Акритас П.Г., Медведева О.П., Шаханов Т.Б. Архитектурно-археологические памятники горной части Кабардино-Балкарии. Ученые записки КБНИИ, т. XVII, - Нальчик, 1960. - С. 67-96.
9. Батчаев В.М. Рецензия на рукопись книги «Т.Б. Шаханов. «Записки краеведа». 2002, (рукопись).
10. Тютюнина Т.Б. Рецензия на рукопись книги «Т.Б. Шаханов» Записки краеведа». 2002, (рукопись).

Коваленко А.Н.
(г. Пятигорск)

Борис Владимирович Лунин (1906–2001)

Сообщение посвящено выдающемуся учёному советского и современного Узбекистана Борису Владимировичу Лунину. В этом году исполняется 110 лет со дня рождения и 15 лет со дня его смерти. Родившись в Европе на заре XX, он умер в Ташкенте в самом начале XXI века.

При подготовке этого сообщения в интернете было просмотрено множество публикаций об учёном. Выяснилось, что почти все они в основном однотипные, одни и те же сведения кочуют из одного сайта на другой.

А личность Бориса Владимировича Лунина привлекла наше внимание давно, когда нами собирались сведения о краеведах В. Р. Апухтине и Д. М. Павлове: он жил в Пятигорске, фамилия «Лунин» встречается в периодической печати Пятигорска 1910-х и краеведческих сборниках 1920-х годов. Павлов и Апухтин были знакомы с Луниным, занимались одним общим делом: развитием краеведения на Северном Кавказе.

Рис. 1. Борис Владимирович Лунин. Фото 1950-х гг.

Борис Владимирович Лунин родился 18 июля 1906 г. в Женеве в семье политических эмигрантов из России. После избрания его деда – В.И. Лунина членом I Государственной Думы его родители вместе с ним вернулись в Россию [1]. Борис Лунин учился в гимназии в Пятигорске. После переезда с семьёй в Ростов-на-Дону стал вольнослушателем Донского археологического института, был принят в члены Донского общества археологии и истории при Ростовском госуниверситете.

В 1920 – начале 1930-х гг. Б.В. Лунин являлся членом правления и ученым секретарём Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии (СККОАЭ) и Бюро краеведения. Как археолог-краевед опубликовал ряд статей, обобщавших результаты археологических исследований, проводившихся на Северном Кавказе.

Во время Великой Отечественной войны Б.В. Лунин находился в составе действующей армии на Южном фронте. В 1942–1953 гг. служил в Туркестанском военном округе (последнее воинское звание – подполковник) и был старшим преподавателем и начальником социально-экономического цикла в военно-учебных заведениях округа.

После ухода в отставку в 1953 г. он стал учёным секретарем, затем старшим научным сотрудником Института истории и археологии АН Узбекистана, а затем учёным секретарем Отделения общественных наук Академии наук. С 1968 г. работал заведующим сектором историографии Института истории УзССР и в этом же году стал главным научным сотрудником этого же института.

Б.В. Лунин автор 25 монографий, 50 брошюр и свыше 600 научных работ, публиковался также во многих научных и научно-популярных журналах. В течение сорока лет был членом редколлегии журнала «Общественные науки в Узбекистане», был членом Главной редакционной коллегии 14-томной «Узбекской энциклопедии». Б.В. Лунин был академиком Российской академии естественных наук, членом Российского археологического общества, награжден государственными наградами. Умер в Ташкенте 18 октября 2001 г. и был похоронен на Домбрадском кладбище города [2].

В книге «Наука и её работники без Москвы и Ленинграда» есть сведения и о Луние: «Лунин Борис Владимирович – зав. Краевым бюро изобретений, научный сотрудник Донского государственного музея искусств и древностей, сотрудник-корреспондент Кубано-Черноморского научно-исследовательского института (в Краснодаре), учёный секретарь Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии, 2-й ответственный секретарь Северо-Кавказского бюро краеведения; экономика, промышленность и торговля; доисторическая археология. Ростов-на-Дону, ул. Энгельса, 198б, кв. 2. (18 июля 1906, Женева, Швейцария)» [3].

До сих пор пятигорский период жизни выдающегося учёного неизвестен. Родившись в Женеве, когда попал в Пятигорск, когда переехал в Ростов-на-Дону, кто оказал влияние на его мировоззрение и кем были его родители? Нами собраны пока что очень незначительные сведения, появлявшиеся на страницах местной периодической печати. Большая благодарность библиографу, главному редактору журнала «Донской временник» Л.А. Штавадакер, оказавшей помощь в поисках сведений о Ростовском периоде жизни.

Вероятнее всего семья Луниных перебралась в Пятигорск после начала Первой Мировой войны. Любопытный факт. Летом 1915 г. газета «Пятигорское эхо» сообщает о прибытии большой партии беженцев из Польши и Прибалтики, а вскоре газета сообщила о создании «Общества помощи беженцам». Среди других в правление были избраны Д.М. Павлов и В.В. Лунин [4]. В «Кавказском Календаре на 1916 год» отмечен частный поверенный Владимир Викторович Лунин – отец будущего учёного [5].

Материальное положение семьи Луниных позволило отправить сына учиться в Пятигорскую мужскую гимназию. Здесь проявился его интерес к истории и археологии. Скорее всего, этому способствовал преподаватель гимназии Д.М. Павлов. Выйдя из правления «Общества беженцев», он вошёл в состав Кавказского горного общества, занимается созданием Кавказского Лермонтовского музея. В создании экспозиции ему помогают гимназисты. Скорее всего, среди них мог быть и девятилетний Борис Лунин [6].

В феврале 1917 г. произошла Февральская революция. В Пятигорске её приветствовали, был создан Гражданский комитет, в который входили представители различных партий. Одной из важных задач комитета стали выборы в городскую Думу. Для нас особый интерес представляет список № 3 кандидатов, опубликованный в газете «Народное эхо»:

«1. Бутырин Яков Петрович. 30 лет. Сенная, 41. Председатель Пятигорского Совета Рабочих и Солдатских депутатов.

2. Лунин Владимир Викторович. 32 года. Свободы, 35. Частный поверенный. Товарищ председателя Пятигорского Гражданского Исполнительного Комитета. Председатель его культпросвет комиссии.

7. Пащенко Фёдор Дмитриевич. 32 года. Ломаный, 10. Наборщик. Секретарь профсоюза наборщиков. Член исполкома СР и СД.

30. Анджиевский Григорий Григорьевич. 22 лет. Солдат 113 запасного полка. Член исполкома Совета рабочих и Солдатских Депутатов и товарищ председателя полкового комитета» [7].

Следующие, неожиданные сведения относятся уже к 1920 г., когда в Пятигорске установилась Советская власть, гимназисты стали учениками школы второй ступени, где учился четырнадцатилетний Борис Лунин. Об этом периоде жизни Пятигорской средней школы № 1 имени М.Ю. Лермонтова почти ничего неизвестно. Тем более интересен тот факт, что в 1920 г. здесь работал археологический кружок. Руководил им бывший частный поверенный Владимир Владимирович Лунин! Кружок работал до 1921 г. [8].

После переезда семьи Луниных в Ростов-на-Дону Борис поступил вольнослушателем в Донской археологический институт. В это время в стране широко развивается краеведческое движение, и молодой человек не остаётся в стороне. В 1922 г. создаётся Донское общество археологии и истории искусств во главе с бывшим ректором института А.И. Яцмирским (с 1925 года – Северо-Кавказское Общество археологии, истории и этнографии – далее СКОАИЭ). С 1923 г. по его рекомендации Лунин стал членом общества [9], а в 1925 г. возглавил музейную Секцию Северо-Кавказского Бюро краеведения, стал сотрудником Донского областного музея искусств и древностей, затем Северо-Кавказского музея горских народов [10].

Лунин принимал активное участие в археологических исследованиях Дона и Северного Кавказа. Результаты исследований ложились в основу научных статей и лекций. Работам молодого учёного в 1928 г. дал высокую оценку крупнейший советский археолог, профессор В.А. Городцов, назвав его «восходящей звездой археологии Северного Кавказа», надолго став его учителем и наставником. Скорее всего, не прерывались и контакты с Пятигорском и бывшим учителем Д.М. Павловым. Лунин публикует отчёты о деятельности краеведных организаций, в том числе и о пятигорских. Благодаря этому мы узнали, какие организации существовали в 1926 г. в Пятигорске, о раскопках на Рим-горе в 1927 г. и др. [11].

Из списков членов Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии известно, что в 1927 г. его действительным членом был и В.Р. Апухтин, живший в это время в Харькове, а не в Ростове-на-Дону, как мы предполагали ранее [12]. Членство позволило ему опубликовать обнаруженные в архиве

Управления КМВ сведения о пребывании М.Ю. Лермонтова в Железноводске в июле 1841 г.

В 1925–26 гг. СКОАИЭ поставило задачу: создать археологическую карту Северо-Кавказского края. Была создана рабочая группа членов Общества, куда вошли археологи и историки Б.В. Лунин, А.Т. Стефанов, М.Б. Краснянский, С.А. Вязигин, И.Н. Черняев, И.П. Козловский, Е.А. Черноусов и др. Группа собиралась каждые две недели, но постепенно отошла от намеченных задач. Из-за отсутствия финансовых средств упал интерес к основной работе, прекратились публичные собрания, доклады. Члены группы стали обсуждать другие темы, в том числе и политические. Перемены не остались незамеченными.

4 февраля 1931 г. вместе с другими членами Правления Общества Лунин был арестован, несмотря на свои марксистские взгляды, в то время как другие участники группы в большинстве своём к марксизму относились отрицательно, считали его совершенно неприемлемым для работы.

Начались допросы, на которых Лунин стал активно сотрудничать со следствием. Маститые профессора И.П. Козловский и А.М. Ладыженский, возглавлявшие Общество, которых он уважал ещё в 1925–26 годах, теперь, по его мнению, примыкали «к фаланге реакционной профессуры философски-идеалистического направления», «идеалистическое мировоззрение» было, считал он, и у других арестованных. М.Б. Краснянского, одного из организаторов музейного дела в Ростове, Лунин характеризует как «реакционную...фигуру,...человека крайне неустойчивого...в психическом отношении не совсем здорового...».

На тот момент Лунину ещё не исполнилось и двадцати пяти.

Активное «сотрудничество» со следствием для Бориса Владимировича дало свои результаты и, в отличие от других краеведов, закончилось благополучно (приговор о высылке его в Бишкек (Киргизия) сроком на три года посчитали условным, 8 сентября 1931 г. он был освобождён из-под стражи в зале суда) [13].

Большую роль в его освобождении сыграла знакомство отца с известной в те времена правозащитницей Екатериной Пешковой. В Государственном архиве Российской Федерации хранится его письмо: «6 сент. 1931 года. Глубокоуважаемая Екатерина Павловна. В свое время, Вы, учитывая революционные заслуги нашей семьи, были так добры и отзывчивы, что нашли возможным принять участие в вопросе об освобождении моего сына – археолога Бориса Владимировича ЛУНИНА. Вы тогда сказали мне, что хотели бы знать об исходе дела сына. Ваше участие в деле сына было встречено здесь с полным вниманием, и мне было заявлено, что дело сына несерьезное, и что он будет скоро освобожден. Правда, следствие по делу сына сильно затянулось, и он был освобожден только недавно под подписку о невыезде (до приговора). Однако, я имею все основания считать, что ВАШЕ участие (в связи с отзывами о революционном прошлом моего отца и моем) имело большое значение при разрешении вопроса об освобождении сына. Шлю Вам самую сердечную благодарность за Вашу помощь в столь тяжелых и исключительных обстоятельствах жизни моего сына. Уважающий Вас и гот. к усл. В. Лунин» [14].

В 1937 г. Борис Владимирович возглавил отдел досоветской истории во вновь созданном Ростовском музее краеведения, спустя два года выпустил первый сборник научных статей музея – «Известия Ростовского областного музея краеведения», затем издал популярные брошюры по истории и археологии Дона: «Героическая оборона Таганрога в 1855 году», «Азов, Ростов, Таганрог», «Азовское сидение», «Донские казаки в русско-японской войне 1904–1905 годов», «Первобытные люди на Дону и Кубани», «Старый город Черкасск» и др. О работе в Ростовском областном музее краеведения Лунин рассказал в 1989 г. в своих воспоминаниях [15]. К сожалению, его записки пока нам недоступны.

Жизнь Бориса Владимировича с начала войны совершенно не освещена и требует дополнительного исследования. Скорее всего, он был ранен, попал в какой-то госпиталь в Туркмении, служил там, так как воевать не мог. Но это лишь предположение.

Когда я начала собирать сведения о Луине, первоначально казалось, что надо обязательно во главу угла поставить его некрасивое поведение на следствии, фактические доносы и оговоры своих именитых учителей и коллег. Но потом подумалось: Борис Владимирович прожил очень долгую жизнь, внёс значительный вклад в науку. Стоит ли ворошить прошлое, вспоминать ошибки молодости, судьбы тех, кому он сломал жизнь и нанёс нравственный урон. Скорее всего, ошибки были совершены из-за убеждённости в правоте марксиста. Став выдающимся учёным, он фактически победил своё прошлое. Но ведь победителей не судят?

Использованная литература и источники:

1. <http://www.rulex.ru/01120440.htm>
2. <http://www.tashkentpamyat.ru/lunin-boris-vladimirovich-ucheniji-istorik-.html>
3. Наука и научные работники СССР: справочник. Часть 4: Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда / сост. Комиссией «Научные учреждения и научные работники СССР» под наблюдением и непосредственным руководством Непременного секретаря Академии Наук академика С. Ф. Ольденбурга и Председателя Комиссии академика Е. Ф. Карского. – Л., 1928. – С. 229.
4. Общество помощи беженцам // Пятигорское эхо 1915, 23.08.
5. Кавказский календарь на 1916 год (LXI г.): - Тифлис: Типография канцелярии Наместника Его Императорского Величества на Кавказе, 1915. – Стлб. 528.
6. Первый Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов: сборник материалов/ под ред. кандидата исторических наук С. Н. Савенко. – Ставрополь: Ставролит, 2015. – С. 11, 28.
7. Народное эхо. 1917, 22.07. [О выборах в Городскую Думу – по трём спискам]
8. Ученический археологический и архивный кружок // Терек 1923,9.02.
9. Ссылка по ГОСТу: Казарова Н. А. А. И. Яцимирский и донское краеведение // Донской временник. Год 2015-й / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов-на-Дону, 2014. Вып. 23. - С. 202-207.
URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m14/2/art.aspx?art_id=1408
10. Штавдакер Л. А. Борис Луин: «Сама судьба отвела мне роль старейшего донского краеведа ...» // Дон. временник. Год 2011-й. Вып. 19. Ростов н/Д, 2010. С. 133. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m4/4/art.aspx?art_id=734
11. Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. 1927, № 16 (8012), - Ростов-на-Дону. - С. 39.
12. <http://passion-don.org/writer/skkoai.html>
13. Штавдакер Л. А. Археологический писатель Борис Луин (Из истории краевед. Движения 1920-1930-х гг.) // Донской временник. Год 2013-й. Вып. 21. - Ростов н/Д, 2012. - С. 197.
14. ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 604. С. 19. Машинопись, подпись – автограф. / http://pkk.memo.ru/letters_pdf/002109.pdf
15. Луин Б. В. Перебирая чётки воспоминаний// Известия Ростовского Обл. музея краеведения. Вып.14. - Ростов /н.Д, 2007. - С. 196-203

Савенко С.Н.
(г. Пятигорск)

Письмо Б.В. Лунина Н.М. Егорову от 08.02.1927 г.

После статьи А.Н. Коваленко о Б.В. Луине логично поместить ответ на первое письмо Н.М. Егорова, сохранившийся в архиве пятигорского кавказоведа. Я воспроизвожу его почти дословно с некоторыми техническими правками. Письмо написано на печатной машинке, но имеет большое количество правок и дополнений, сделанных Б.В. Луниным от руки черными чернилами. Ценность этого источника определяется тем, что в нем содержатся материалы обсуждения ряда важных вопросов истории краеведения Кавминвод, включая и вехи судьбы действовавших в этой истории краеведов.

Обратимся к тексту письма:

Многоуважаемый г-н Егоров!

/к сожалению, не знаю В/ им. и отч./

С большой радостью спешу ответить Вам на все Ваши вопросы, ибо помимо того общего удовлетворения, которое испытываешь при переписке по археологическим вопросам и общении с людьми, ими интересующимися, - еще более приятно завязывать переписку с работниками Пятигорска, где протекали годы моей юности со всеми их радостями, огорчениями и ошибками и где я действительно, как вы правильно указали, начинал свои первые работы по археологии.

Всеволод Ростиславович живет сейчас в Харькове. Недавно получил от него письмо. Где он жалуется на тяжелое материальное положение и утомительную работу по добыванию себе куска хлеба. Его адрес: Грековская (Греківска вул.) д. №6, кв. 5.

О дольмене у Медовой горы я не писал во второй своей работе в следствие того, что не были доставлены находчиком обещанные им материалы – фотоснимок, описание и пр. Без этих материалов я не считал себя в праве писать о данном дольмене в специальной, хотя и популярной, работе. Т.о., ссылка на д. опущена мною из чувства осторожности, но имеющееся у меня указание нельзя признавать сейчас «ошибочным». Необходимо было бы совершить поездку к г. Медовой и попытаться на основании имеющихся у меня /записанных мною/ указаний, найти дольмен, если таковой там имеется.

Работа моя о кабардинских могильниках, вернее о «погребениях старых северо-кавказских племен в окр. Пятигорска», помещена в оканчивающихся скоро печатанием «Трудах» Краевого О-ва археологии, ист. и этнографии. Не замедлю выслать.

Что касается вещественного материала, полученного в итоге работ моих в окр. Пятигорска / весьма м.п. незначительных и, сказал бы прямо – случайных/, то, к великому моему сожалению, таковой остался в Пятигорске я с семьей покинул Пятигорск при самых неблагоприятных условиях и был лишен возможности принять меры к передаче материалов в музей / хранился у некоего Игошина / сотр. Ученич. Археолог. О-ва/, но когда я посетил в последствии в Пятигорск и пытался выяснить судьбу своих небольших собраний, часть материалов он будто-бы и сдал в музей, часть разошлась по рукам, была брошена в чулан и т.п.

Сейчас же у меня на руках имеется более чем скромный материал из раскопок на Константиногорском плато, описанию и разработке этих раскопок и добытого материала посвящена упомянутая выше работа моя. Этот материал составляют: кресало с отпечатками грубой ткани / след разложившегося мешочка, содержащего в

себе кресало/, три небольших железных ножа (один во фрагментарном состоянии/, две железных скобы от гробовищ, костяная орнаментированная игла и пряслица. Этот материал, если он только заинтересует Вас и сможет явиться новым вкладом в собрание музея, я с радостью передам в Ваше распоряжение.

Кстати, о явном недоразумении – никакой просьбы о посылке мне кн. Скиндера я не возбуждал и ни о чем подобном с С. Ивановым переговоров не вел. Здесь очевидное недоразумение. Вообще /не могу об этом умолчать/ во время посещения меня в Р. н/Д. С. Иванов вел себя несколько странно, с полной очевидностью преувеличивая свою роль в работе Пятигорского Музея и заставляя меня сомневаться, не злоупотребляет ли в некоторых случаях мой бывший соученик моей фамилией. Ваше письмо, в совокупности с некоторыми другими данными, подтверждает, к несчастью, мои опасения. Кн. же Скиндера «Бронза» как и мн.др. книги того же автора, плюс кн. Самоквасова, Стеллецкого действительно были проданы мне С. Ивановым при его недавнем посещении г. Р. н/Д.

Вас же я конечно могу только благодарить за доброе ко мне расположение и желание снабдить интересующей меня литературой.

Последний № «Бюллетеня» СКБК был № 5-7. Имеете ли Вы его? Следующий № задержались из-за опоздания отпуска средств по краевому бюджету. «Режим экономии» значительно отразился и на научных и краеведных учреждениях и наше СКБК не составило исключения в общей картине. Все надеемся в недалеком будущем выпустить очередной №.

Краеведческий съезд также несомненно состоится, хотя и с большим опозданием / надо думать он состоится и он соберется в мая/. Очень приятно, что Вы собираетесь сделать свое интересное сообщение.

Ну вот как будто все, что я могу Вам сейчас сообщить.

Пишите поподробнее – буду рад отвечать м.п. Искренне радуюсь успехам Пятигорского музея и росту его собрания.

Признаться - моментами так тянет в Пятигорск, хотя и сознаешь, что его посещение не принесет ничего, кроме некоторого разочарования. Время бежит так быстро переменялось, поразъехали знакомые, нет уже ничего ни родного и ни близкого. Да и вся моя жизнь в Пятигорске тоже кажется такой далекой.

Уважающий Вас:

8/II 27 г.

г. Р н/д

(Подпись Б.В. Лунина)

Использованная литература и источники:

1. Архив Н.М. Егорова. Научная библиотека ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». П.2. - Лл. 46-47.

Савенко С.Н.
(г. Пятигорск),
Савенко Е.А.
(г. Кисловодск)

Кавказская этнография в работах и архиве Николая Михайловича Егорова

Теперь нам известно, что Николай Михайлович Егоров, получивший прекрасное гимназическое и высшее образование, был не только увлеченным археологом-краеведом, но и разносторонним ученым.

Основы его широких интересов были заложены еще в Первой Владикавказской мужской классической гимназии и закреплены в Петербургском историко-филологическом институте.

После окончания института в конце 1890-х гг. вернулся на Кавказ. Жил в городах Закавказья (Грузия, Аджария, Азербайджан). Преподавал в гимназиях и других средних учебных заведениях Кутаиси, Тифлиса, Батуми, Баку. Увлекался различными направлениями кавказоведения. С 1902 г. являлся действительным членом Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества и публиковался в его изданиях. Нередко он печатал статьи о путешествиях, фольклоре и этнографии в научных сборниках и различных газетах региона.

Интересная статья Н.М. Егорова об особых ритуальных пирогах и хлебах у кавказских народов была опубликована в 40 выпуске «Сборника материалов по описанию местностей и племен Кавказа» в 1909 г. Исследователь подчеркивал, что это явление тогда оставалось «в стороне различными собирателями и толкователями этнографического материала». Николай Михайлович называет несколько причин, в связи с которыми он обратил внимание на этот специфический материал. Прежде всего, отмечалось, что традиционная практика выпекания особых пирогов и хлебов сохранялась еще в глухих уголках Кавказа и исчезала в районах, подверженных новым социально-культурным воздействиям и тенденциям. Среди специально выделенных показателей важности изучения представленного материала указывались содержащиеся в нем свидетельства о культурном уровне народов, возможность восполнить пробелы в изучении первобытных религиозных верований, возможности выявления указаний на культурные заимствования. В статье высказывались пожелания в адрес редакции сборника предоставлять возможность публикации других подобных материалов и предложение собрать образцы особых пирогов и хлебов, а также форм для их приготовления в Кавказском музее в Тифлисе. Последнее предложение Н.М. Егоров обсудил с директором Кавказского музея А.Н. Казнаковым и получил его согласие. Научную значимость сохраняют собранные в данной публикации примеры о ритуальных хлебах и пирогах у абхазов (конусообразные хлебные булки), осетин-магометан (треугольные хлебы), имеретинцев (два пирога), у казаков станицы Бекешевской (хлебные шишки с рожками и три каравай), в г. Ейске (шишки и каравай с тремя монетами и вишневыми веточками с птичками из теста, выкрашенный суриком, украшенный яркими лентами), у моздокских осетин и у грузин (выпекание накануне Нового года хлебов в виде барана, коровы, лошади, петуха и других животных и птиц, а также человеческих фигур в честь Басила (осет. - Василия) [1].

Некоторые из этнографических публикаций отложились в архиве Н.М. Егорова, хранящемся в научной библиотеке Пятигорского краеведческого музея. Так, в газете «Терские ведомости» за 1910 г. был опубликован «фельетон» Н.М. Егорова о восхождении на гору Кариу-хох в Осетии, совершенном в июле 1899 г., т.е. вскоре после возвращения исследователя на Кавказ [2]. В публикации, помимо красноречивых характеристик природы районе путешествия, содержались этнографические зарисовки об отношении горцев к почитаемым вершинам, о горской свадьбе и т.п.

В «Батумской газете» от 02.07.1913 г. была представлена старинная аджарская сказка «Загадка» о похождениях младшего из трех братьев – сыновей царя, завещавшего охранять его могилу в течение трех дней после смерти. Герою пришлось вести борьбу с драконами, обрести невесту, встречаться с превращениями людей в животных, слышать о колдуньях, использовавших волшебную плетень, искать ответ на исключительно трудную загадку большого могущественного дракона, ответ на которую знал правитель Хоросана Синан и мог знать, помимо него, только Бог. Он смог найти этот ответ с помощью столетнего мельника и говорящего двуглавого орла, который помог ему спастись и от смерти. Сказка имела счастливый

конец: герой остался жив, сохранил жену, обретенную в результате воинского подвига (зарубил малых драконов и единственный смог вытащить воткнутую ими в пол дворца шашку), вернул расколдованную из образа дракона возлюбленную жену царю Хоросана [3].

Еще одна аджарская сказка была опубликована Егоровым в газете «Батум» в июне 1918 г. По всей, вероятности, в указанное время Николай Михайлович продолжал проживать в этом городе. Исследователь указывал, что записал эту сказку со слов жителя аджарского сел. Кеды Абдул ага Микеладзе во время экскурсии 1909 г. с учащимися старших классов Батумской гимназии. Информатор называл ее арабской и указывал, что услышал от своего отца, бывавшего в Турции.

В сказке говорилось о султানে, который, проезжая по улицам своего города, встретил бывшего торговца, ослепшего от жадности к золоту; кузнеца, наказанного за то, что не дал кусочка еды своей кошке, муллу, который не смог жениться на возлюбленной красавице из-за нетерпения. Из данного опыта султан сделал вывод, что «...надо быть довольным тем, что имеешь, заботиться о своих ближних и быть терпеливым» [4].

Этнографическая проблематика интересовала исследователя не только в Закавказье, но и на пятигорском этапе его деятельности. Об этом, в частности, свидетельствует, уже неоднократно упоминаемый, его архив. В нем, помимо опубликованных работ, содержится большое количество выписок из работ различных авторов с пометками и некоторыми комментариями Н.М. Егорова, копии газетных публикаций и другое. Особенно много таких материалов содержится во второй тетради архива [5]. В ней, к примеру, содержатся конспекты работ первого ингушского просветителя Чаха Ахриева, краеведа и любителя древностей Н.Н. Семенова, служившего в Чечне и во Владикавказе, лингвиста и этнографа П.К. Услара о чеченском языке и другое.

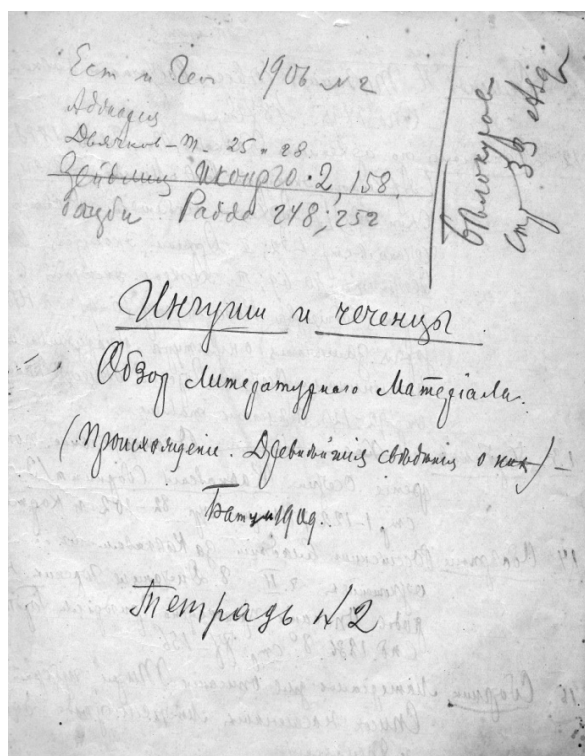

Рис.1. Лист из архивной тетради №2 Н.М. Егорова.
Научная библиотека ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей»

Все это свидетельствует о том, что в сфере интересов исследователя находились народы не только Западного и Центрального, но и Северо-Восточного Кавказа.

Есть основания для уверенности в том, что кавказская этнография оставалась в поле зрения Николая Михайловича и тогда, когда он проживал свои последние годы и месяцы в Баку с его дочерью Лидией Николаевной Егоровой.

Использованная литература и источники:

1. Егоров Н.М. Особые пироги и хлебы // СМОМПК. – Тифлис, 1909. Вып. 40. Отд. II. – С. 1-8.
2. Егоров Н.М. Восхождение на Кариу-Хох // Терские ведомости. 1910. 06.08. № 168.
3. Н.Е. (Егоров). Загадка. Аджарская сказка // Батумские вести. 1913. 02.07. № 1079.
4. Егоров Н. Три встречи (аджарская сказка) // Батум. 1918.12.06. №29.
5. Архив Н.М. Егорова. ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». Научная библиотека. Тетрадь № 2.

Савенко С.Н.
(г. Пятигорск)

Научные и личные контакты Н.М. Егорова и крупного кавказоведа Александра Александровича Иессена (1896–1964)

Среди ученых, с которыми Н.М. Егоров поддерживал тесные и продолжительные по времени взаимоотношения, выделяется личность А.А. Иессена. Крупный и авторитетный советский археолог Александр Александрович Иессен (11(23).07.1896, Петербург, – 31.03.1964, Ленинград), 120-летие со дня рождения которого мы отмечаем в 2016 г., являлся глубоким специалистом в области археологии и древней истории Кавказа бронзового и раннежелезного века и истории цветной металлургии на юге СССР. Занимался изучением межрегиональных этнокультурных связей, хода греческой колонизации Северного Причерноморья, древнего искусства и другими вопросами [1].

Рис. 1. А.А. Иессен. Фото 1950-х гг.

Он являлся способным полевиком с почти 40-летним стажем, изучавшим разновременные памятники, но еще более проявил свой научный талант в сфере хро-

нологической и историко-культурной классификации материалов из раскопок и музейных собраний [2].

Несмотря на все сказанное, до сих пор биография А.А. Иессена остается малоизвестной для широкой научной общественности. Долгое время наиболее развернутые данные содержались в некрологе, опубликованном Е.И. Крупновым и Б.Б. Пиотровским в начале 1965 г. в память об ученом [3]. И только во время чествования А.А. Иессена в связи с его 100-летием в 1996 г. был издан мемориальный сборник, в котором помещены две автобиографии археолога, дополненный список научных трудов, данные о фотодокументации ученого, хранящейся в научной библиотеке ИИМК РАН, статья одной из учениц и младших коллег Александра Александровича К.Х. Кушнаревой с биографическими данными и воспоминаниями и очерк Ю.Ю. Пиотровского «А.А. Иессен в Эрмитаже» [4]. Тогда стала более ясной непростая судьба человека дворянского происхождения, отец которого был репрессирован. Сам А.А. Иессен также опасался преследований, и только благодаря стечению обстоятельств ему удалось избежать трагических последствий борьбы с «классовыми врагами». Этим же, в основном, объяснялось отсутствие у А.А. Иессена высоких званий и наград, несмотря на значительные достижения во всех научных областях, с которыми была связана его творческая деятельность.

А.А. Иессена и Н.М. Егорова сближали многие обстоятельства. Оба происходили из дворянской среды и получили в связи с этим хорошее образование. После окончания ПИФИ Егоров с начала XX века до конца Гражданской войны жил и работал в городах Закавказья (Грузия, Аджария, Азербайджан). С Баку он был особенно тесно связан как в досоветский, так и в советский периоды. В этом городе в разное время проживали его дочери Лидия, Нателла и Надежда, из которых особенно прославилась как музыкант и педагог Азербайджана Лидия Николаевна Егорова (1902-1992 гг.). У этой дочери Н.М. Егоров провел последние годы и месяцы жизни в 1962-1965 гг. Жизнь Александра Александровича также в существенной мере была связана с Азербайджаном и его столицей Баку. Он бывал там неоднократно и много сделал для изучения археологических памятников, особенно с начала 1950-х гг., когда была организована совместная многолетняя экспедиция Института археологии АН СССР и Института истории Академии наук Азербайджана под руководством А.А. Иессена. [5].

В начале 1920-х гг. Егоров был секретарем Тергубоно, преподавал историю и географию в средних школах Пятигорска. В октябре 1924 г. возглавил Терский окружной (межрайонный) музей краеведения, став девятым его заведующим со времени основания в 1903 г. Находился на этой должности до апреля 1931 г. В 1930 г. музей приобрел статус краевого. Автор уже писал об этом периоде в жизни Николая Михайловича и истории краеведческого музея [6-7]. Есть все основания считать, что данный этап развития музея был одним из сложных, но одновременно - и одним из наиболее продуктивных. С этого времени Егоров основательно занялся учетом и изучением памятников археологии Кавминвод. Эта сфера стала основной в кругу его научных интересов.

Личное знакомство Н.М. Егорова с А.А. Иессеном состоялось не позднее 1929 г., когда Пятигорский отряд Северо-Кавказской экспедиции Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) А.А. Миллера под руководством Александра Александровича проводил фиксацию археологических объектов в районе г. Пятигорска на горах Бештау, Машуке, Юце, Развалке и других возвышенностях Кавминвод, а также в окрестностях Кисловодска – городище Рим-гора [8-9]. К этому времени Александр Александрович, окончивший с золотой медалью гимназию при немецкой Реформаторской школе, краткие офицерские курсы Михайловского артиллерийского училища в 1916 г., прослуживший в войсках и обучавшийся в Петроградском университете, а затем являвшийся одним из первых аспи-

рантов-археологов ГАИМК [10-13], уже несколько лет участвовал в полевых исследованиях на Северном Кавказе, в том числе в 1924 г. на близкой в географическом и историко-культурном отношении территории Кабардино-Балкарии [14]. Многие археологические объекты Кавминвод, обследуемые отрядом экспедиции во время работ 1929 г., были выявлены до этого Н.М. Егоровым и его местными коллегами – краеведами. Об этом свидетельствует, в частности, схематическая карта памятников данного района, зафиксированных экспедицией ГАИМК в 1929-1930 гг., опубликованная в статье А.А. Миллера [15]. А.А. Иессен в августе 1929 г. сдал отдельные находки, к примеру, фрагмент очень крупного пряслица из района хутора Горно-Джуцкого, в фонды Терского окружного музея краеведения в Пятигорске [16].

В декабре 1930 г. Н.М. Егоров получил письмо от гражданина Семена Афанасьевича Хозиева о том, что в новом железнодорожном Моздокском карьере разрушаются древние погребения. Уже 18-19 декабря исследователь выехал на место и стал собирать находки на участках карьера и у работников объекта. Серии предметов были получены лично у заведующего карьером Евмена Владимировича Запий-Свечка. Археологические находки поступали в музей в течение всего 1930 г., а отдельные предметы – и позже. В результате собралась представительная коллекция материалов скифо-сарматского времени, включающая десятки целых или частично фрагментированных керамических сосудов различных форм (Рис. 2), в том числе с орнаментом (ПКМ ОФ. 434 – кувшинчик грубой работы с орнаментом типа пиктограммы), фрагменты керамики, бронзовые украшения (кольца, пластинки, браслеты, наконечники стрел, железные кольца, оселки, бусы, человеческие черепа и их части и другое) [17].

Данная коллекция до настоящего времени не подвергалась обстоятельной научной обработке и не публиковалась, хотя сам Моздокский могильник исследовался экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Б.Б. Пиотровского в 1933 г. [18]. Сведения о нем были получены сотрудниками центрального музея от геолога из Моздока Гошева. Проживали участники экспедиции у того же Е.В. Запий-Свечки. К обработке полученных материалов Б.Б. Пиотровский привлек А.А. Иессена, вплотную занимавшегося тогда ранними скифами [19]. В результате была написана совместная книга о Моздокском могильнике с аналитической частью, выполненной Александром Александровичем [20]. Не исключено, что по поводу материалов из Моздокского карьера также имели место контакты между А.А. Иессеном и Н.М. Егоровым. В 1936 г. Б.Б. Пиотровский еще раз работал в районе станции Моздок, на этот раз в экспедиции ГАИМК, и раскапывал здесь позднекочевнические курганы XIII-XIV вв. н. э. [21].

В дальнейшем деловые и дружеские связи Егорова и Иессена продолжались до самой смерти Александра Александровича в 1964 г., хотя напряженность их менялась. Особенно малоблагоприятными для этого были 1930-е гг., а затем и время Великой Отечественной войны. Смещение Н.М. Егорова с должности заведующего музеем весной 1931 г. мы связываем с развернувшейся после 1929 г. кампанией борьбы со старым краеведением и специалистами дворянского происхождения [22]. В Ленинграде 1933-1934 гг. по так называемому делу «Российской национальной партии» («дело славистов») были арестованы и осуждены 37 человек, среди которых были археологи из Этнографического отдела Русского музея и сотрудники Эрмитажа. Одним из первых был арестован учитель А.А. Иессена А.А. Миллер, который был осужден и приговорен к 5 годам лагерей с заменой их ссылкой в Казахстан. Но попал он в Карлаг, где умер от паралича сердца 12.01.1935 г. В эти же годы родителей А.А. Иессена выслали из Ленинграда в Уфу, где они и окончили свою жизнь в 1937-1938 гг. Отец ученого был расстрелян 17.12.1937 г. и реабилитирован только через 20 лет [23].

Рис. 2. Подборка сосудов из коллекции ПКМ с территории Моздокского карьера.

Но даже в самые трудные 1930–1940-е гг. оба исследователя продолжали работать, особенно напряженно и продуктивно. А.А. Иессен за период с 1935 по 1950 гг. опубликовал более 30 научных статей и информационных, среди которых были обобщающие работы по изучению памятников Кабардино-Балкарии, о предпосылках и особенностях греческой колонизации в Северном Причерноморье, о Прикубанском очаге металлообработки и многие другие [24]. Для нас важно, что Александр Александрович демонстрировал в своих работах хорошее знание кавминводских археологических материалов, периодически публикуя их или привлекая в качестве аналогий [25-26 и др.].

Результаты научной деятельности Н.М. Егорова, конечно, намного скромнее, но он также издавал проблемные статьи о возрасте так называемого «Подкумского человека» и опубликовал обнаруженный в 1941 г. знаменитый Боргустанский клад позднебронзовых топоров, серпов и других орудий [27-28].

Новый этап оживленных контактов А.А. Иессена и Н.М. Егорова определился в начале 1950-х гг. и выразился в переписке и личных встречах, как в Пятигорске, так и в Ленинграде. В обобщающих концептуальных работах этого времени о хронологии Больших кубанских курганов [29], о Прикубанском очаге металлургии и металлообработки [30], о памятниках VIII-VII вв. до н.э. на Северном Кавказе и юге Европейской части СССР [31-32] А.А. Иессен не обходился без привлечения материалов Пятигорского музея, собранных и введенных в научный оборот Н.М. Егоровым.

В 1950-е – начале 1960-х гг. Николай Михайлович Егоров, человек уже преклонного возраста и слабого здоровья, оставался в составе общественных советов музеев Пятигорска. В 1952 г. стал одним из учредителей воссозданного тогда Пятигорского краеведческого общества, где некоторое время возглавлял археологическую секцию (группу). В этом качестве, не являясь сотрудником Пятигорского краеведческого музея, в марте 1955 г. был командирован на всесоюзную сессию Отделения исторических наук АН СССР и Пленума Института истории материальной культуры АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований 1954 г. Тогда он встречался с А.А. Иессеном. В августе 1955 г. Александр Александрович с женой и дочерью Еленой был в Пятигорске [33].

Важный материал по теме отложился в архиве Н.М. Егорова, хранящемся сейчас в научной библиотеке Пятигорского краеведческого музея. Это 8 полных и частично сохранившихся писем А.А. Иессена Егорову [34]. Данные эпистолярные источники насыщены самой разнообразной информацией.

Первое письмо написано в Ленинграде 4 апреля 1953 г. В нем Александр Александрович извиняется перед Егоровым за то, что он не компенсировал краеведу затраты на сделанные им рисунки археологических предметов, использованных в рукописи одной из статей. Через свою жену Ирину Федоровну он исправляет эту оплошность. Иессен указывает, что он недавно вернулся из Москвы с очередного Пленума ИИМК. В письме сообщается о том, что А.А. Иессен официально поставил вопрос об уходе из Эрмитажа и получил в этом поддержку в ИИМКе. Известно, что ученый однажды уже уходил из данного центрального музея в середине 1930-х гг. Детали второй попытки уточняются на основе известий в переписке.

В статье Ю.Ю. Пиотровского указано, что А.А. Иессен работал в должности заведомом Истории первобытной культуры Эрмитажа до 21.08.1955 г. С этого момента он оставался в отделе старшим научным сотрудником на правах внештатного консультанта, без получения зарплаты. С 1960 г., с момента издания постановления о запрещении совместительства, официально его работа в Эрмитаже прекратилась, хотя фактически он продолжал сотрудничать до самой смерти в 1964 г. [35].

Далее в письме Александр Александрович делится своими полевыми планами, указывая, что хотел бы работать в Кабарде, в Пятигорье или в более западных районах Закубанья, но Институт направляет его в Азербайджан. И хотя названные районы «представляются более близкими и интересными, чем Азербайджан...», экспедиция планируется на несколько лет «и добавить к ней что-нибудь второе будет возможно только после окончательного ухода из Эрмитажа». Как известно, работы А.А. Иессена в Азербайджане продолжались 10 лет. При этом он надеялся хотя бы в течение нескольких дней побывать в Пятигорске еще летом 1953 г.

Александр Александрович чутко следил за ситуацией в области археологических работ, проводимых на Кавминводах. Находясь на Сессии ИИМК, он нашел время познакомиться с отчетом 1951 года о раскопках кургана на Константиновском плато в Пятигорске, проведенных местным археологом, выпускником Пятигорского педагогического института И.С. Гумилевским. Гумилевский некоторое время работал в Пятигорском музее. Участник Великой Отечественной войны, он имел слабое здоровье [36], но полевые работы проводил на достаточно высоком уровне и ника-

ких замечаний от ученого не получил. А.А. Иессен только поинтересовался его работами 1952 г., по которым отчет еще не был готов.

Совсем по-иному, принципиально и резко, Иессен обсуждает проблемы раскопок без Открытого листа, в которых тогда (в 1952 г.) были замечены младший товарищ Н.М. Егорова краевед А.П. Рунич (доследование кургана у города Минеральные Воды) и зоолог Н.К. Верещагин (раскопки грота под горой Развалка). Александр Александрович убедительно просил Егорова строго предупредить Рунича о возможных серьезных последствиях его незаконных действий, указав, что в Полевом комитете ИИМКа стал обсуждаться вопрос о привлечении краеведа к уголовной ответственности. После того как Иессен переговорил по этому вопросу с Е.И. Крупновым, вопрос отложили, но с условием не допускать подобных действий в дальнейшем. А.А. Иессен советовал предложить Руничу подготовить отчет о проведенных работах и объединиться с И.С. Гумилевским. В последующие годы А.П. Рунич стал получать Открытые листы и проводить раскопки на их основании, предоставляя отчеты. С 1957 по 1975 гг. А.П. Рунич, продолжая сотрудничество и с Н.М. Егоровым, и с другими археологами-любителями, доследовал десятки разрушающихся древних и средневековых погребений, участков культурных слоев бытовых и культовых объектов на Кавминводах и в некоторых других районах Северного Кавказа, спас их для науки и сделал общим достоянием, опубликовав более 50 востребованных научных статей [37]. Мы можем считать, что на эту ситуацию позитивно повлияла позиция А.А. Иессена.

В конце письма, сделав предварительное определение керамики из раскопа Н.К. Верещагина, А.А. Иессен проявил интерес к молодому студенту Кузнецову, с которым готов был познакомиться в Пятигорске. Это тот самый д.и.н. В.А. Кузнецов, автор около 30 монографий и 150 статей, которому идет сейчас уже 90-й год. Передав привет супруге Егорова Александре Константиновне, завершил письмо дружеской подписью «Ваш А. Иессен».

Второе письмо, написанное накануне нового 1958 г. в Москве (27.12.1957), было отправлено из Ленинграда. Из текста понятно, что это послание являлось ответом на письмо Егорова, полученное неделей раньше. А.А. Иессен был вызван в Москву на заседание Ученого совета Института для ознакомления с докладом Е.И. Крупнова о ноябрьской двухнедельной командировке в Ливан с заездом в Сирию. Сразу после доклада занимался «беготней» в связи с изданием «Трудов» Азербайджанской экспедиции, рукопись которых пролежала в Издательстве с августа 1956 г.

Затем в письме шли теплые новогодние поздравления и пожелания здоровья, «сохранения той душевной бодрости и «археологической» активности, которой дышит Ваше письмо». Александр Александрович кратко сообщал о дочери «Леле» (Елене), которая проработала несколько лет учителем в Мурманске, вернулась при поддержке отца в Ленинград и стала преподавать в вечерней школе. Это оказалось для нее трудным делом в связи с тем, что «половина великовозрастных учеников не очень рвется к знаниям», а она классный руководитель и отвечает за них. Поэтому дочь стремилась перейти в детскую школу. Говорил Иессен и о своих проблемах со здоровьем в связи с тем, что он в экспедиции сам двигал тяжелые ящики и надорвал сердце. Отдых в Прибалтике с семьей помог поправиться. Остались только небольшие ревматические боли.

В Азербайджане в уходящем году А.А. Иессен начал раскопки большого кургана высотой 13 м и снял с него верхнюю часть до глубины 6 м. Пока встретились только средневековые мусульманские захоронения. Исследования также проводились на ряде поселений в районе Нахичевани и Баку. В связи с напряженным полем графиком не удавалось писать труды так быстро, как хотелось бы. В связи с этим указывалась еще одна принципиальная позиция ученого: «Но должен сказать,

что я с другой стороны не поклонник методов работы некоторых борзописцев, относительно многих работ, в которых приходится задавать себе вопрос – для чего они собственно написаны. Писать ради увеличения списка трудов не стоит, но и писать так мало, как я – также плохо».

Возвращаясь к теме работы в Эрмитаже, ученый говорит, что он в нем уже не работает больше года, но приходит периодически, чтобы «ликвидировать там великие хвосты». Музейной работой не занимается, но остается членом Ученого Совета. Свое отношение к Эрмитажу он выражает так: «это во многих отношениях прекрасное учреждение, все же за 27 лет работы там меня сильно придушило».

В январе 1958 г. Иессен собирался поехать по делам экспедиции в Баку и «заскочить» по пути в Тбилиси, где поработать над книгой, для которой «...лежат горы материалов», и закончить ее вчерне к весне. В Азербайджане планировал работать только осенью, а летом – проехать по кавказским музеям. Завершалось письмо также дружескими пожеланиями и признательностью.

Третье письмо было отправлено вслед за вторым через 10 дней 07.01.1958 г. В нем представлен важный ракурс контактов исследователей. Егоров задавал Иессену много вопросов частного и общего научного характера, а Александр Александрович обстоятельно на них отвечал. Так и в этот раз: А.А. Иессен, пересмотрев письмо Егорова, заметил те вопросы, на которые пока не дал ответов. Они касались, в частности, уникальной находки каменного топорика из района р. Бугунты с поперечно поставленным лезвием, о котором Николай Михайлович сообщил устно. Александр Александрович рассуждает о том, что подобные образцы ему не известны, но вспоминает о комбинированных медных орудиях из Майкопского кургана (топор и тесло). Для более полного представления о предмете ученый хотел бы увидеть его рисунок.

На второй вопрос А.А. Иессен сообщает, что в майкопском кургане вся медная посуда ковкая, ведерко имеет приклепанную ручку, а на одном из серебряных сосудов приклепано ушко.

Третий вопрос Иессен задает сам. Он связан с необычной ситуацией, возникшей в связи со скоропостижной смертью И.С. Гумилевского. По всей вероятности, родственники последнего пытались предъявить права на находки, сделанные им в кургане № 2 на Константиновском плато в 1952 г. Александр Александрович однозначно указывает, что права на археологические предметы принадлежат не наследникам, а государственному учреждению, поручившему И.С. Гумилевскому проведение раскопок. В связи с тем, что по результатам раскопок в ИИМК был предоставлен отчет, материал доступен для публикации любым научным сотрудникам, поскольку сам Гумилевский опубликовать его не успел.

На этой фразе письмо обрывается и его окончание пока не выявлено.

Следующее относительно короткое **четвертое письмо** от 17.03.1959 г. пришло из Ленинграда. В нем шла речь о полученных А.А. Иессеном «не блестящих» фотографий вещей из Хасаута (поясной набор), Нижнего Чегема, Хабаза, Каменномостского (отдельные мелкие предметы). Затем большой сюжет был связан с просьбой Егорова провести анализ возраста органического образца из Эшкакона (окрестности г. Кисловодска) по С-14. Александр Александрович рассказывает о лаборатории, организованной при Ленинградском отделении ИИМК, куда, вероятно, был передан указанный образец. Тогда лаборатория еще не вышла из стадии экспериментирования и не давала определений даже институтским специалистам. Обещали давать определения с апреля 1958 г., но набрали большое количество образцов даже из Китая, США, Чехословакии. Лаборатория должна была сначала наладить работу с деревом и древесным углем, а только затем – с костью и другими органическими материалами. Как знающий специалист, А.А. Иессен указывал,

что данные определения будут более информативными и ценными для материалов II–IV, а не I тысячелетий до н.э.

Далее в очередной раз сообщалось о работе с корректурой первого тома «Трудов» Азербайджанской экспедиции и полевых планах.

Особенный интерес представляют предварительные рассуждения о вновь обнаруженном могильнике из каменных ящиков предскифского времени на территории строящейся мебельной фабрики в г. Кисловодске. А.А. Иессен говорит о его датировке не позднее VIII и, возможно, даже IX вв. до н.э., подыскивает некоторые аналогии в Каменномоетском могильнике в Кабардино-Балкарии, указывает на уникальность двух мечей из могильника и необходимость обработки керамики. А.П. Руничу, который уже работал по Открытым листам, советует опубликовать информацию о могильнике.

Текст письма завершается традиционно дружеской подписью А. Иессена.

Пятое короткое письмо отправлено из г. Ленинграда 3 апреля 1961 г. авиапочтой и было получено Н.М. Егоровым 6 апреля. А.А. Иессен благодарит Егорова за письмо и присланные книги. Он, в свою очередь, собирался послать Николаю Михайловичу полный, хотя и распавшийся на части, комплект очень ценного дореволюционного издания по кавказской археологии 1900 г. МАК VIII. Отсылка была задержана на несколько дней в связи с тем, что Иессен выезжал в Москву на очередной пленум Института археологии и для работы в ГИМе.

Далее сообщались уточненные данные о коллекциях В.Р. Апухтина, представленных им в 1902 г. на XII Археологический съезд в г. Харькове, с указанием, что часть коллекций Всеволода Ростиславовича как будто обнаружена или опознана в Ставропольском музее. Для проверки этих сведений предлагалось обратиться к Т.М. Минаевой.

Из других научных сведений в письме содержатся подробные выписки из «Указателя памятников» Императорского Российского Исторического музея. Изд. 2-е, 1893 г. о находках 1888 г. Д.А. Постникова в курганах в окрестностях Кисловодска и его сборах (в частности, вещи из могилы на даче Кривошеина близ Кисловодска) с указанием отсутствия данных о работах этого любителя древностей на Рим-горе.

А.А. Иессен сообщал Егорову об остановке проездом и ночевке в Пятигорске с 14 на 15 марта. Он не мог найти места для ночевки и вынужден был воспользоваться любезностью гардеробщицы турбазы, которая устроила его к ее двум знакомым женщинам. Одна из женщин, Рая работала экскурсоводом и знала Н.М. Егорова. Но, в связи со спешкой, из-за которой А.А. Иессен должен был рано утром ехать в Минеральные Воды на Бакинский поезд, личная встреча Александра Александровича и Николая Михайловича тогда не состоялась. Последняя страница заканчивается добрыми пожеланиями в адрес Егорова и его жены Александры Константиновны от членов семьи Иессена.

Шестое письмо также на двух страницах было написано 28 апреля 1962 г. в Ленинграде. Оно направлено в Баку, куда тогда переехал 86-летний, почти полностью ослепший Егоров. При этом он по-прежнему живо интересовался новостями и проблемами археологического кавказоведения.

Александр Александрович писал о неудачной попытке побывать в апреле–мае в Баку и встретиться с Егоровым. Этого не получилось потому, что Иессен продвигал в печать в Ленинграде второй том «Трудов» Азербайджанской экспедиции. В экспедицию он в том году также не собирался в связи с болезнью спинного мозга.

В марте на очередном Пленуме ИИМК А.А. Иессен делал доклад о датировке майкопской культуры и видел В.А. Кузнецова. Он высоко оценивал научный рост кавказоведа-медиевиста и отмечал, что «Кажется, что из всех выучеников Е.И. Крупнова он самый «обещающий». Другие приняли у учителя характерную его

В окончании письма явно просматривается, что Александр Александрович был уже серьезно болен, когда его писал. Он в очередной раз сокрушается по поводу того, что не удалось побывать в Баку в конце зимы или весной, что вновь приходится отказаться от полевых планов. Завершается письмо следующей фразой: «Чем и где я повредил свое здоровье, остается неясным, но несомненно это произошло в годы моей работы в Азербайджане. Удастся ли еще настолько починиться, чтобы можно было работать в поле, не знаю. А вообще-то обидно слишком рано сдавать позиции». После этого шли обычные пожелания добра.

На этом письме имеется приписка Н.М. Егорова от 3.V.1964 г.: «Это его последнее письмо ко мне. Больше он не отвечал. Не ответила и Ирина Федоровна. Вчера от Е.А. Пахомова я узнал, что после тяжелой болезни скончался 1 апреля 64 г.».

Все вышесказанное позволяет считать, что рассмотренные нами источники заслуживают внимания биографов, ученых и специалистов по истории отечественной археологии, содержат дополнительную оригинальную информацию. В ходе подготовки доклада стало известно, что и в Архиве А.А. Иессена, хранящемся в ИИМКе, также имеются письма Н.М. Егорова Александру Александровичу (информация ученого секретаря ИИМКа, кандидата исторических наук Н.Ю. Смирнова).. А значит, нас ждут еще новые сведения и открытия о страницах судьбы и деятельности кавказоведов. Следует также заметить, что Н.М. Егоров был не единственным знакомым и корреспондентом А.А. Иессена из археологов Кавминвод. Приведем только один пример. В библиотеке Пятигорского музея находится первая статья Иессена о Прикубанском очаге металлообработки, подписанная «Глубокоуважаемому Панайту Георгиевичу Акритасу от автора. 25 мая 1948 г.). П.Г. Акритас (1880-1976), еще один местный археолог и этнограф, работавший на Кавминводах в Кабарде с 1941 г., кандидат исторических наук, в начале 1950-х гг. – один из первых председателей Ученого совета Пятигорского музея [39]. Желание больше знать обо всех таких людях и их реальном вкладе в науку является оправданным и обоснованным.

Использованная литература и источники:

1. Иессен Александр Александрович // БСЭ. 3-е издание. Т.10. – М.: Изд-во Большая Советская энциклопедия, 1972. – С.48.
2. Александр Александрович Иессен // Коротко об авторах. Антология Советской археологии. Т. II. 1930-е годы /под ред. В.И. Гуляева, Н.Я. Мерперта, А.А. Фомозова, А.И. Шкурко. – М.: ИА РАН, 2005. – С.228-229.
3. Крупнов Е.И., Пиотровский Б.Б., Памяти Александра Александровича Иессена // Советская археология// 1965. № 1. – С.130-134.
4. Между Европой и Азией. Кавказ в IV–I тысячелетиях до н.э. Материалы конференции, посвященной 100-летию Александра Александровича Иессена. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 1996.
5. Мунчаев Р.М., Мусебли Н. К 120-летию Александра Александровича Иессена // РА. 2017. №3. – С.156-158.
6. Савенко С.Н. Вопросы ранней истории Пятигорского краеведческого музея (к 110-летию со времени открытия) // Ставропольский хронограф на 2013 год: краеведческий сборник / СГКУНБ им. М. Ю. Лермонтова. – Ставрополь, 2013. - С. 136.
7. Савенко С.Н. Николай Михайлович Егоров в истории Пятигорского краеведческого музея и археологического изучения Кавминвод // Второй Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов: сборник материалов / под редакцией кандидата исторических наук С.Н. Савенко. – Ставрополь: ПКМ, Печатный двор, 2015. – С. 12-22.
8. Миллер А.А. Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК в 1929 г. // Сообщения ГАИМК. 1931. № 3. – С..23-30.

9. Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института Археологии АН СССР 1919-1956 гг. Указатель. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С.22.
10. Автобиографии Александра Александровича Иессена // Между Европой и Азией. Кавказ в IV–I тысячелетиях до н.э. Материалы конференции, посвященной 100-летию Александра Александровича Иессена. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 1996. – С. 5-10.
11. Кропоткин В.В. Подготовка научных кадров в Институте археологии АН СССР (1919-1978 гг.) // КСИА. № 163. Институту археологии – 60 лет. – М.: Наука, 1980. – С. 42-43.
12. Пряхин А.Д. История советской археологии. – Воронеж; Изд-во Воронежского университета, 1986. - С. 76.
13. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. – М.: Знак, 2006. – С. 37.
14. Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии /// Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 3. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 13.
15. Миллер А.А. Десять лет работы ГАИМК в Северо-Кавказском крае // Сообщения ГАИМК. № 9–10. 1932. – С. 63-67.
16. Книга поступлений 1924–1931 гг. / Архив Н.М. Егорова. ПКМ ОФ 34563. Запись №5316.
17. Книга поступлений 1924-1931 гг. / Архив Н.М. Егорова. ПКМ ОФ 34563. Записи №№ 5649-5672, 5918, 6329, 6335, 6357-6358; Книга поступлений 1931-1942 гг. / Архив Н.М. Егорова. ПКМ ОФ 34562. Записи №№ 7089, 7231; ПКМ, Книга поступлений Основного фонда № 1 (1953-1956 гг. – значительная часть экспонатов довоенного времени записывалась вторично без учета книг до 1942 г.), №№ 417, 419-500, 527, 581, 585-623, 797 (сосуды керамические и их фрагменты), 738/1-51 (бронзовые предметы), 798/1-19 (бусы), 1174-1175, 1181, 1190 (черепка и их фрагменты).
18. Пиотровский Б.Б. Отчет о раскопках Государственного Эрмитажа в Моздоке в 1933 г. // Иессен А.А., Пиотровский Б.Б. Моздокский могильник. Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып.1. – Л., 1940. - С. 3-21.
19. Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. – СПб.: Наука, 1995. – С. 108-109.
20. Иессен А.А. Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа // А.А. Иессен, Б.Б. Пиотровский. Моздокский могильник. Археологические экспедиции Гос. Эрмитажа. Вып. 1. - Л., 1940 - С. 22-53.
21. Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С.242-248.
22. Савенко С.Н., Краснокутская Л.И. Материалы о В.Ф.Смолине в Пятигорском краеведческом музее и вопросы крымско-северокавказского периода жизнедеятельности ученого // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. – Чебоксары, 2003.- С. 49.
23. Пиотровский Ю.Ю. А.А. Иессен в Эрмитаже // Между Европой и Азией. Кавказ в IV-I тысячелетиях до н.э. Материалы конференции, посвященной 100-летию Александра Александровича Иессена. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 1996. – С. 159-160.
24. См. библиографию работ: Крупнов Е.И., Пиотровский Б.Б., Памяти Александра Александровича Иессена // СА. 1965. № 1. – С. 133-134.
25. Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии... - С. 20, 24, 26, 27, 33, 44.
26. Иессен А.А. Прикубанский очаг металлообработки во второй половине II – в начале I тыс. до нашей эры // КСИИМК. Вып.18. 1947. – С. 18-21.
27. Егоров Н.М. К вопросу о древности так называемого Подкумского человека... - С. 223-225.
28. Егоров Н.М. Боргустанский клад 1941 г...- С. 292-295.
29. Иессен А.А. К хронологии Больших кубанских курганов // СА. 1950. XII. – С. 163 (комплекс майкопского времени из кургана в ст. Горячеводской).
30. Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии СССР. № 23. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 75-124 (материалы Бекешевского и Боргустанского кла-

- дов, находки у Пятигорска, Кисловодска, г. Бык, Терезе, Долины Нарзанов и др.; многие из фондов Пятигорского музея).
31. Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР // СА. 1953. XVIII. – С.60-61. Рис.6 (скифские материалы из кургана в окрестностях Ессентуков).
 32. Иессен А.А. Некоторые памятники VIII-VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 121 (скифские материалы из кургана в окрестностях Ессентуков).
 33. Между Европой и Азией. Кавказ в IV-I тысячелетиях до н.э. Материалы конференции, посвященной 100-летию Александра Александровича Иессена. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 1996. Иллюстрации.
 34. Архив Н.М. Егорова. Научная библиотека ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». П. 16. – Лл. 1-15.
 35. Пиотровский Ю.Ю. А.А. Иессен в Эрмитаже ... – С. 163.
 36. Семендяев М.В. Раскопки И.С. Гумилевским кургана № 1 на Константиновском плато в районе города Пятигорска в 1951 году // Первый Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов: сборник материалов / под редакцией кандидата исторических наук С.Н. Савенко. – Ставрополь: ПКМ, Ставролит, 2015. – С. 101-110.
 37. Савенко С.Н. Новые данные и неизвестное о биографии и деятельности Андрея Петровича Рунича //Археология и краеведение Кавминвод в контексте межрегиональных связей и контактов. Материалы межрегиональной научной конференции 17-18 ноября 2011 г. / Под редакцией кандидата исторических наук С.Н. Савенко. – Пятигорск: «Вестник Кавказа», 2011. - С. 95-115.
 38. Савенко С.Н. Воссоздание музея древностей под открытым небом в Пятигорске: научно-методические материалы к проекту. – Ставрополь: Ставрополит, 2013.
 39. Фоменко В.А. Кавказовед Панаит Георгиевич Акритас // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Вып.2(26). – Нальчик, 2016. – С. 7-12.

Раздел: Вопросы науки, краеведения и музейного дела

АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В НАУКЕ, МУЗЕЙНОМ ДЕЛЕ И КРАЕВЕДЕНИИ

Могаричев Ю.М.

(г.Симферополь, Республика Крым)

«Пещерные города» Крыма в описании А.С. Уварова

В 1848 г. на Юг России по заданию Комиссии Петербургского археолого-нумизматического общества в научную археологическую поездку отправился тогда еще молодой ученый А.С. Уваров. Это путешествие осуществлялось в рамках масштабного проекта «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря». Впоследствии, по результатам экспедиции было опубликовано два выпуска трудов: Т. I. СПб., 1851; Т. II. СПб., 1856. Так же был издан том «Собрание карт и рисунков к исследованиям древностей Южной России и берегов Черного моря. СПб., 1853 [1]. В основном, в указанных публикациях А.С. Уваров представил обзор античных приморских памятников. Им планировался и научный очерк об археологических памятниках Горного Крыма, который должен было войти в третий выпуск (Гл. 4–7), и статья частью четвертой главы «От Днепра до Таврических гор» [2]. Однако данный труд остался незавершенным и, соответственно, не был опубликован. Рукопись ныне хранится в Отделе письменных источников ГИМа (Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 196). Раздел «Жители Таврических гор», составной частью которого является описание «пещерных городов», помещен на л. 18об–84. Описание выполнено на листах формата А3 черными чернилами и содержит многочисленные авторские правки, зачеркивания в тексте, пропуски. Таким образом, перед нами рабочий вариант рукописи. В рукописи имеется много ремарок, написанных красными чернилами, предполагавшими, в дальнейшем, вставку текста. В основном это касается описания отдельных объектов на «пещерных городах».

Отметим, в рукописи содержится один завершённый, чистовой раздел, который посвящен проблеме происхождения крымских пещерных сооружений (л. 18 об - 26 об). Эта часть переписана набело и, вероятно, судя по почерку, не самим А.С. Уваровым. При этом, сохранился и черновой, авторский текст (л. 27 - 34 об).

Внимание А.С. Уварова привлекли следующие памятники: Бакла (л. 43 – 45 об); Успенский монастырь (л. 47об – 48 об); Чуфут-кале (л. 48 об – 60 об); Тепе-кермен (л. 61 – 62); Качи-кальон (л. 62 - 62 об); Сюреньская крепость и монастырь Чилтер-коба (л. 63 – 64); Мангуп (л. 64 – 80 об); Эски-кермен (л. 80 об – 83); Инкерман (л. 83 – 84 об).

Кроме «традиционных» «пещерных городов» в обзор попали Неаполь Скифский (Керменчик), на некрополе которого в середине XIX были известны скальные склепы, в том числе и с сохранившейся росписью [3] (л. 41), Бахчисарай (л. 46 об) и объекты Салачика (л. 47 – 47 об).

В рукописи так же, в качестве «Прибавления к IV Главе», содержится переписанное автором так называемое «Сказание священника Иакова» [4]. Этот священник прибыл в Крым в 1634 г. в составе посольства царя Михаила Федоровича к крымскому хану. В числе прочего он упомянул, вероятнее всего, базилику Георгия (Климента) в Инкермане, где находились мощи неизвестного святого: «в гробнице лежат мощи нагие нетленные. Подле тех мощей, другие мощи, одни кости». Иаков и его спутники остановились здесь на ночь, решив на следующее утро забрать мощи,

так как те часто тревожили местные татары. Однако неизвестный святой, явившись во сне одному из спутников Иакова, якобы изрек: «мните мя, о друзи, взяти мощи моя на Русь, а аз убо хощу по-прежнему зде учинити Русь». Вероятно, это можно считать древнейшим прямым свидетельством желания видеть Крым частью России.

Интерес А.С. Уварова к «пещерным городам» не случаен. Алексей Сергеевич был первопроходцем их археологического изучения. В сентябре 1853 г. графом были проведены небольшие раскопки на Мангупе [5].

Известно, что по поручению А.С. Уварова, сопровождавшим его художником М. Вебелем, был сделан ряд рисунков памятников, составивших так называемый «Неизданный альбом А.С. Уварова». На их основе И. Медведев впоследствии изготовил гравюры [6].

Касательно уваровской гипотезы о происхождении скальной архитектуры Горного Юго-Западного Крыма, то, несомненно, исследователь, в значительной степени, ориентировался на труд Ф. Дюбуа де Монпере [7]. Граф внимательно штудировал и «Крымский сборник» П.И. Кеппена [8]. Большинство приводимых им сведений, скорее всего, подчеркнуты непосредственно именно из данных произведений. Однако, при составлении своей работы, А.С. Уваров, все же лично ознакомился с произведениями упоминаемых им древних и современных ему авторов. Например, его цитаты из пророков Иеремии и Авдия (л. 18 об - 19) более полны, нежели имеющиеся в труде Ф. Дюбуа де Монпере [9]. Это же можно сказать и при анализе информации, первоисточником которой выступает Страбон (л. 21 – 22 об).

Рассуждая о генезисе скальной архитектуры Крыма, исследователь в целом следует в русле гипотезы Ф. Дюбуа де Монпере. Он приписывает таврические пещеры народам «которые, по словам древних писателей, населяли гористую часть Тавриды и по преимуществу самые вершины гор. А эти народы были Тавроскифы» (л. 20). Однако на лицо и различия. У Дюбуа версия более логичная и исторически достоверная. Создатели крымских пещер – тавры. Теснимые сарматами скифы, около 380 г. до н.э., продвинулись в горы и заняли укрепления тавров. В результате оба народа смешались, соответственно, соединились и их названия. Появились тавроскифы [10]. Как нам представляется, а это следует из текста рукописи, у А.С. Уварова в отношении тавров и тавроскифов присутствует определенная путаница. По крайней мере, он эти названия считает идентичными. Интересно, что, по мнению А.С. Уварова, тавроскифский период предшествовал скифскому (л. 21). Возможно, это объясняется тем, что, как пишет сам граф, он сознательно ушел от анализа сведений античных авторов о таврах и тавроскифах.

Ряд наблюдений А.С. Уварова, сделанных им при описании отдельных «пещерных городов», представляют несомненный научный интерес. Так, например, ему принадлежит первое в историографии описание пещерного храма Южного монастыря Мангупа (очевидно, монастырь следует датировать первой половиной XV в., возможно, он являлся семейной усыпальницей княжеской династии Феодоро [11]) и его фресковых росписей (л.88 об – 69 об). Граф видел изображения в гораздо лучшем состоянии, чем последующие исследователи. Соответственно, его впечатления о них, а то что А.С. Уваров был сведущ в христианской живописи сомнений не вызывает, фактически являются первоисточником и позволяют подтвердить или скорректировать современные представления о характере фресок храма Южного монастыря. В частности, исследователь видел среди образов изображения свв. Константина и Елены (л. 69). Это может быть серьезным аргументом в пользу версии исследователей средневековых памятников Трапезунд [12], поддержанной автором настоящей работы и рядом других исследователей [13], что среди фресковых росписей церкви Южного монастыря имеются изображения указанного византийского императора и его матери.

Отметим, гипотеза А.С. Уварова о возведении первоначальных фортификационных сооружений Мангупа в эпоху Юстиниана I (л. 71об) соответствует современным научным представлениям [14].

А.С. Уваров к рукописи прилагает копию плана Мангупа из работы Ф. Дюбуа де Монпере, на котором он и основывается. Отметим, план Дюбуа не совсем точный и поэтому менее соответствует реалиям, чем более ранний план городища, опубликованный П.И. Кеппеном. Так, швейцарский путешественник полагал, что балка Гамам-дере – это не отдельный овраг, а небольшое ответвление от Табана-дере [15]. Соответственно, Чуфут-чарган-бурун представлялся ему гораздо меньшим, чем остальные мысы.

Эски-керменский сюжет фактически состоит из двух частей: краткого очерка истории городища (л. 80 об) и подробного обзора так называемого храма «Трех всадников» (л. 80 об – 83). А.С. Уваров подчеркивал природную защищенность Эски-кермена и относил возведение оборонительных стен там к одному периоду с мангупскими: крепость была возведена мангупскими князьями, при этом жили там синды. Отметим, что в данном случае, автор имел в виду не правителей Феодоро (XIV – XV вв.), которых в историографии, в том числе и современной, традиционно именуют мангупскими князьями, а владельцев Мангупа эпохи раннего средневековья. Таким образом, точка зрения А.С. Уварова о времени возведения крепости на Эски-керменском плато, достаточно близка к представлениям современных исследователей о начальной хронологии фортификационной системы этого городища [16].

Развернутое описание фрески церкви «Трех всадников», составленное А.С. Уваровым, можно считать первым в историографии. Поэтому оно и авторская интерпретация сюжетной композиции представляют несомненный не только историографический, но и практический интерес. Ведь, кроме того, что А.С. Уваров, подробно охарактеризовал фреску, сопровождавшие его художники ее зафиксировали. Естественно, что тогда еще были видны некоторые детали, которые были уже утрачены к началу XX в. Следовательно, рассматриваемую нами работу, несомненно, можно считать первоисточником для изучения композиции фресковых росписей церкви «Трех всадников». В связи с этим обратим внимание, что уваровская интерпретация изображенных на фреске святых: Дмитрий Солунский, Георгий Победоносец, Феодор Стратилат (как вариант св. Прокопий или Меркурий), практически совпадает с нашей гипотезой по данной проблеме [17], и может считаться серьезным аргументом в пользу именно такой трактовки фресковой композиции.

В тепе-керменском очерке А.С. Уваров упоминает о фортификационных сооружениях этого городища (л. 61). В данном случае, мы имеем дело с историографическим казусом. Исследователь ссылается на П.И. Кеппена. Однако тот заимствовал эти сведения у М. Тунманна [18]. Сам П.И. Кеппен подчеркивал, что явных следов укрепления он не видел, а наблюдал лишь следы построек на плато, и в одном месте сложенные четырехугольником «как бы для стен» большие камни [19]. Что касается Тунманна, то он писал только, что на тепе-керменской вершине есть следы «замка или крепости», но конкретно руины фортификационных сооружений не упоминал.

Особое внимание, впрочем, как и иные авторы, А.С. Уваров обратил на главную достопримечательность городища – его пещерные сооружения, число которых, он, вслед за П.И. Сумароковым, называет 150 (л. 61). В 1912 г. члены Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы провели ревизию внутри-скальных помещений Тепе-кермена и установили, что их на городище порядка 250 [20].

Естественно, не обошел вниманием исследователь и культовые пещерные сооружения. Одна церковь, упоминаемая А.С. Уваровым второй (л. 62), к середине

XIX в. была известна и попала в различные обзоры. Это так называемая «Церковь с баптистерием» [21]. Сведения о первой церкви, ошибочно датированной графом периодом христианских гонений (л. 61об – 62), позволяет сделать вывод, что именно данному исследователю принадлежит честь ее открытия. Собственно, он это и подчеркивал, называя данную церковь «моею». В настоящее время это культовое сооружение известно, как «Церковь с ризницей» [22].

Использованная литература и источники:

1. Тункина И.В. А.С. Уваров и древности Южной России (конец 1840–х – начало 1850-х гг.) // Погибшие святые. Охраняется государством. Четвертая Российская научно-практическая конференция. - СПб., 1996.
2. Там же. – С. 185 – 166.
3. Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. - Киев: Наукова думка, 1979. - С. 183.
4. Оболенский М. Сказание священника Иакова // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1850. – Т. 2. – Отд. II-III.
5. Герцен А.Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI–начала XX в.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. -Симферополь: Антиква, 2008. - Вып. 3. - С. 228.
6. Тункина И.В. А.С. Уваров и древности Южной России (конец 1840–х – начало 1850-х гг.). – С. 167.
7. Дюбуа де Монпере Фредерик Путешествие в Крым. / Пер. Т.М. Фадеевой. - Симферополь: Бизнес-Информ, 2009.
8. Кеппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Крымский сборник. - СПб.: Тип. АН, 1837.
9. Дюбуа де Монпере Фредерик Путешествие в Крым. – С. 270.
10. Дюбуа де Монпере Фредерик Путешествие в Крым. – С.233.
11. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. - Симферополь: Таврия, 1997. - С. 64 – 66, 71 – 73.
12. Bryer A., Winfield D. The byzantine monuments and topography of the Pontos. - Washington: Dumbarton Oaks, 1985. - V. 1. P. 277.
13. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. - С. 65 – 66.
14. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Таврия, 1990. - Вып. I. - С. 103–138.
15. Дюбуа де Монпере Фредерик Путешествие в Крым. – С. 253. Прим. 48.
16. Айбабин А.И. Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-кермен // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2007. – Вып. XIII. – С. 100–106.
17. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. - С. 49–51.
18. Тунманн. Крымское ханство. Пер. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. -Симферополь: Таврия, 1991. - С. 33.
19. Кеппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. - С. 305.
20. Боровко Н.А. Тепе-Кермен // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. - Симферополь: Тип. Таврич. Губернского земства, 1913. - Т.3. - С. 10.
21. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. – С. 84 – 86.
22. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. – С. 86 – 87.

**Уточнение хронологии и функциональных особенностей
Грушевского городища VIII–III вв. до н.э. (юго-западные окрестности
г. Ставрополя) по результатам раскопок А.В. Гадло и А.В. Найденко
и находок последних лет**

Грушевское городище, расположенное на юго-западной окраине г. Ставрополя, было открыто в 1939 г. географом В.Г. Гниловским. В 1945 г. оно было обследовано известным археологом Т.М. Минаевой, которая сделала его первое археологическое описание. В 1949 г. Т.М. Минаева опубликовала свои материалы по Грушевскому городищу, включив его в число памятников эпохи раннего средневековья, датировав памятник V – VIII вв. н.э. [1]. В 1955 г. исследователь провела археологические раскопки в юго-западной части городища. Однако эти раскопки не нашли отражения в публикациях и отчетах Т.М. Минаевой.

Новый этап изучения Грушевского городища связан с исследованиями совместной экспедиции Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова и Ставропольского государственного педагогического института под руководством А.В. Гадло и А.В. Найденко. В результате раскопок в 1973–1974 и 1978–1981 гг. было исследовано почти 2 тыс. кв. м памятника (раскопана значительная часть цитадели, прослежены валы и площадь поселения) [2]. В непосредственной близости от поселения (менее чем в 500 м) был изучен могильник кобанской культуры.

Итогами исследований стало аргументированное обоснование хронологических рамок существования городища – VIII–III вв. до н.э.

Действительно ряд предметов, обнаруженных в раннем слое памятника, явно свидетельствует о правоте А.В. Гадло и А.В. Найденко. В 1995 г. автором настоящей статьи в совместной с А.В. Найденко публикации, посвященной материалам из культурных слоев Грушевского городища, в стратиграфической таблице были отмечены предметы, характеризующие I – ранний период существования памятника (VIII–VII вв. до н.э.): бронзовая булава с витым в верхней части стержнем и уникальный костяной черешковый наконечник стрелы с шипом [3].

Булава с навершием в виде уплощенной пластинки, завернутой в трубочку, с витым стержнем квадратного сечения в верхней половине или двух третях и с гладким сечением в нижней части, относится к VI типу, 2 варианту булавок кобанской культуры западного варианта (по классификации Е.И. Козенковой). Встречаются такие украшения в погребениях VI – V вв. до н.э. (Ставропольский курган 1924 г., мог. № 2 Татарского городища, погр. 13 и др.), но, в большей степени, характерны для комплексов предскифского времени (мог. Мебельная фабрика, погр. 13, 18, 29, 47, 48, мог. Белореченский – 2, погр. 7, 9, 24, Березовский – 1 мог., погр. 4, 12, 21 и др.) [4].

Костяной черешковый наконечник стрелы, происходящий из раннего слоя Грушевского городища, с треугольным очертанием головки, с острыми опущенными книзу жальцами и длинным черешком, имеющим шип, направленный книзу (Дл – 52; наибольшая Ш – 22 мм), является разновидностью типа III варианта 1 костяных наконечников (по классификации В.И. Козенковой).

По форме головки грушевский наконечник близок наконечнику из погребения 1 могильника Красные Камни (окрестности г. Кисловодска). Однако, наличие шипа позволяет отнести экземпляр из Грушевского городища к отдельной разновидности. Аналогии этим находкам не прямые, но близкие из слоев XI–VIII вв. до н.э. Змейского и Сержень-Юртовского поселений. Скорее всего, данный наконечник является

подражанием бронзовым плошкам с прямым черешком, имеющим боковой шип (например, находка на Бамутском поселении) [5].

Находки предскифского времени дополняет комплект новочеркасских (жаботинских ?) наконечников стрел, выявленный в одном из погребений могильника Грушевского городища.

Поздний этап функционирования Грушевского городища А.В. Гадло и А.В. Найденко был определен благодаря античным импортам, представленным в позднем слое памятника. В ходе его раскопок было обнаружено около 30 ручек родосских амфор с клеймами-штампами (имена эпонимов и эргастериархов без обозначения месяца) [6]. Первоначально авторами раскопок клейма датировались по ранним работам Вирджинии Грейс. В частности, по схеме В. Грейс, отсутствие наименования месяца на парных клеймах являлось датирующим признаком, т.е. штампы без обозначения месяца относились к ранней группе и датировались ею 332 – 275 гг. до н.э. [7]. Таким образом, была установлена первоначальная дата гибели Грушевского городища – второе–третье десятилетие III в. до н.э.

Между тем, после публикации оттисков с полуострова Корони, В. Грейс провела существенную ревизию хронологии ранних родосских клейм, предложив повысить их абсолютные даты на 30–35 лет [8]. С учетом этой новой системы клейма эпонимов: Агесия, Эпихарма, Стенела принадлежат к позднему этапу 1-й хронологической группы (50–40-е гг. III в. до н.э.). Этим же периодом и частично началом II хронологической группы датируются фабрикантские оттиски с именами эргастериархов Мосха I и Тимокла. В целом, по мнению В.И. Кац, все клейма Грушевского городища относятся к 50–40-м годам III в. до н.э. [9]. В последнее время появились новые материалы, подтверждающие правомерность такой модификации [10]. Таким образом, гибель Грушевского городища датируется пятым – шестым десятилетием III в. до н.э. (скорее 40-ми годами III в. до н.э.) [11].

Еще одна находка в верхнем слое Грушевского городища, первоначально выпавшая из внимания исследователей, свидетельствует о возрождении жизни на городище в первые века н.э. В частности, здесь был обнаружен фрагмент венчика стеклянной миски. Аналогичные материалы выявлены при раскопках Горгиппии. По определению Н.П. Сорокиной, по качеству стекла и по цвету, данный фрагмент датируется второй половиной I–II вв. н.э. [12].

В результате спасательных раскопок в 1995 г. были внесены уточнения в топографию Грушевского поселения. Была вскрыта площадь около 250 кв. м. Итоги этих раскопок дают возможность говорить о существовании за пределами застроенной территории «зоны мусорных ям». Среди находок вызывает интерес серия (8 экз.) моделей глиняных сосудов. Они вылеплены от руки, небрежно и неумело, плохо обожжены (высота – 3–10 см). По мнению Я.Б. Березина, это игрушки, делавшиеся детьми в ходе сюжетно-ролевых игр. Также, было выявлено около двух десятков кремневых скребков, возможно, инструментов для обработки шкур животных [13].

В конце 90-х гг. на окраине поселения – в районе зоны мусорных ям была выявлена уникальная керамическая форма для отливки бронзовых стремечковидных удил первой половины VII в. до н.э. Эта находка подтвердила первоначальное предположение о расположении ремесленного комплекса за пределами стен городища (здесь в результате раскопок А.В. Гадло и А.В. Найденко были выявлены куски пористого шлака, шлак, перемешанный с металлом, и форма для отливки украшения). Также важным является вывод о раннем ремесленном характере Грушевского городища. Эта находка явно свидетельствует, что уже VII в. до н.э. предметы конской упряжи раннескифских типов производились не только скифами, но и мастерами кобанской культуры [14].

Несмотря на уточнения хронологии и значительные дополнения, касаемые характера хозяйственной деятельности Грушевского городища, следует отметить, что

основные выводы, сделанные А.В. Гадло и А.В. Найденко остаются актуальными и в настоящее время: начало функционирования городища относится к VIII в. до н.э.; основной частью жителей городища и поселения являлись представители западного варианта кобанской культуры; цитадель после разрушения не была восстановлена. Эти данные вкупе с новыми сведениями позволяют считать Грушевское городище эталонным памятником Ставропольской возвышенности.

Использованная литература и источники:

1. Минаева Т.М. Памятники эпохи раннего средневековья на Ставропольской возвышенности // МИСК. Вып. 1. – Ставрополь, 1949. – С. 136–139.
2. Гадло А.В., Найденко А.В. Исследование Грушевского городища // МИСК. № 5 – 6. – Ставрополь, 1988.
3. Найденко А.В., Прокопенко Ю.А. Археологические материалы Грушевского городища VIII–III вв. до н.э. как исторический источник по истории края (исследование пряслиц) // Ставропольская земля в прошлом и настоящем. Материалы заочной конференции. Ч. I. – Ставрополь: Изд-во СГПУ, 1995. – С. 35, табл. 2.
4. Козенкова Е.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. САИ. Вып. Б 5–2. – М., 1998. С. 66, табл. XXI, 18–19.
5. Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. САИ. Вып. 2–5, т. 2. – М., 1982. – Табл. XI, 25.
6. Гадло А.В., Найденко А.В. Указ. соч... - С. 295.
7. Grace V. Cadem Aotes on the amphoras from the Koroni Peninsula // Hesperia. 1963. XXXII. - P. 324, 328.
8. Grace V. Revision in Early Hellenistic chronology // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts (Athenische Abteiling). - Band. 89. V. 6. 1974.
9. Кац В.И. Комплекс родосской клейменной керамической тары с Грушевского городища // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Мат. между. науч. конф. Ч. I. – СПб., 2002. – С. 249.
10. Кац В.И. Керамические клейма раннеэллинистического времени из Танаиса // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы X Международной научной конференции (29 мая – 3 июня 2001 г.). – Ростов-н/Д., 2002. – С. 100.
11. Прокопенко Ю.А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Ч. 2. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. – С. 58.
12. Прокопенко Ю.А., Найденко А.В. К уточнению хронологии позднего периода существования Грушевского городища // Из истории народов Северного Кавказа. Сб. ст. Вып. 1. - Ставрополь, 1997. - С. 28; Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э. - Ставрополь, 1999. - С. 50.
13. Березин Я.Б. О топографии Грушевского поселения (на материалах раскопок 1995 г.) // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Т.М. Минаевой (26–27 января 1996 / Ставрополь). – Ставрополь, 1997. – С. 24–25.
14. Прокопенко Ю.А., Пикалов Д.В. К вопросу о характере ремесленного производства на поселениях Центрального Предкавказья в IX–III вв. до н.э. // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 6. – Ставрополь: «Графа», 2015. – С. 49, фото 1-4, рис. 1.

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО, ЛИТЕРАТУРНОГО, КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ КАВМИНВОД И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Белоцерковская И.Н.
(г. Нальчик)

Тырныаузское вольфрамо-молибденовое месторождение. Коллекция писем первооткрывателей Веры Флёровой и Бориса Орлова

Эти имена хорошо известны на юге России, но с особой теплотой их произносят в городе Тырныаузе, основание которого напрямую связано с их геологической деятельностью. В общих чертах этапы исследования вольфрамо-молибденового месторождения опубликованы, но мало кому известна детализация отдельных исторических событий, изложенных в письмах Бориса Орлова и Веры Флёровой. В фондах нашего музея хранятся подлинные документы того периода. Первоначально весь материал (одни копии) умещался на небольшом стенде в экспозиции, и давал поверхностное представление по этой теме.

Началом формирования новой коллекции послужила встреча с родным старшим братом Веры Владимиром Александровичем Флёровым. В город Новочеркасск, где их семья жила с 1917 г., мы приехали 10 октября 1988 г. вместе с Т.В. Якушевой (зав. отделом природы Областного музея краеведения г. Ростова-на-Дону). В доме Флёровых царил дух старины, здесь сохранилось всё, как было раньше: рояль и нотные листы, письменный стол, кресло, старинные книги, которые начал собирать еще их отец – известный учёный-ботаник. Мы находились среди вещей, переживших Веру и Бориса и других его родственников...

Из этой поездки я привезла 700 предметов, которые вошли в основной фонд музея. Из них письма составляют 224 единицы.

Каждый раз, перечитывая эти письма, меня охватывает волнение. Во-первых, потому что я вторгаюсь в личное пространство двух любящих людей, и значит, есть этическая сторона нравственного вопроса: «Хорошо ли это?». Во-вторых, от осознания того, что судьба отвела им очень короткий срок. Линии их жизни будут прерваны: Веры – в 1936 г., а Бориса – в 1946.

Они познакомились в 1934 г. Борис Орлов, начальник геологоразведочной партии № 46, Вера в числе студентов практикантов, зачисленных в этот отряд. В декабре того же 1934 г. они поженились. На страницах писем они полны жизненных сил и энергии. Работают, мечтают и строят планы на будущее, их сердца бьются в унисон. И мы видим один из примеров очень красивой любви! «Жизнь хороша!», – почти в каждом послании к Вере пишет Борис, – «и жить хочется!».

Письмо Веры родителям. Тырны-ауз. 22-08-34 год. День. Дорогие мамочка и папочка и Володичка! Вот сегодня 22-ое августа, прошло 17 дней с тех пор, как мы сюда прибыли. Яша с Ниной сегодня утром уехали в Баксан. Нина для того, чтобы ехать в Ростов, у неё с 1-го занятия, а Яша поехал для того, что бы её проводить и уже больше не возвращаться. Я осталась с 3 рабочими-балкарцами и одним ишаком.... Работы осталось на несколько дней. Надо задать три шурфа по реке Кыртык, из которых взять по шлиху, взять три пробы бороздовых из канав – 3-х уже ранее пройденных на комплекс руд, а основное это олово и ещё две бороздовых пробы на сурьму – месторождение нами открытое и довольно солидное. Кричать пока мы о нём, конечно, не будем, но месторождение многообещающее! Это, собственно говоря, Яшины обязанности – обязанности прораба. А в мои обязанности входит: закончить детальную геосъёмку района Тырныауз-тау, пройти еще две балки с уклоном от 30⁰ до 90⁰.... И ещё захватить один участок по самой Тырныауз-су (это

уже по собственной инициативе) - участок интересный, и я считаю, что его заснять необходимо. А ещё привязать и задокументировать 8 шурфов – все они в совершенно противоположных местах; и ещё задать 2 или 3 расчистки в районе моей работы – есть не совсем ясные места. На всё на это нужно 3 дня. Но вот дождь проклятый идёт уже третий день без единой минуты на перерыв и отдых! Густой туман скрывает окружающие горы. Сейчас идёт вместо дождя (поверьте!) – крупа... Выехали мы из Баксана 5-го, по дороге ночевали, раскинув палатку, и 6-го часа в два прибыли на место – Борис, Яша, Нина и я, трое рабочих, проводник Коган – юноша балкарский лет 15-16, 5 ишаков, две лошади. Уже стало темно, а свечей и керосина нет. До завтра. Случайно обнаружила одну свечку и вот пишу, после сытного обеда и в то же время ужина. Собственно говоря, её бы (свечку) надо было приберечь, но у меня сидит Асхат, сидит бедный и неустанно следит за движением моей руки. Я хочу спать, выпроводить не хватает нахальства. Я было заснула, но он разбудил меня и принёс обедать – борщ, сваренный на молоке, молоко не свернулось даже, и маленький хлебец.... Из той муки, что я ему дала. Потом последовала кружка айрана.... Айран очень вкусен. Напоминает собой кефир. Держат они его в бурдюках. Володя, дай соответствующие пояснения, и если бы ты, мама, увидела этот прекрасный сосуд, то ручаюсь, айрана не пила бы. Вообще говоря, это универсальный мешок, в котором можно всё что угодно найти и положить.... 7-го мы втроём ходили по месторождению, осмотрели всё, что попало на глаза. 8-го мы с Борисом приступили к детальной геосъёмке района Тырны-ауз. Ходили с горным компасом, рулеткой, эклиметром и полевой книжкой в течение целого дня. Это был, так сказать, первый день работы. Ходишь целый день, но усталости абсолютно не чувствуешь. Эти горы – не лабинские горы! В день нашего приезда была чудная солнечная погода, а потом если за всё время мы видели 4-5 солнечных дней, так это хорошо, и если бы мы приехали в туманный день, то я бы думала, что здесь всегда туман, а то всё-таки тешишь себя надеждой, что завтра будет погода «якши» (хорошая).... Я хожу одна и перешла к шагомерной съёмке, что значительно осложняет все расчеты при нанесении на карту. А район этот, надо сказать, очень интересный, сложный и мозаичный. 10-го Борис уехал. Остались мы втроем. Обычно готовим мы с Ниной.... Скоро должны прийти ишаки. Думаю, что от вас придут письма, а если нет (гром и молния!) – я вам больше не пишу.... Относительно скоро я уже буду дома, но не думайте, что на этом кончается наша работа. Непочатый край на Кыртыке её ещё. Целую крепко...

Письмо Бориса к Вере от 18-19 декабря 1934 года. (г. Нальчик).

Дорогая Верочка! Твой благоверный прибыл в г. Нальчик.... Тетя Феня сообщила, что приходил «партизан» и доложил, что Б.В. женился на Вере.... Конференция состоится лишь 15 февраля, поэтому можно по её поводу не волноваться. К первому января надлежит представить предварительный отчёт, поэтому попроси Яна, чтобы он сделал следующее: 1). Проверил, окончила ли Швидченко шлихи, 2). Сделаны ли шлифты....

Осталось 19-ое, 20, 21-ое, 22–23-го я буду в г. Ростове – Новочеркасске... Как идут занятия? «Труды 4-ой конференции по цветным металлам, 32 года» можешь не доставать, но обязательно достань: «Записки Мин. Общества за 1934 г.» (Десять поцелуев вне очереди).

Был в лаборатории, сообщили, что пробы из штольни (валовые) и две пробы из канав (пиртизированная зона) дали Sn (олово), причём в валовых содержится до 0,3 %!!! Но эта цифра ещё требует проверки. В шлихах обнаружен тантал (главным образом по Ирику и Кыртыку). Вот и всё. Беседовал с Гурским. Он сейчас немного расстроен, так как хотят разведку передать местной промышленности, а он этого не желает. На разведку ориентировочно отпускают 300.000 руб. (на эксплуатацию от-

дельно). Громов дал очень хорошее заключение. В общем, у меня сложилось впечатление, что на будущий год будут вестись очень хорошие разведки и очень интересные, в которых я, виноват, мы! примем активное участие.

Борис Вере. 1935–10 февраля. Г. Пятигорск. Дорогой Веркин! Моя вот сегодня сижу и думаю о тебе. Милый мой, дорогой... Вот уже 10-ое, завтра еду в Нальчик. 15-го вернусь и 21-22 выеду (об этом я уже пишу третий раз!...) и увижу тебя... Обниму... Поцелую... Чем дольше тебя не вижу, тем неудержимее тянет к тебе. Нужен как воздух.... Если нетрудно, то спроси у Стороженко или Ефремова: как выписать наложенным платежом «Записки Минералогического общества 1934 г.». Вот скоро наступит лето... Поедем мой, родной Веркин, в горы... И буду я с тобой строить жизнь: вместе работать, вместе любить, вместе страдать и вместе радоваться жизни... «... И тот кто с песней по жизни шагает, тот нигде и никогда не пропадет!». Оптимизм – девиз сильных.... Прочитал несколько статей из сборника, посвященного 50-лет. юбилею Левинсон-Лессинг Ф.Ю. доклад Герасимова Французской делегации о Кавказе.... Описывая Зап. Грузию Белякин говорит, «что лучший знаток о металлогении Кавказа Варданянц считает, что все оруденения Кавказа связаны с неотрузиями». Это даёт больше почвы под ногами. Судя по тезисам некоторых докладов, придется сражаться в рядах меньших (малочисленных!) т.к. всё-таки Варданянц имеет мало сподвижников. Дорогой Верочкин, целую тебя и желаю тебе успеха в твоих занятиях, Инженер Флёрова! Учись мыслить и делать самостоятельно, не считаясь с авторитетами. Целую Крепко. Крепко. Твой друг-муж Борис.

Письмо Бориса Вере от 7.03.35 г. г. Нальчик. Дорогая жёнка! Твой муж приступил к Кавказской «Авантюре».... Гурский получил 2130000 рублей, из которых только на Баксанское ущелье приходится чуть ли не 800.000, а из последних на разведку молибдена 260000 руб. (без сурьмы). Я намечаюсь начальником разведки молибдена и поискового отряда на олово, золото, и т.п. и консультантом у меня будет – Соловьёв и Варданянц (последний по моему желанию!); Кроме этого будет на молибдените академик Обручёв... Слишком заманчиво, чтобы я отказался. Размах работ большой. Дела будут. Я, конечно, в Ростов не поеду до 25 марта. Завтра сажусь за микроскоп. Сегодня уже приступил к составлению сметы.... Игра сделана, ставок больше нет. Риск большой – выигрыш и проигрыш одинаковы!!! Это дела производства. Отдаюсь целиком моей любовнице «Молибдене», а жене...?! О, моей жёнке я принадлежу на все %, что оставила «Молибдена». Я чувствую, что обе вы не будете ссориться. Ты и она сговоритесь как поделить меня между собой... Моя родная... Твой муж строит несбыточные планы... Фантазия... Но, слишком много реального есть на сегодня, чтобы отказаться от предложенного. Официально я ещё до 20 апреля или 1-го мая буду в СКГГ Конторе, а затем... здесь 1 ½ - 2 буду в Ленинграде. В канцелярии не буду сидеть ни одного дня. Горы, «молибден» и ... жена. Думаю, что многие ребята из вашей группы будут работать в Балкарии.... Условия будут хорошие. Наверное, такие, какие ещё не имела ни одна партия на Кавказе. Целую и обнимаю мою дорожку, твой (и «Молибденин»)

Борис Вере. (Пятигорск. Вокзал до востр., от 30.03.35 г.)..... Моя родная Веркин! Ты даже не представляешь, как я тебя полюбил. Ты хочешь, чтобы я был с тобой, я буду с тобой, во чтобы то ни стало. Теперь несколько слов об итогах конференции. В моей жизни и в моей работе она сыграла большую роль: 1. Я убедился, что очень слабо знаю геологические вопросы. 2. «Научился делать доклады». 3. Полностью потерял веру в работников центра и старой школы, даже Варданянц многое потерял в моих глазах. 4. Твердо решил отбросить всё старое в изучении

геологии Кавказа, а особенно в рудном деле, и изучить его «по – своему». Решил обязательно съездить на Садон, о чём договорился с Рудневым... Целую так, чтобы захватило дух. Твой Борис. Пятигорск, 1935 г. 30 марта. Привет Вашим.

Письмо Бориса к Вере от 10.05.1935 года (Ессентуки).

Родной Жёнкин!

Твой муж вступил на путь риска.... Трудно, дорогая Веркин, идти «против течения». Все говорят, что ничего не выйдет, что всё напрасно. Это, наоборот, заставляет ещё решительнее идти на разведку.... Гурский настроен не плохо, но видно, что ему приходится трудно. Нужны люди. Сегодня еду в Ессентуки, где окончательно разделаюсь с Трестом.... Сейчас подъезжаю к Мин. Водам. Предстоит трудный разговор с Тамбовцевым. Но ничего. Я делаюсь всё крепче и крепче. А кроме этого у меня есть жена, которая поймёт меня в самые трудные минуты жизни. Целую крепко-крепко, твой Борис.

Письмо Бориса к Вере от 19.05.35 г. г. Нальчик.

Дорогая, любимая! Получил два твоих письма. Стало легче... радостнее. Моя Веркин со мной согласна... Я уже работаю у Гурского....

На сурьме настроение, по-видимому, лучше, но они ещё копаются только в восточной части (до западной ещё не дошли). Я отобрал уже часть имущества. Набираю людей. Молибден будет разведан. И это сделаю Я. Много мне хочется тебе написать, но мысли бегут, бегут... бегут... Все студенты, которые поедут в партии на Золото и Геолкома не будут в лучших условиях, чем наши (Редметовские!). Ставки «Золото» ниже наших (прораб 350-400,ст. колл.-250, мл.колл. 160 без нагрузок). А теперь, мой Верочкин, запасись терпением. В горах выпал снег... Твой муж получил ватную тужурку, компас, молоток, сапоги, одеяло и отправился в горы «с песней на устах» Лишь бы ты и мои близкие были здоровы. Вот и всё. Целую крепко, крепко...

Письмо Бориса к Вере. 1935 год.

Дорогой, любимый, Верчено! Вечер... сижу в землянке. Тихо.... Радио передаёт оперу Римского Корсакова – «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии». Света нет, пишу при свете карманного фонаря.... Ну, начну всё по порядку. Из города Нальчика выехал с бригадой проектантов – Мамровским, Хрущёвым и местными воротилами. Поднялись на Тырныауз. Осмотрели северный склон – понравился. Южный – не понравился. Не понравились и граниты. Хрущёв приедет ещё для детального осмотра. Дал я запасы следующие: С-1 (сурьма №1) – 42 тонны, С-2 (сурьма №2) - 350 тонн и прогнозные – где-то 550 тонн. Всего 966, 98 тонн. Величина небольшая. Доклад сделал вполне прилично (не так как на конференции). Вопросы были, но не значительные. Приняли решение ходатайствовать о строительстве пробной обогатительной фабрики – 50 тонн в сутки. Помимо меня делал доклад Соловьёв. Его доклад (полевой отчёт я, наверное, привезу). Эльджуртинские граниты он на 75 % относит к неointрузии. Третий был доклад Полякова. В подсчёте запасов он делал такие грубые ошибки, что все удивились. Так что опять, Веркин, мы правы. Вот и профессор Крейтер! 25 в Нальчике состоится конференция по геологии К.Б.А.О. Будет Сельхоз Золото, Каббалкредмет, Геолком (из Ессентуков).... Родная! Любимая! Моя Веркин. Жизнь летит вперёд... Как твой институт?.... Твой и только твой муж Борис. Тырныауз, 9 часов вечера. Привет Вашим.

Письмо Веры Е.В. Флёровой. От 25.08.1935 г. Дорогие мама и папа! Сегодня я получила ваше письмо... Я по-прежнему жива и здорова, самочувствие великолепное. Сейчас я уже работаю на 1-м участке с Борей. Он также жив и здоров,

5-6-го поедет в Закавказье, на молибденовое месторождение Короби, для ознакомления с ним. Числа 15 вернется. У нас за это время перебивало масса комиссий, так что мы уже счёт им потеряли. Между прочим, приезжал некто профессор Аршинов, который тоже отдыхал в санатории КСУ, одновременно с Вами. Приехал, посмотрел, полазил и спустился вниз... Сегодня идёт дождь. Все сидят дома. Вчера приезжал Гурский с горным инспектором Пестовским и инженером строителем. Зимой здесь будут работы, и сейчас идёт подготовка. Гурский собирается Тырнаузский участок сделать показательным к мировому конгрессу. Боре дали ещё одного помощника, помимо Яши. Погода по-прежнему мешает работе, за всё время было только 2 абсолютно ясных дня. Живём мы хорошо. С питанием тоже обстоит более или менее хорошо. Этим ведаёт продснаб специально. Иногда бывают фрукты, мясо ежедневно. У нас сейчас рабочих и техперсонала до 70 человек. Работы в полном разгаре, ведётся 6 штолен, производится молибденометрическая съёмка, опробование и т.д....

Пишите. Всего доброго. Целую. От Бори привет.

Письмо Веры родителям от 10.02.36 года. Скорый № Нальчик-Москва. Вечер.

Дорогие мама, папа Володичка! Неожиданно для самой себя еду в Москву, пробуду там дней десять – пишите мне на Молчановку – Боре для меня. Боря едет в Главредмет защищать запасы по молибдену в ГКЗ Всё время были заняты подготовкой к этому. Я была занята обработкой материала по штольням северного и южного склона. С нами едет Гурский и ещё ... Нач. продснаба Кабалкредмета. Костя Загуменный и Лия Бабаянц остались в Нальчике. Вы никому не говорите, что я поехала в Москву. Для всех я в Нальчике. Гурский просит передать привет. Письмо брошу в Ростове. Первый раз еду дальше Ростова. Целую всех крепко. Как здоровье Володички. Ваша В. Флёрова (от редакц.: вместо В. Флёрова стоит её подпись).

Письмо Бориса к Вере. Тырны-ауз. Старое место. 12.06.36 г. 3 часа дня.

Идёт дождь... сию в палатке... Один.... Погода и обстоятельства располагают к философии, стихам и любви... Цветов вокруг уйма и я не удержался, чтобы не набрать букет. Вот он стоит на столе... Голубой, белый и жёлтый цвета... Мне нужна моя жёнка... Сейчас хорошо но... мне нужно существо, которому я отдаю свою жизнь, мысли любовь. Веркин сейчас волнуется... переживает, а дождь всё барабанит и барабанит... Вчера был на Молибдене... Там уже настоящий рудник... Контора, компрессорная, красный уголок, музей... Мы сдали Тырнауз и он стал обычной, штатной единицей Тяжпрома. Жду тебя, жду коллекторов, чтобы работать. Лагерь уже установил: 4 палатки, 1 - рабочая, 1 – коллекторная, 1 – камералка и 1 – наша. Вчера прошёл через штольню №7. Ходить ещё рано, т. к. мешает лёд. Горы и работа... Временами наступают мятежные мысли... Мне кажется, что ты от меня ушла и больше не вернёшься... Это глупость, но мой ум не лишён её... Тихо и солнечно прилетела бабочка... Как видишь я не один. Ты устала, дорогая... Я тебя понимаю, а! думаешь, что мне нет дела до твоего диплома? Время, если считать до твоего приезда, тянется слишком медленно... Написать тебе, что я «тебя люблю». Это мало. Да и фраза шаблонная (хотя она и приятна, сколько бы раз её не повторять). Думаю, что это письмо последнее, т.к., если оно пойдёт из Н. Баксана 16-15 – с/м, то попадёт в Новочеркасск не раньше 22- 24 с/м, а 25-го ты должна выехать.

Целую крепко-крепко. Твой Борис.

Эпистолярный жанр – это первоисточник достоверных фактов, особенно если они изложены участниками этих событий. Письма из коллекции Веры Флёровой и Бориса Орлова с 1934 по 1936 гг. тому подтверждение. Хотя по сфере общения они и относятся к неофициально частным, т.е. личного характера, но по значимости являются документами – с отчётами о проделанной работе, обсуждением рабочих вопросов и планов на будущее. Поскольку письма – это единственная форма общения в 30-е годы, то писались они регулярно, причём в одном конверте находились листы, исписанные в течение двух и больше дней, что даёт возможность последовательно связать все звенья этой истории.

Изучение их даёт возможность:

I. Проследить: 1) ход исследования вольфрамо–молибденового месторождения с первых дней работы до строительства рудника на высоте 3000 м над уровнем моря; 2) этапы работ, проведённых Борисом Орловым, по выделению молибденита, как основного металла в районе хребта Тырнауз-тау, (в противовес поставленной ему задаче искать олово), по картированию поверхности месторождения, определению запасов руды, по обоснованному доказательству в необходимости разрабатывать его в промышленном масштабе в ответ на отрицательное заключение комиссии Главредмета.

II. Получить информацию о личных качествах, интересах и образованности каждого из авторов писем, о роли каждого из тех, кто работал в Нижнем Баксане, а также о бытовых условиях и погоде.

Примечание:* Орфография сохранена; – сокращение от автора статьи, ... - от автора писем.

1.) Аршинов В.В.(1879–1955) – минералог, учредитель первого в России частного научно-исследовательского учреждения «Lithogaea». 2) Геккиев А., Тебердиев Х. – рабочие геологоразведочной партии № 46. 3) Варданянц Л.А. – ст. геолог Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института, впоследствии доктор геолого-минералогических наук. 5) Гурский Г.К. - уполномоченный «Наркомтяжпрома» по КБАО. С 1935 г. – начальник Каббалкредмета. 6) Ситковский – геолог Северо-Кавказского геологоразведочного треста. 7) Крейтер В.М. – доктор геолого-минералогических наук, давший отрицательное заключение месторождению молибденита. 8) Соловьёв – петрограф, сотрудник ЦНИГРИ (Ленинград), впоследствии доктор геолого-минералогических наук. И.Н. 9) Тамбовцев – начальник Северо-кавказского геолого-разведочного треста. 10) Студенты, проходившие практику: Пономарёв Я.П., Садовский Г., Флёрова В., Мироносъянц, Загуменный К., Бабаянц Л., Швидченко, Стороженко, Ефимов 11) Хрущев Н.А. в 1935 году назначен главным геологом треста «Каббалкредмет».

Караби – Карабское месторождение молибдена в Грузии. Садонский рудный район – Алагирский район, Северная Осетия.

Боглачев С.В.
(г. Санкт-Петербург)

Краеведы КМВ XX века в поисках «Домика Толстого» в Пятигорске

Как известно, в сентябре 2018 г. исполняется 190 лет со дня рождения великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. Настоящий доклад посвящен его проживанию в Пятигорске летом 1852 и 1853 гг.

Немного статистики.

Лев Толстой 30 апреля 1851 г. вместе с любимым братом Николаем выехал из Ясной поляны на Кавказ и только 1 февраля 1854 г. Лев Толстой один вернулся с Кавказа в родное имение [1].

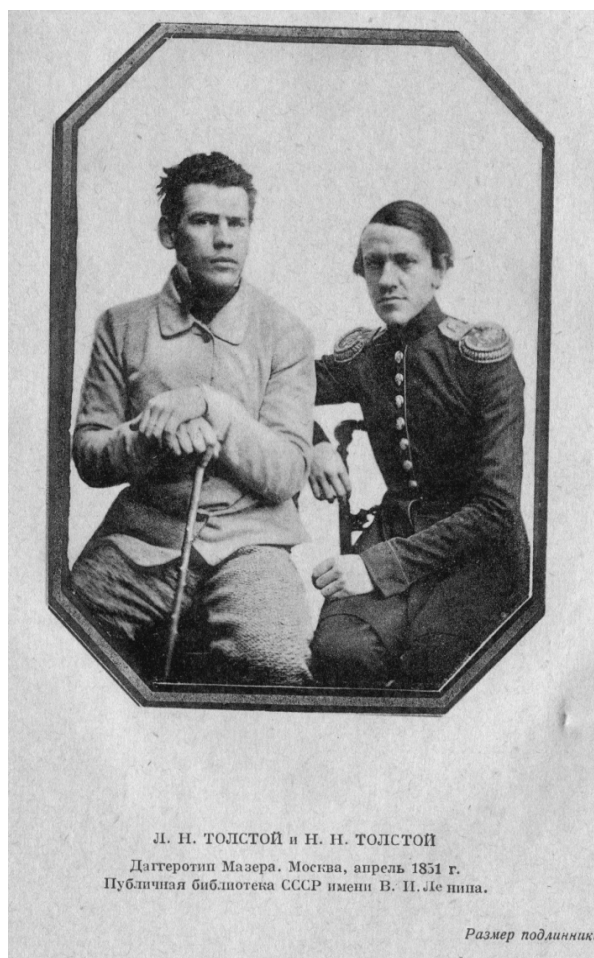

Рис. 1. Портрет Л.Н. Толстого с братом. 1851 г.

Рис. 2. Портрет Л.Н. Толстого в офицерском мундире. 1854 г.

«Кавказская одиссея» Льва Толстого длилась 1000 дней и ночей, т.е. три года без трех месяцев. Из этого времени он почти шестую часть времени, точнее 169 дней, прожил на Кавказских Минеральных Водах, поправляя свое пошатнувшееся здоровье – летом 1852 г. (82 дня) и летом 1853 (87 дней).

Итак, 16 мая 1852 г. больной юнкер Лев Толстой впервые приехал из кавказской казачьей станицы Старогладковской, где добровольно проходил военную службу, на собственном тарантасе в Пятигорск, для лечения непонятной болезни, поразившей его в апреле 1852 г. [2].

Константин Зеленецкий, посетивший Пятигорск летом 1852 г., писал:

«На въезде в город Пятигорская застава. Здесь отбирают вашу подорожную; отдадут вам ее в Полиции (для гражданских лиц) или в комендантской (для военных), когда будете оставлять Воды. Вы продолжаете путь по длинной, прямой улице (Георгиевская/Теплосерная - С.Б.). Справа над вами на горе оборонительные казармы. На одной из них высокий шест с флагом, для обозначения времени курса лечения. Прямая улица же обстроена плохими домиками, среди коих, однако есть и несколько красивых каменных домов. Это так называемая Слободка...» [3].

Краткая история слободки Кабардинской и пребывания в ней Л.Н. Толстого. Старинная слобода Кабардинская располагалась от нынешнего трамвайного Горячеводского спуска до современной тюрьмы «Белый Лебедь».

В 1825 г. в связи с увеличением движения и перевозок по предложению генерала А.П. Ермолова был проложен новый прямой тракт из Георгиевска, проходящий к Горячим Водам вдоль северного берега Подкумка и южных склонов Машука. По сторонам от въездной заставы этого тракта (ныне – участок ул. Теплосерной западнее тюрьмы) была распланирована солдатская слободка Кабардинка. Ее населили, главным образом, семейные и отставные солдаты из ближайших военных подразделений (в том числе Кабардинского полка – отсюда название слободки), а также бывшие жители слободки при Константиногорской крепости. Новая Солдатская слободка быстро разрасталась. Здесь строились турлучные и деревянные домики, покрытые соломой и камышом, в которых снимали жилье небогатые посетители Вод [4].

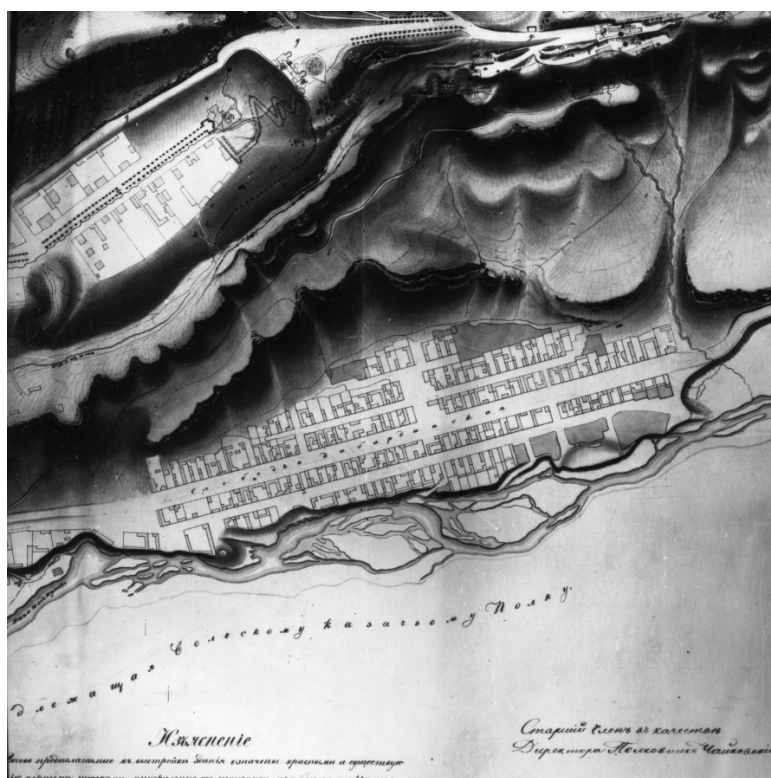

Рис.3. Фрагмент карты Пятигорска 1840 г. с изображением Кабардинской слободки

В начале 1850-х гг. вышел роман Е. Хамар-Дабанова «Проделки на Кавказе», где описана Кабардинская слободка, через которую проезжают герои романа: «...Коляска катилась уже по слободке между двумя рядами разнообразных домов...Группы солдаток и девчонок сидели у ворот (своих домиков), громко крича проезжим: «Господа, здесь есть порожняя квартира. Не угодно ли остановиться?» [5].

Первый день в Пятигорске граф Толстой прожил в суточном номере Казенной Ресторации, а на следующий день (17 мая 1852 г.), после посещения военного врача и пятигорского коменданта, снял дешевое и уютное жилье в Кабардинской слободе – небольшой саманный флигель на две комнаты с низким потолком, крытый камышом, во дворе небольшого домовладения № 252 на Кабардинской слободе. Хозяином дома был старый отставной солдат-хохол, у которого была молодая жена Мария и дочка. Они жили в одноэтажном деревянном домике, выходящем фа-

садом на Георгиевский тракт (ныне – Теплосерная улица). Около саманного флигеля, который и следует считать «Домиком Толстого», находился небольшой садик с маленькой пасекой. Вместе с графом Толстым во флигеле поселился его 14-летний слуга Ванюшка Суворов, который одновременно исполнял обязанности личного камердинера (денщика), повара и кучера молодого графа. Граф также привез с собой маленького черного бульдога (по-русски «мордашка»), которого звали Булька. Этот песик сопровождал графа на Кавказе еще с Ясной поляны.

Свой новый почтовый адрес – «Пятигорск, на Кабардинской Слободке, 252 №. Юнкеру артиллерии Графу Льву Николаевичу Толстому» – Л. Толстой указал на всех своих первых письмах родным и знакомым начиная с 23 мая 1852 г. На этот адрес они и писали ему ответные письма летом 1852 г. Попутно заметим, что Лев Толстой в это время не был юнкером, но ожидал соответствующего приказа от военной администрации Кавказа.

В этом домике на Кабардинской слободке Л. Толстой прожил с мая по июль 1852 г. Здесь он закончил переписывать и править свою первую повесть «Детство», рукопись которой послал 4 июля 1852 г. по почте в редакцию «Современника». За письменным столом этого домика он начал писать и свой первый рассказ «Набег», который считается лучшим произведением Льва Толстого, написанным на Кавказе на основе личных впечатлений.

В этом же уединенном домике, который Л. Толстому очень нравился, он жил отчасти и в свой второй приезд в Пятигорск, с июля по октябрь 1853 г. Здесь он работал над повестями «Отрочество», «Казачи» и рассказом «Записки маркера».

Таким образом, в этом наемном домике на Кабардинке Лев Толстой прожил 56 дней в 1852 г. и примерно 57 дней в 1853 г., а всего 113 дней.

Поиски (методология и версии) краеведов XX века.

Был ли проведен поиск «Домика Толстого» еще при жизни писателя во второй половине XIX века и в начале XX века? Похоже, что при жизни Л.Н. Толстого никто из его дореволюционных биографов (Н.Н. Гусев, П.И. Бирюков, С. Венгеров и др.) не задавались целью найти «Домик Толстого» в Пятигорске и как-то мемориализировать (или музеефицировать) его.

В 1903 г. Лев Толстой собирался написать свою автобиографию, однако не успел этого сделать. Он скончался утром 7 ноября 1910 г. на небольшой железнодорожной станции Астапово, по пути к Кавказу.

По воспоминаниям пятигорского краеведа Елизаветы Ивановны Яковкиной, после сообщения о смерти Льва Толстого общественность Пятигорска попыталась увековечить в городе имя великого писателя. Но местные власти запретили это делать. Не разрешили даже отслужить панихиду, о чем просил известный городской деятель Закхеев. Причина этого была известна – в феврале 1901 г. Русская Православная церковь официально отлучила писателя Льва Толстого, и затем он сам отрекся от нее.

В декабре 1910 г. Городская дума Пятигорска постановила присвоить имя Л.Н. Толстого городскому шестиклассному училищу. Но департамент Народного Просвещения разослал приказ министра народного просвещения, чтобы все ходатайства о присвоении имени Л.Н. Толстого училищам оставлять без последствий (т.е. отказывать). Таким образом, и поиски памятных толстовских мест в Пятигорске тоже сдерживались.

Лишь после Февральской революции 1917 г., сокрушившей самодержавие и ослабившей церковную власть, старинная Дворянская улица в Пятигорске была переименована в улицу Льва Толстого. Хотя в 1920-х гг. большевики, также не любившие Льва Толстого, переименовали его улицу в улицу Карла Маркса, и это название сохраняется до сих пор [6]. Ныне улица (точнее тупик) Льва Толстого существует только в Горячеводске, близ ул. Любчика.

В советское время активность поисков пятигорского «Домика Толстого» краеведами КМВ была, как правило, связана с круглыми датами рождения гениального писателя и независимого мыслителя. Расскажем подробнее о таких попытках.

1) В сентябре 1928 г. страна Советов отмечала 100-летие русского писателя Льва Толстого.

В пятницу 28 сентября 1928 г. в 7 часов вечера в помещении пятигорского Бальнеологического Института состоялось торжественное заседание в память Л.Н. Толстого, организованное КГО совместно с Комиссией по охране памятников старины, искусства и природы. Известный курортный историк, лермонтовед, литературовед и краевед Дмитрий Михайлович Павлов прочитал на этом заседании большой доклад под названием «Л.Н. Толстой на КМВ». Этот доклад был сделан на основе большого очерка «Пребывание и лечение Л.Н. Толстого на КМВ», написанного Д.М. Павловым весной 1928 г. Авторизованная машинопись с таким названием (размером в 45 листов) ныне хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). В ней Павлов, в частности, пишет: «Где находилась квартира Толстого в Пятигорске – можно установить только приблизительно... В примечаниях к дневнику биографы Толстого отмечают, что поселился он в Кабардинской слободке. Это вполне вероятно, если принять во внимание близость данного района к источникам, а также имеющиеся для других аналогичных случаев указания о том, что обывательские дома на этой слободке обычно ходили под квартиры. Это вполне соответствует и коротким описаниям района, кои мы находим у самого Л.Н. Толстого в рассказе «Что случилось с Булькой в Пятигорске».

Определить точнее местопребывание Толстого на Теплосерной улице пока нельзя. Данных для этого очень мало. Но уточнить это можно было бы двояким способом: во-первых, на основании Книг для регистрации посетителей 1852 и 1853 годов (каковых мы пока не видели), во-вторых, при помощи полицейских протоколов, где под 24 июня 1852 г. должно быть записано весьма заметное происшествие, имевшее место на домовладении № 252 на Кабардинке (В час ночи там находился раненный горцем старик-домовладелец). К сожалению, этих протоколов теперь, вероятно, не найти. Какова была квартира Толстого тоже точно нигде не указано. По общему стилю тогдашние пятигорские квартиры оставляли желать много лучшего...» [7].

О результатах поиска краеведа Д.М. Павлова «ДТП» - «Домика Толстого в Пятигорске» (на Кабардинке) писал кисловодский искусствовед Борис Матвеевич Розенфельд в своем сборнике очерков «Малознакомый Кисловодск» (2008 г.). Он утверждал: «Всякое место, связанное с именем великого писателя Льва Толстого, дорого и священно. Поисками толстовских мест в свое время занимался хранитель Курортного музея, попечитель «Домика Лермонтова» и первый местный краевед Д.М. Павлов.. Он отыскал, подробно описал и сфотографировал дом, под бывшим № 252 на Кабардинке, и даже дом, где жила некая Крюкова, на которую Лев Толстой, согласно его дневнику, смотрел «со слишком большим удовольствием». На торжественном заседании в Городском театре (? - СБ) в честь 100-летия со дня рождения Льва Николаевича Толстого, Павлов делал доклад о значении Кавказа в его жизни и творчестве, и демонстрировал фотографии отысканных им толстовских мест в Пятигорске. Исследованиями тогда заинтересовался московский Литературный музей. Но после трагической гибели (в 1931 году - СБ) краеведа Д.М. Павлова ни рукописи, ни фотографий найти не удалось. Архивы же Пятигорска сгорели во время войны. Не сохранился в нашем крае и юбилейный номер газеты «Терек» с пересказом доклада Д.М. Павлова (статья «Толстовские дни в Пятигорске» // «Терек».1928. № 243). И след (найденного им – СБ) исторического домика исчез. Может быть, и донныне дотлевают где-нибудь во дворе на Кабардинке ветхий сарайчик-флигелек Толстого.

В отысканной «Инвентарной книге домовладений города Пятигорска, слободы Кабардинской и слободы Красной» под домовладением № 252 обнаружено наличие двух зданий:

- деревянный одноэтажный дом, фасадом выходящий на улицу;
- и саманный флигель во дворе, который, видимо, и служил жилищем Толстому. Но где по плану стоял этот помянутый дом – неясно. Планы сгорели вместе с городским архивом» [8].

Однако весьма сомнительно, так как такая сенсационная находка Д.М. Павлова, как точный адрес и фотография «Домика Толстого», не могли остаться неизвестными в то время и до нашего времени, тем более, что Д.М. Павлов скончался спустя три года после этого доклада, в 1931 г.

2) Известный литературовед (лермонтовед и толстововед) Леонид Петрович Семенов к юбилейному 1928 г. написал книгу о пребывании Л.Толстого на Кавказе, однако толстовскими адресами в Пятигорске предметно не занимался. Его более интересовало творчество великого писателя [9].

В 1935 г. в газете «Северо-Кавказский большевик» за 21 ноября была опубликована статья Николая Оленина «Лев Толстой в Пятигорске», с весьма общими рассуждениями о его лечебных сезонах 1852 и 1853 гг. [10].

3) Хранитель фондов музея «Домик Лермонтова», лермонтовед и пятигорский краевед Сергей Иванович Недумов работал по теме «Лермонтовский Пятигорск» в довоенном Архиве Управления КМВ, который находился в старинном здании Казенной Ресторации (ныне – Бальнеологический институт). Недумов занимался, прежде всего, поисками материалов о пребывании М.Ю. Лермонтова в Пятигорске. Может быть, ему и попадались Книги о продаже билетов на ванны и книги посетителей начала 1850-х гг., но он их не просматривал на предмет выявления документов о Льве Толстом. О документальных поисках Недумова «Домика Толстого» нам ничего неизвестно. Но вполне возможно, что он располагал подобными материалами. Так, известно, что в недумовских тетрадях в фондах музея «Домик Лермонтова» и в архивном деле ГАСК имеется большой список домовладельцев Кабардинской слободы за 1839 г. (хотя и без указания №№ домовладений) [11].

4) Знаменитый краевед Леонид Николаевич Польский в своей книге «И звезда с звездой говорит...» представил замечательный очерк о Льве Толстом [12]. В юбилейных буклетах «Лев Толстой в Пятигорске» [13] и «Лев Толстой и Пятигорье» [14], посвященных соответственно 150-летию и 160-летию со дня рождения великого писателя, Л.Н. Польский не пишет о своем методе поисков «Домика Толстого», но указывает на их отрицательный результат и выдвигает свою версию о его нахождении. Так, описывая «Толстовские места в Пятигорске» в последнем юбилейном буклете, он кратко указывает: «Дом № 252 на Кабардинской слободке находился под утесами Горячей горы, на Большой Георгиевской улице. Точное (современное) местонахождение этого дома пока не установлено. Предположительно, он находился на Теплосерной улице, вблизи моста через Подкумок». В этом же буклете приводился исторический рисунок Виктора Павловича Васина «Кабардинская слободка. Вид на Подкумок и Эльбрус», сделанный с дореволюционной открытки местности Кабардинской слободки у моста через Подкумок.

Тут следует упомянуть и так называемую горную «Тропу Толстого». По мнению местных краеведов молодой Лев Толстой ходил на лечебный «водопой» в небольшую деревянную Александровскую питьевую галерею (ныне – пустая площадка на лестнице, ниже скульптуры Орла) не вокруг Горячей горы, через Цветник, а взбирался по пологой дорожке на южном склоне Горячей горы, которая начинается ниже современной народной «Кабардинской купальни» под открытым небом, близ трамвайной остановки «Теплосерная». Наличие такой «Тропы Толстого» является

дополнительным аргументом в пользу расположения «Домика Толстого» на западном краю Кабардинской слободы.

5) К сожалению, поиски «Домика Толстого» другого видного пятигорского краеведа П.Н. Никитина нам ныне неизвестны, хотя этот человек в свое время в многочисленных статьях излагал очень своеобразные мнения и предположения по множеству самых различных краеведческих проблем. Но он ушел от нас, и поэтому о нем следует говорить «либо хорошо, либо ничего». Промолчим и мы.

6) Около 1998 г. я вместе с самым лучшим ныне пятигорским краеведом, Александрой Николаевной Коваленко, которая в свое время, с помощью документов архива ГАСК, точно определила местоположение дома доктора И.Е. Дроздова, лечившего Льва Толстого в 1852 г., также предприняли попытки найти «Домик Толстого».

В итоге мы пришли к выводу, что необходимо искать в архивах страны некую почтовую карту Пятигорска середины XIX века, на которой должны быть отмечены номера домовладений в различных кварталах Пятигорска, включая и Кабардинскую слободку. Я пытался найти подобную карту в РГИА (СПб) в почтовом департаменте МВД, а А.Н. Коваленко искала ее в ГАСКе (Ставрополь). Результат был отрицательный, так как следовало просмотреть очень большое количество описей и архивных дел в условиях ограниченного времени. А у нас его тогда не было.

7) По следам Л.Н. Польского и нашим следам пошел пятигорский журналист и краевед Вадим Александрович Хачиков. Из всех местных краеведов он, на мой взгляд, наиболее приблизился к решению этой «загадки века». В своей замечательной книге «Лев Толстой и Кавказские Воды», посвященной великому русскому писателю, он пишет: «Многие краеведы КМВ пытались отыскать самый важный из толстовских адресов в Пятигорске... Найти сегодня старинное домовладение № 252 на Кабардинке кажется абсолютно невозможным. Большинство краеведов лишь указывают, что жил Толстой у самого подножия горы Горячей и что якобы из его двора были видны снежные горы на горизонте. Но сам Л.Н. Толстой отнюдь не утверждал, что смотрел на горы из своего двора, он говорит лишь о том, что в городе Пятигорске «вдалеке всегда видны Большие Кавказские горы». Нет ничего по этому поводу и в его дневнике. Что же касается версии Л.Н. Польского о близости дома № 252 к мосту через Подкумок, то это очень даже вероятно. Только, скорее всего, этот дом стоял не на нынешней Теплосерной улице, а гораздо ниже, у самой реки (хотя сам Лев Толстой нигде и ничего не пишет о близости его домика к Подкумку – СБ). К этому выводу можно придти, сравнивая два известных плана Пятигорска – 1856 г. и 1900 г.

На плане, составленном в толстовское время (видимо, Хачиков имеет в виду план Ф.А. Баталина 1856 г., т.к. другие планы около 1850 г. неизвестны – СБ), подробно отмечены все домовладения на Кабардинке. Скрупулезный подсчет показывает, что их как раз около 250. А на плане (Пятигорской группы) 1900 г. указана (текущая) нумерация городских кварталов в районе Кабардинской слободки (и их взаимное расположение и последовательность – СБ), которая конечно же, существовала и в более ранние времена. Счет кварталов начинается с восточного края Кабардинской слободы и ведется от севера к югу. Последний квартал № 16 интересующего нас района, как раз и находится у самого Подкумка, вблизи нынешнего моста через него (т.к. в 1850-е гг. мост был переброшен в другом месте реки, ниже по течению). Именно там, на узкой немощенной улочке за забором из дикого, потемневшего от времени камня и может стоять нужный дом» [15].

Таким образом, В.А. Хачиков считал, что «Домик Толстого» в 1852–1853 гг. находился в квартале № 16 по плану Пятигорска 1900 г. Это самый нижний квартал слободки, который в современном виде представлен домовладениями и дачами на левом берегу Подкумка, ниже современного трамвайно-автомобильного моста.

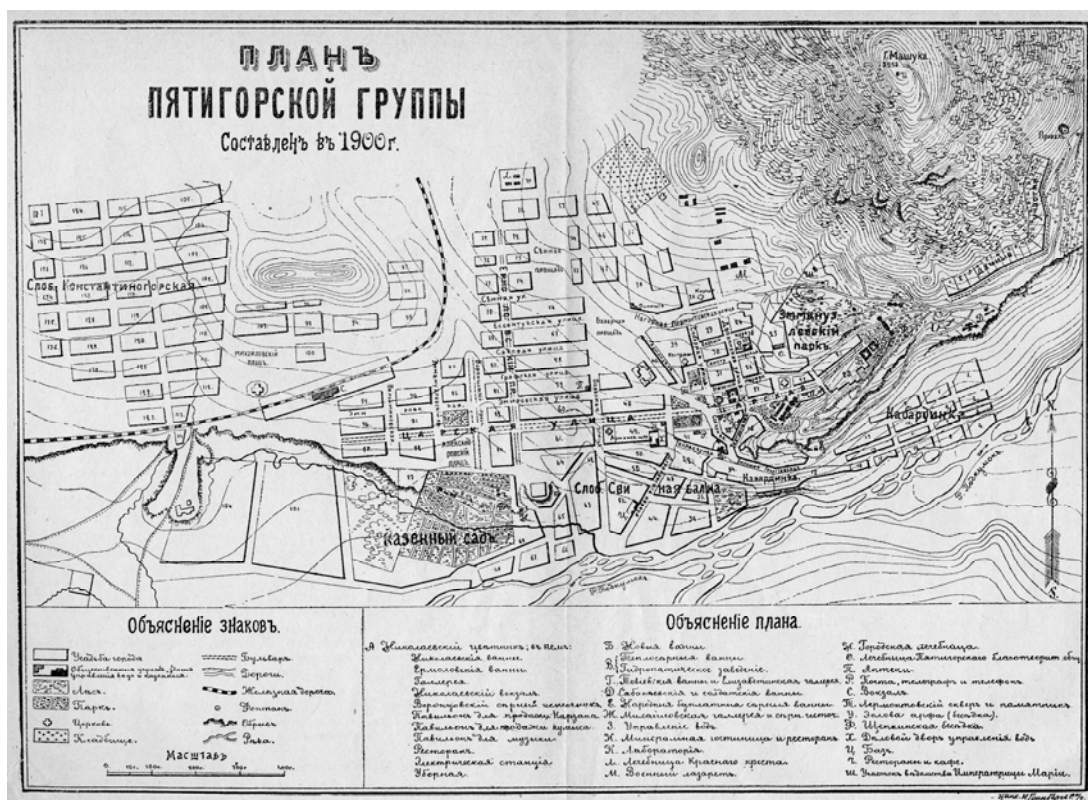

Рис.4. План Пятигорской группы 1900 г. (АСПЗ, С. 305)

Кстати, летом 1856 г. известный московский естествоиспытатель и составитель плана Пятигорска Федор Александрович Баталин также снимал жилье на Кабардинской слободке в доме некоего Ременникова, согласно указанию местоположения его барометра летом 1856 г. в книге Ф.А. Баталина [16].

Кроме этого, Баталин подробно описывает типичные домики в Кабардинской слободке: «Вообще в Пятигорске (1856 г.) удобных квартир, т.е. таких, которые бы достаточно обеспечивали больных от сквозного ветра, дождя и сырости – весьма немного. Из 500 с лишним имевшихся тогда в Пятигорске домов большая часть сделана из турлука (каменных насчитывалось менее четверти). Турлучные дома преобладали и в Кабардинской слободке» [17].

8) Также существует версия анонимного краеведа. Журналист В.А. Хачиков в своей недавней книге «Дорогие гости Кавказских вод: Пушкин, Лермонтов, Толстой», отчего-то не повторил свою интересную и логичную версию о приблизительном нахождении «Домика Толстого», основанную на сопоставлении двух планов Кабардинской слободки, 1856 и 1900 гг. Вместо этого он написал следующее: «А.Б. Модылевский считает, что «Домик Толстого» стоял на усадьбе, имеющей ныне адрес Теплосерная, дом № 35» [18].

Этот двухэтажный каменный дом находится на склоне Горячей горы, на северной стороне Теплосерной улицы, у самого пересечения трамвайных линий, идущих в Горячеводск и на Мясокомбинат. Правда, при этом В.А. Хачиков не указал конкретно, чье это мнение. Таким образом, эта последняя версия, без указания автора и методики поисков «ДТП» пока остается анонимной.

9) А вот еще одна версия, а точнее неопубликованная быль. Около пяти лет тому назад довоенный уроженец Кабардинской слободы, бывший физик-ядерщик Августин Иванович Сибилев (ныне покойный), живший в Петергофе, в частной беседе рассказывал мне следующее воспоминание. Будучи подростком и живя на «Кабардинке», он однажды узнал о некоем доме в этой местности, недалеко от трамвайного моста через Подкумок, где в самой большой комнате на стене висел

большой портрет Льва Толстого (один или несколько), а на книжной полке стояли исключительно напечатанные произведения писателя. Хозяин дома (бывший кузнец) некогда говорил ему, что, по рассказам его предков, в этом домовладении и жил Л.Н. Толстой в середине XIX века (1852-1853), и поэтому они создали своеобразный частный домашний музей великого писателя. А может быть, в этом доме на Кабардинке жили так называемые «толстовцы» – последователи духовного учения Льва Николаевича.

Рис.5. Рисунок Васина В.П. «Кабардинская слободка. Вид на Подкумок и Эльбрус». Фонды ПКМ НВФ 16032/9

К большому сожалению, я во время этой беседы не записал хотя бы приблизительного адреса этого «толстовского дома», так как сомневался в точности этого детского воспоминания старого петергофского физика.

10) И, наконец, моя собственная версия. Исследуя историю Кабардинской слободы по старинным картам и различным документам, внимательно изучая жизнь Льва Толстого в Пятигорске, читая его дневники и кавказские рассказы, а также воспоминания и записки его современников, которые жили и писали о Кабардинской слободке, на основе косвенных фактов я постепенно выработал свою версию, которую продолжаю развивать и поныне. Я полагаю, что домовладение № 252 с «Домиком Толстого» находилось на южной стороне современной Теплосерной улицы (между нынешними домами №№ 62-86), около Горячеводского трамвайного спуска. Это был хозяйский дом, обращенный северным фасадом с воротами на Горячую гору, а его садик с пасекой и флигелем находился ниже хозяйского дома и был обращен в сторону реки Подкумок и станицы Горячеводской. Но пока это всего лишь предположение.

Подводя итоги, можно сказать, что «отрицательный результат – это тоже результат». Очевидно, что поиски «Домика Толстого» будут продолжаться и рано или поздно увенчаются успехом, так как «все тайное со временем становится явным».

В заключение хотелось бы рассказать об еще одном интересном предложении краеведа В.А. Хачикова. В указанной книге он писал: «Где-то на нынешней Кабардинке, за забором из дикого, потемневшего от времени, машукского камня до сих пор стоит нужный дом («Домик Толстого» – СБ). Правда, узнать его с первого взгляда нелегко – сегодня не увидишь камышовой или соломенной кровли и побеленных саманных стен. Нынешние дома выглядят иначе. Но и в таком виде старинные строения сразу же выдают себя отсутствием фундаментов, маленькими подслеповатыми оконцами, кривоватыми дверями. При большом желании можно было бы

провести их архитектурную экспертизу. Можно просто взять и реконструировать один из таких домиков, как это было сделано с Домиком Лермонтова (т.е. побелить стены, сделать камышовую крышу, воссоздать музейный интерьер двух комнат дворового флигеля). Думается, что поклонники таланта Льва Толстого, курортники и гости города, студенты и школьники, с большим интересом и пользой осматривали бы этот домик, знакомясь с жизнью и творчеством великого писателя...» (19).

Отчасти это пожелание В.А. Хачикова уже реализовано. В Железноводске, в историческом здании бывшей станции почтовых дилижансов, построенной в 1875 г. в 2008 г. был основан, а в 2016 г. открылся небольшой музей (или культурный центр), посвященный пребыванию Л.Н. Толстого на Кавказе и на курортах КМВ, в том числе и на Железноводском. Этот «Культурный центр имени Л.Н. Толстого» (ул. Ленина, д. 9) является железноводским филиалом известного государственного музея Л.Н. Толстого в Москве, на Пречистенке. Этот железноводский музей Л.Н. Толстого привлекает толстововедов, как местных, так и со всей России, а также поклонников творчества этого великого русского писателя и мыслителя.

Использованная литература и источники:

1. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 277-477.
2. Толстой Л.Н. Дневники 1847-1854 годов. // Лев Толстой. ПСС. Т. 46. – М., 1992.
3. Зеленецкий К.П. КМВ в 1852 году // Москвитянин. 1853. Т. 2. № 6. – С. 41-70.
4. Боглачев С.В. Архитектура Старого Пятигорска. 3-е изд. – Пятигорск, 2012. - С. 36-37
5. Хамар-Дабанов (Е.Лачинова). Прodelки на Кавказе. – Ставрополь, 1986.
6. Пятигорская Правда. 1998. 19.09. - С.4
7. Павлов Д.М. Пребывание и лечение Л.Н. Толстого на КМВ. 1928. (машинописная рукопись) / РГАЛИ.
8. Розенфельд Б.М. Малоизвестный Кисловодск: сборник очерков. - М., 2008.
9. Семенов Л.П. Лев Толстой и Кавказ // Кавказ и Лев Толстой. – Владикавказ . 1928.
10. Оленин Н. Лев Толстой в Пятигорске // Северо-Кавказский большевик. 1935. 21 11.
11. Недумов С.И. Выписки из архивов Управления КМВ и ГАСК // Тетради С.И. Недумова. Фонды ГМЗ «Домик Лермонтова».
12. Польские Л.Н. и Е.Б., Розенфельд Б.М. «И звезда с звездой говорит...» - Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1980.
13. Польские Л.Н. и Е.Б. Лев Толстой в Пятигорске. – Пятигорск, 1978.
14. Польские Л.Н. и Е.Б. Лев Толстой и Пятигорье. – Пятигорск, 1989. – С. 5, 9.
15. Хачиков В.А. «Действительно хорош этот край...» (или Лев Толстой и Кавказские Воды). – Пятигорск, 2008.
16. Баталин Ф.А. Пятигорский край и Кавказские Минеральные Воды. - СПб., 1861. Ч. 2. – С. 84-90.
17. Баталин Ф.А. Указ. Соч. – С.37.
18. Модылевский А.Б. Исторический Пятигорск. Все тайны старинной улицы. - Пятигорск, 2011. - С. 87-90
19. Хачиков В.А. Дорогие гости Кавказских вод: Пушкин, Лермонтов, Толстой. Пятигорск, 2015.

Примечание редакции: сотрудники ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей» в 2016 г. (с февраля по июль) разработали и реализовали выставочный проект «Пятигорск, видевший Льва Толстого. Обстоятельная и содержательная выставка была подготовлена усилиями ведущего методиста Л.Ф. Чегутаевой и научного сотрудника О.А. Поляковой. Представлялась в ней и тема местонахождения «Домика Толстого». Выставочные материалы в определенной мере перекликаются с содержанием доклада С.В. Боглачева, хотя они, в основном, готовились автономно. Выставка ПКМ работала в Пятигорске и в Москве в Государственном музее Л.Н. Толстого. В 2017 г. в доработанном виде вновь экспонировалась в Пятигорском музее.

Эволюция взглядов донского командного состава на лечение на Кавказских Минеральных водах в 1801–1813 гг.

Как это не покажется странным, курортный район Кавказских Минеральных Вод не воспринимался верхушкой Войска Донского как место, где можно поправить свое здоровье. Скорее, наоборот, здесь виделся рассадник болезней. Константиногорская крепость, бывшая в конце XVIII – начале XIX вв. штаб-квартирой походных атаманов донцов на Кавказской линии, стояла у слияния рек Золотушки и Подкумка, где образовались значительные болота, рассадники малярии, осушенные только в советский период [1]. Данная болезнь была настоящим бедствием для русских войск в начале XIX в. [2]. В памяти донцов, как рядовых, так и командиров, Кавказ был «распроклятою сторонушкой», что отразилось в их походных песнях...

Но долг и присяга вынуждали их находиться на Линии, охраняя границу России. Личный опыт донских походных атаманов, связанный с пребыванием в Константиногорской крепости, был весьма негативен. Малярия их всех быстро изгоняла из назначенной для них командованием ставки.

Генерал-лейтенант Н.В. Иловайский 5-й (будущий герой Отечественной войны 1812 г.) пробыл в крепости всего 2,5 месяца, заболел и был уволен в отставку 5 октября 1799 г... Его полк, оставшийся на месте, принял нового командира и походного атамана, генерал-майора Н.П. Кульбакова 1-го, только 19 декабря 1799 г. Но и он длительное время из положенной 3-летней службы («термина»), находился не на Линии, а на Дону, прикрываясь тем, что болен. Следующий походный атаман, полковник И.И. Кошкин 1-й, прибыл в Константиногорск со своим полком 4 мая 1802 г., но тоже стал болеть сразу по прибытии на место и начал писать рапорты об отставке, причем собирался лечиться только на Дону [3]. Необходимо отметить, что каждый из вышеупомянутых походных атаманов действительно был излечен по месту жительства усилиями штаб-лекарей, служивших на Дону, которые применяли микстуры и различные настои из местных трав и растений.

Осенью 1804 г. полковника И.И. Кошкина сменил со своим полком полковник В.А. Быхалов 1-й. Кавказские реалии его не здорово удивили, т.к. это была его вторая служба на Линии (первый раз в 1799–1802 гг. командовал полком, подчиняясь Н.П. Кульбакову 1-му – А.З.). К малярии он относился спокойно, зато отличился во многих боях и экспедициях и был награжден в 1804 г. орденом Св. Владимира 4-й степени, а в 1807 г. – Св. Анны 2-го класса [4].

Но именно на его атаманство приходится появление на Линии второй напасти, одолевавшей русские войска в это время: в 1804 г. начинается эпидемия чумы, длившаяся по мнению З.Б. Кипкеевой до 1816 г. [5]. Начавшись в «Бештовых аулах», она, по документам 1804–1806 гг., в полк Быхалова 1-го не проникла, а явилась туда после экспедиции в Чечню 1807 г., когда донцы в качестве трофеев захватили много заразных бурок. Из-за этого полк походного атамана попал в карантин на Горячей горе, причем лично Василия Андреевича волновала не столько чума, сколько ранение пулей в большой палец левой ноги 24 февраля 1807 г. в бою у реки Валерик, за отличие в котором он и был награжден орденом Св. Анны 2-го класса [6]. Конечно, были и перевязки, и смазывание раны в полковом лазарете 16-го Егерского полка, т.к. лекаря в казачьем полку в то время по штату не было, но это не успокаивало...

У нас нет документов по этому поводу, но события могли развиваться следующим образом. Казаки из разговоров с гарнизонными солдатами знали о целебных свойствах серных источников Горячей горы, испробовали ее на своих ранах и

увидели, что те быстро затягиваются. Они подвигли своего командира к личному испытанию действия ванн на его ране, что дало блестящие результаты: рана затянулась. Это дало ему возможность в 1812–1814 гг. стать участником многих кавалерийских боев с французами и поляками и кавалером орденов Св. Георгия 4-го класса и Св. Владимира 3-й ст., чего бы не было без этой вонючей водички! Эпидемия чумы резко сократила приезд посетителей на Воды, что обеспечило «спокойное» принятие этих ванн, бывших тогда еще «дикими», личным составом полка.

Казачи и сам В.А. Быхалов 1-й, просидев в карантине с весны 1807 по весну 1808 г., привели себя в порядок, надышались свежим горным воздухом, залечили свои раны и очистились от чумы. Однако командование к тому времени вывело штаб-квартиру полка за линию крепостных сооружений. Новое ее место обозначено на фрагменте карты Пятигорья, составленной доктором Г.Б. Киммелем летом 1811 г. (буква «с» – А.З.) [7].

Посетители не спешили сделать массовый заезд: в течение сезона 1809 г. на Кавминводах побывало всего 96 человек [8]. Они были правы, т.к. летом начался новый натиск чумы. Полк Быхалова 1-го снова был направлен в карантин, обозначенный на плане Г.Б. Киммеля буквой «d», пробыв там до ноября 1809 г. Полк нового походного атамана, полковника Г.В. Грекова 8-го, в санитарных целях в Константиногорскую крепость не вошел, а расположил свою штаб-квартиру у Усть-Барсуковского редута, заняв кордон от Невинномысского поста до Прочноокопской крепости. А быхаловцев в составе гарнизона Константиногорска сменил полк войскового старшины Агеева 3-го лишь в августе 1809 г., заняв их штаб-квартиру, обозначенную на карте Г.Б. Киммеля буквой «с» [9].

Нападения горцев на Константиногорск в 1810 г. сделали неудачным и лечебный сезон 1811 г. Тем не менее, благодаря рассказам В.А. Быхалова 1-го, вернувшегося на Дон в декабре 1809 г., и его казаков, на Дону наблюдается обратное явление: вместо того, чтобы с Кавказа ехать лечиться на Дон, люди начинают с Дона устремляться на Кавминводы. Одним из первых в этом ряду был генерал-майор А.К. Денисов 6-й, знаменитый походный атаман донцов в Итальянском и Швейцарском походах А.В. Суворова, прославившийся также в боях с французами в 1807 г. и турками в 1809–1810 гг. О его пребывании на Водах есть упоминание в «Записках», зафиксированных с его слов А.Н. Чеботаревым: «В 1812 году Денисов поехал пользоваться Кавказскими Минеральными водами, где принимал горячие ванны и пил воду, но среди лечения получил повеление принять должность наказного атамана и управлять Войском. Тем не менее, он продолжал лечение водами, как вдруг получил два известия: одно – об обстановке дел в Войсковой Канцелярии, другое о вторжении Наполеона в Россию. Тогда Денисов немедленно отправился в Новочеркасск...» [10].

Отзвуки войны с Наполеоном достигли и Пятигорья. В 1813 г. в Кавказской губернии были собраны пожертвования и устроена у Константиногорска гостиница «для пристанища раненых на брани за Отечество воинов» [11].

Раненые воины не замедлили появиться: одним из первых это сделал генерал-майор В.А. Сысоев 3-й, герой Отечественной войны 1812 г., Всемиловнейше уволенный из действующей армии для лечения ран и нервов к Кавказским Минеральным водам [12]. Результаты лечения были впечатляющими: помимо излечения боевых ран он решил еще и проблему деторождения, ибо женившись еще в 1808 г., из-за своих ранений, три из которых были в голову, не мог добиться рождения ребенка. И вот в 1813 г. у него родился сын [13]. В таком исходе длительно стоявшей перед героем проблемы видно благотворное действие лечения пятигорскими водами!

Можно сделать вывод, что взгляды донской войсковой верхушки на лечение в районе Кавминвод за первые 13 лет XIX в. коренным образом изменились от ярого неприятия до горячего адептирования, да притом такого, что более последовательных поклонников Пятигорья по прошествии времени и невозможно было найти.

Использованная литература и источники:

1. Фоменко В.А. Константиногорская крепость (исторический очерк). / Под ред. Ю.Ю. Клычникова. – Пятигорск. 2006. – С. 16.
2. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. – М. 1960. – С. 302-303.
3. Захаревич А.В. Донские казаки в боях с горцами на Северном Кавказе на начальной фазе оборонительного периода Кавказской войны (1801–1804 гг.). – Ростов-на-Дону: РГПУ, 2005. – С. 69-91, 122, 151.
4. Захаревич А.В. Походный атаман донских казаков на Кавказской линии в 1804–1809 гг., полковник Василий Андреевич Быхалов 1-й – забытый герой Кавказа. // Кавказская война: символы, образы, стереотипы (к 150-летию со дня окончания). Сб. научных статей. – Краснодар, 2015. – С. 233.
5. Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. – Ставрополь. СГПУ. 2008. – С. 176.
6. Захаревич А.В. Походный атаман донских казаков... - С. 236.
7. Савенко С.Н. Воинское участие в основании и раннем развитии Пятигорска. Страницы боевой славы второй половины XVIII – начала XIX вв. // Воинская слава Пятигорска. Очерки истории. / Под общ. ред. С.И. Линца. – Пятигорск. 2015. – С. 22–23.
8. Полякова О.А. Чегутаева Л.Ф. Летопись города-курорта Пятигорск. Раздел 1. Музейное справочное научно-методическое иллюстрированное издание. – Пятигорск: ПКМ, 2012. – С. 28.
9. Захаревич А.В. Когда же Донской полк войскового старшины Агеева 3-го стал составной частью гарнизона Константиногорской крепости в 1809 году? // Первый Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов. Материалы заседаний 11–12 ноября 2014 г. – Ставрополь. 2015. – С. 122–123.
10. Денисов А.К. Записки донского атамана Денисова. Серия «Литературные памятники казачества». – СПб: ВИРД, 1999. – С. 184.
11. Полякова О.А. Чегутаева Л.Ф. Летопись... - С. 32.
12. Сысоев (3-й) Василий Алексеевич. // Донцы XIX века. – Ростов-на-Дону. «NB». 2003. – С. 464.
13. Захаревич А.В. Генерал-лейтенант Войска Донского Василий Алексеевич Сысоев – герой войн России первой трети XIX века. // Рубикон. Вып. 61. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2012. – С. 34.

Карибов Г.Г.
(г. Буденновск)

Карибова Розалия Степановна и ее книга «До свиданья, Пятигорск!»

В июне 2016 г. издательство из Екатеринбурга «Издательские решения» выпустило в свет повесть Р.С. Карибовой «До свиданья, Пятигорск!» [1]. Ко дню выхода книги со дня скоростной смерти автора прошло немногим более 40 дней.

К изданию книгу подготовил сын Розалии Степановны Георгий, который сделал это в память о своей маме [2].

Замысел книги возник у автора еще в 2004 году, тогда же появилась и ее рукопись, но при жизни эту книгу издать не довелось. «До свиданья, Пятигорск!» – это первая книга Розалии Степановны как по времени написания, так и первая из официально опубликованных.

Помимо разного рода статей на профсоюзно-производственную тематику в местной прессе, при жизни ей довелось увидеть опубликованным только один ее

рассказ, который она написала в память о своей бабушке Маркрит (Маргарите) Азнаурян – маминой маме [3]. Этот же рассказ был перепечатан в день смерти Розалии Степановны, 29 апреля 2016 г. Святокрестовским информационным агентством Budennovs.org, теперь уже в память о самой Розалии [4].

Итак, почему первая ее книга получила название «До свиданья, Пятигорск!»? Ответ на этот вопрос мы получим, если обратимся к биографии автора. Р.С. Карибова (в девичестве Шихлярова) родилась в 1947 году, 4 октября в городе Пятигорске. Но так как родители Розалии жили на правом берегу реки Подкумок, в поселке Свободы, который теперь является частью города Пятигорска [5], то в ее свидетельстве о рождении, в графе «Место рождения» так и записали «пос. Свободы Пятигорского района» [2].

80-страничная повесть «До свиданья, Пятигорск!» состоит из 22 рассказов-глав, которые предваряет небольшое предисловие автора. Кроме того, книга содержит 25 фотографий, 16 из которых сделаны в городе Пятигорске в 1949–1952 гг. [1].

Глава «Первые впечатления» переносит нас в Пятигорск 1951 г., и читатель сразу же оказывается на углу улицы Энгельса и проспекта Калинина, в компании главной героини, продавщицы мороженого и старушки, продававшей семечки. Мы узнаём главную мечту маленькой героини – делать взрослые поступки: перейти на другую сторону оживленного проспекта Калинина. И ей почти удается совершить такой поступок. Появившаяся колонна солдат дает возможность ребенку сначала выбежать на дорогу, а потом и промаршировать вместе с солдатами до моста через Подкумок.

Глава «Таинственная покупка» знакомит нас с бытом семьи Шихляровых, которая на тот момент состояла из четырех человек: помимо папы Степана и мамы Валентины (Азниф) у Розалии была младшая сестрѐнка Галина. «Их дом состоял из одной большой комнаты и сеней. В сенях стоял стол с примусом, где мама готовила обед, и узкая кровать, под которой была яма типа подвала для хранения картошки. В комнате было одно большое окно, две кровати, стол и печка, которую топили зимой. Напротив ворот был большой деревянный забор» [1]. Зеркальный шкаф существенно украсил небогатое убранство их дома.

Из главы «Утенки» становится ясно, что далеко не у всех детей Пятигорска в то время были игрушки, с которыми можно было бы поплавать или которые можно было пустить в плавь в тазике, наполненном водой.

Глава «Тетя Поля» знакомит читателя с инициативной, доброй и любящей воспитательницей, теплота души которой так понравилась детям, что маленькая героиня повести запомнила ее на всю жизнь.

В главе «Каштанка» мы становимся свидетелями детских игр и забав, узнаём, как выглядел типичный пятигорский дворик в середине XX века.

Глава «Соседи» рисует панораму окружения семьи Шихляровых, рассказывает об отношениях между жителями Пятигорска, об их судьбах.

В главе «Сережки» мы узнаём, как в старом Пятигорске маленьким девочкам прокалывали ушки для этих ювелирных украшений и какие опасности их во время этой процедуры и после нее могли ожидать.

Опускаться легко, а подниматься – тяжело. Таков главный философский вывод, который сделала для себя маленькая героиня в главе «Овраг».

Глава «Первая самостоятельная покупка» расскажет о том, как маленькая героиня, в попытке сделать «взрослый» поступок, впервые столкнулась с неискренностью и лживостью, проявленными взрослым человеком на пятигорской улице.

В главе «Мамина работа» читатель вместе с Розочкой и ее сестренкой Галиной отправляются на работу к маме Валентине (Азниф) в пятигорскую контору «Главсоль».

Глава «Самостоятельные вечера под замком» расскажет читателям о том, как проводили время пятигорские дети, когда не было возможности посещать детский сад.

Из главы «Козленок» мы узнаём, как отец главной героини повести помогал ей и ее сестре заботиться о домашних животных, а также об изменениях, которые произошли в жизни семьи – мама перешла на другую работу: «Она стала работать кассиром в парикмахерской и учиться делать маникюр, чтобы получить профессию маникюриши» [1].

Папа Розалии и Галины был инвалидом Великой Отечественной войны, и ему предоставили два места в городском льготном благоустроенном детском саду. О том, что собой представлял этот детский садик, в который стали ходить сёстры, мы узнаём из главы «Новый детский сад».

Пятигорск – город гостеприимный, а семья Шихляровых – хлебосольная. Некоторые родственники в эти годы побывали в гостях в их уютном маленьком домике. Об этих родственниках идёт речь в главе «Родственники».

Главное место действия повести – это, конечно, домик, в котором жила семья Шихляровых. Его описанию и рассказу о его истории посвящена глава «Дом, в котором мы жили».

Крайне интересным и познавательным нам представляется описание Верхнего рынка Пятигорска. О том, каким он был в начале 50-х гг. XX в. читатель получит информацию из главы «Верхний рынок».

В главе «Небольшие хитрости» перед нами предстают картины внутренней жизни пятигорского детского сада, которые обычно скрыты от глаз взрослых. Также в этой главе нас ждет рассказ об истории первой любви двух маленьких пятигорчан.

Главы «Поездка в Буденновск» и «Верочкина свадьба» готовят нас к тому, что главные героини повести и ее семья скоро должны покинуть Пятигорск.

В главе «Осколок» читателей ждет потрясающий по теплоте и пронзительности рассказ об отце и маме Розалии, о Степане, который, до конца жизни носил в своем теле «память» о войне – осколки фашистского снаряда, и Валентине (Азниф) которая поддерживала своего мужа до конца его дней, а так же об их друзьях и соседях. Автор повести еще раз обратилась к этой теме, чтобы подчеркнуть драматизм расставания с Пятигорском, с домом, который стал родным, в котором она появилась на свет. Рушился привычный девочке мир, начиналась новая жизнь, в которую ее очень скоро должен был отвезти поезд «Минеральные Воды – Буденновск». Тогда еще никто не знал, что спустя годы из осколков воспоминаний всех членов семьи Шихляровых черноглазая девочка с косичками, заплетенными атласной лентой [1], бегавшая по улицам послевоенного Пятигорска, расскажет своим потомкам да и всем читателям историю своего раннего детства.

Глава «Новогодний праздник», несмотря на веселое название, оставляет осадок грусти и печали. В ней рассказывается о последней Новогодней елке автора повести в Пятигорске. Она была в костюме бусинки, который украшал маленький колокольчик. «Динь-дзинь» - звенел колокольчик, как бы напоминая Розалии, что время жизни в Пятигорске подходит к концу.

Так и случилось. «Ранней весной 1953 г., когда снег еще не растаял, они собрали свои вещи и поехали в Буденновск, где жили бабушка Маргарита, мамина мама и родители отца, – дедушка Егор и бабушка Парандзе (Пелагея). Вся округа пришла провожать любимых соседей, к которым так привыкли.

Впереди для всех членов семьи открывалось новое, неизведанное, и как сложится жизнь каждого из них, никто пока не знал...[1].

До свиданья, Пятигорск!» - такими словами завершает свое повествование автор. В каждой строчке этой автобиографической повести чувствуется свежее дыха-

ние невинного детства, от каждой исходит тепло и свет молодого и лучистого пятигорского солнца. Интерес к повести Розалии Карибовой «До свиданья, Пятигорск!» проявили ведущие операторы, занимающиеся продажей товаров через сеть Интернет. Так, в частности, электронную книгу можно купить на сайте ведущей американской компании Амазон, крупнейшей в мире по обороту среди продающих товары и услуги через Интернет [6].

Если Амазон продает книгу за доллары, то покупатель, располагающий рублями, может приобрести для себя электронную версию этой повести за рубли на сайте ЛитРес [7]. Книга предлагается в 13 различных форматах, таких, как fb2, txt, epub, pdf, что делает её доступной для чтения на самых разных платформах: обычных компьютерах, планшетах, смартфонах и т.д. ЛитРес – это ведущий дистрибьютор и продавец лицензионных электронных книг в России и странах СНГ.

Наконец, помимо электронной книги, классическую, то есть «бумажную» версию повести можно приобрести на сайте крупного российского интернет-магазина Ozon.ru [8]. Отметим, что на всех этих ресурсах, предлагающих книгу широкому кругу читателей, можно ознакомиться с фрагментом повести.

Повесть «До свиданья, Пятигорск!» - это многомерный рассказ о послевоенном Пятигорске, который, спустя годы, поведала нам юная тогда пятигорчанка. Она рассказала о своем раннем детстве, о своей семье. В небольших главах-рассказах перед читателями предстает целая галерея людей того времени: соседей, воспитателей, продавцов, прохожих, солдат, которые встречались маленькой героине повести на улицах, во дворах и домах города.

Через тонкие, замечаемые только детьми детали, перед внутренним взором читателя вырисовывается целостная картина трудной, но очень интересной жизни послевоенного города.

Книга «До свиданья, Пятигорск!» будет особенно интересна тем, кто изучает историю Ставропольского края, Кавказских Минеральных Вод и города Пятигорска.

По договору от 04 октября 2016 г. один экземпляр повести «До свиданья, Пятигорск!» передан сыном автора Георгием Карибовым в дар Пятигорскому краеведческому музею.

Вот так символично вернулась Розалия Степановна Карибова на свою малую Родину, в город, в котором она когда-то появилась на свет. И после этого как можно не воскликнуть радостно: «Здравствуй, Пятигорск!»?

Использованная литература и источники:

1. Карибова Р.С., До свиданья, Пятигорск!, ISBN 978-5-4474-8964-9, повесть, - Екатеринбург: «Издательские решения», 2016.
2. Карибов Г.Г. Карибова Розалия Степановна: жизнь, смерть и бессмертие. // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. 2016. № 8-2. - С. 137-144.;
3. Карибова Р.С. Маркрит Азнаурян из Ардвина. Портал «Ардвин и Ардвинцы», URL: http://ardvin.do.am/publ/ljudi_i_sudby/markrit_aznaurjan_iz_ardvina/6-1-0-16 [Электронный ресурс], (дата обращения: 04.10.2016);
4. Карибова Р.С. Маркрит Азнаурян из Ардвина. Святокрестовское информационное агентство Budenkovsk.org, URL: <http://budenkovsk.org/?p=122023> [Электронный ресурс], (дата обращения: 04.10.2016);
5. Устав муниципального образования города-курорта Пятигорска, URL: <http://static.pyatigorsk.org/downloads/duma/ustav-munitsipalnogo-obrazovaniya-goroda-kurorta-pyatigorska-prinyat-dumoi-goroda-pyatigorska-31-yanvarya-2008-goda-reshenie-5-26-gd-redaktsiya-ot-24-aprelya-2014-goda-12-39-rd.pdf> [Электронный ресурс], (дата обращения: 04.08.2016);
6. Карибова Р.С. До свиданья, Пятигорск!: Воспоминания маленькой девочки о жизни в послевоенном городе (Russian Edition) URL: <https://www.amazon.com/dp/B01GSEA4HU> (дата обращения: 04.10.2016);

7. Карибова Р.С. До свиданья, Пятигорск!: Воспоминания маленькой девочки о жизни в послевоенном городе. URL: <https://www.litres.ru/rozaliya-stepanovna-karibova/do-vidanya-pyatigorsk-vospominaniya-malenkoy-devochki-o-zhizni-v-poslevoennom-gorode/> (дата обращения: 04.10.2016);
8. Карибова Р.С. До свиданья, Пятигорск!, URL: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/136833704/> (дата обращения: 04.10.2016);

Чагаева Е.Ю.
(г. Пятигорск)

Евгений Алексеевич Колчин – уроженец Пятигорска, первый хранитель музея Московской консерватории

Евгений Алексеевич Колчин – уроженец Пятигорска, человек неординарный, безусловно талантливый и разносторонний: скрипач, альтист, педагог, музыкальный деятель, фотограф, профессор Московской консерватории, один из основателей и первый хранитель ее музея.

Родился Е.А. Колчин в 1862 году в Пятигорске. Пока не удалось проследить в деталях его родословие, известно лишь, что в Пятигорском некрополе имеются два захоронения Колчиных: отставного титулярного советника Петра Михайловича Колчина, 65 лет, скончавшегося 23 августа 1854 года, и отставного надворного советника Константина Петровича Колчина, 68 лет, скончавшегося 3 августа 1889 года. [1] Выяснилось также, что в 1820-х гг. Колчиным был выделен участок под домовладение (на углу нынешних улиц Соборной и Буачидзе, напротив домика Алябьева), обозначенный на плане Горячеводска, составленном братьями Бернардацци, под № 34 (в пояснении к плану – дом чиновника Колчина). Таким образом, семью Колчиных можно считать одними из первых жителей Горячих вод.

Детство и юность Евгений Алексеевич провел в Тифлисе и Владикавказе. Любопытно отметить, что с середины 1860-х гг. в Тифлисе жил и работал живописец, рисовальщик, фотограф Петр Петрович Колчин (1838 – вторая половина 1890-х гг.), основавший вместе с Д.И. Ермаковым фотографическую мастерскую «Фотография художника Колчина и Ермакова». [2] Можно предположить, что П.П. Колчин приходился Е.А. Колчину родным дядей.

В 1887 г. Е.А. Колчин окончил Петербургскую консерваторию по классу скрипки П.А. Краснокутского. Девять лет после окончания консерватории преподавал в Тифлисском музыкальном училище. Очевидно, в этот период Е.А. Колчин познакомился с Михаилом Михайловичем Ипполитовым-Ивановым, который с 1882 по 1893 гг. жил в Тифлисе, был руководителем основанного им отделения Русского музыкального общества, оперно-симфоническим дирижером, преподавал в музыкальном училище.

В 1897–1899 гг. Колчин играл в оперном оркестре Большого театра в Москве. Затем служил капельмейстером оркестра Терского казачьего войска во Владикавказе. С 1902 г. играл в оркестре Частной русской оперы С.И. Мамонтова, позже – Оперы С.И. Зимина. Был товарищем председателя Общества взаимопомощи оркестровых музыкантов.

В 1908 г. Евгений Алексеевич Колчин поступает в библиотеку Московской консерватории на должность библиотекаря. При нем происходят некоторые изменения в работе библиотеки: увеличивается число работников, вводится упрощенная номерная расстановка нот на полках, вводятся новые правила пользования библиотекой. Помимо педагогов и учащихся консерватории, библиотекой пользуется концертная организация Русского музыкального общества, библиотека стала удовлетворять не только учебные, но и исполнительские запросы. Основным направлением

ем ее деятельности стало пополнение фонда произведениями русских и зарубежных композиторов. На посту библиотекаря Колчин оставался до 1914 года. [3].

М.М. Ипполитов-Иванов и Е.А. Колчин в имении «Веселое». Фото 1890х гг. 17x12 (18413). ГЦММК. Поз. № 380/IV. [4]

В 1909 г. в составе оркестра Колчин участвует в «Русских сезонах» С.П. Дягилева в Париже. И примерно в это же время по приглашению М.М. Ипполитова-Иванова, директора (1906–1918) и первого советского ректора (1919–1922) Московской консерватории, становится создателем и первым хранителем и заведующим Музея им. Н.Г. Рубинштейна Московской консерватории.

По рисункам и чертежам Евгения Алексеевича было изготовлено оборудование и витрины, подобраны материалы и построена музейная экспозиция. Целью музея, по замыслу его устроителей, становится научно-образовательная деятельность по распространению музыкальной культуры и хранение уникальных музыкальных экспонатов и документов. Имя Николая Григорьевича Рубинштейна было присвоено музею в память об основателе и первом директоре Московской консерватории.

В 1914–1922 гг. Е.А. Колчин, наряду с заведованием музеем, был инспектором Московской консерватории и снова проявил себя как тактичный, умный и способный администратор.

Во время Октябрьского вооруженного восстания в 1917 году здание консерватории пострадало, из-за перестрелки стекла в окнах и витринах музея были разбиты, и доступ в него посетителей пришлось прекратить. Совнарком своим Декретом от 12 июля 1918 года передал Московскую консерваторию и ее Музей в ведение Наркомпроса. В эти крайне тяжелые для консерватории и ее музея годы Е.А. Колчин состоял членом Хозяйственного комитета консерватории, некоторое время занимал должность помощника директора. В 1922–1930 гг. вел в консерватории обязательный класс альты. В разные годы его учениками были Вадим Васильевич Борисовский (основатель отечественной альтовой школы), Лев Моисеевич Цейтлин. Одновременно преподавал в Музыкальном училище при Московской консерватории. В 1919–1922 гг. работал в Черкизовском музыкальном техникуме. С 1922 г. шесть лет играл в оркестре МХАТа.

В начале 1930-х годов музей переживал очень тяжелые времена. Сначала его фонды и имущество по распоряжению помощника ректора по хозяйственной части были перенесены в фойе первого амфитеатра Большого зала Консерватории и оставлены в фойе без присмотра. Многие при этом было безвозвратно утрачено. Е.А. Колчин сумел все же собрать сохранившиеся сокровища и воссоздать Музей на новом месте. Затем руководство консерватории попыталось лишить ее своего Музея. Отстояли его учащиеся Композиторского факультета.

В 1938 году директором музея становится Екатерина Николаевна Алексеева, певица, солистка Большого театра, музыковед, заместитель директора Научно-исследовательского института при Московской консерватории, а Е.А. Колчин остался хранителем оборудования и консультантом.

Скончался Евгений Алексеевич в 1952 году, отдав служению Московской консерватории более 30 лет жизни.

Много лет Е.А. Колчин увлекался фотосъемкой и достиг, по всей видимости, на этом поприще немалых успехов, так как с 1909 г. являлся действительным членом Русского фотографического общества, в 1912–1915 гг. – кандидатом в члены его правления. В фондах Музея Московской консерватории хранятся фотографии и негативы, в том числе снимок С.И. Танеева. Был неплохим рисовальщиком, что доказывают хранящиеся в музее московской Консерватории его работы.

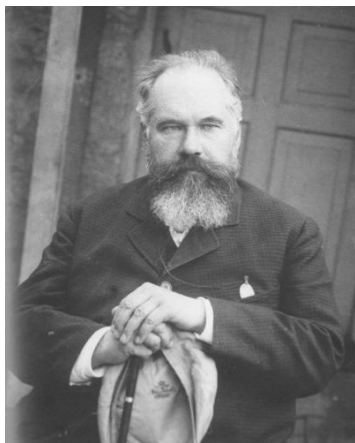

Рис. 1. С.И. Танеев. Пятигорск. 1907 год.
(Предположительно, фотография Е.А. Колчина. – Е.Ч.) [5]

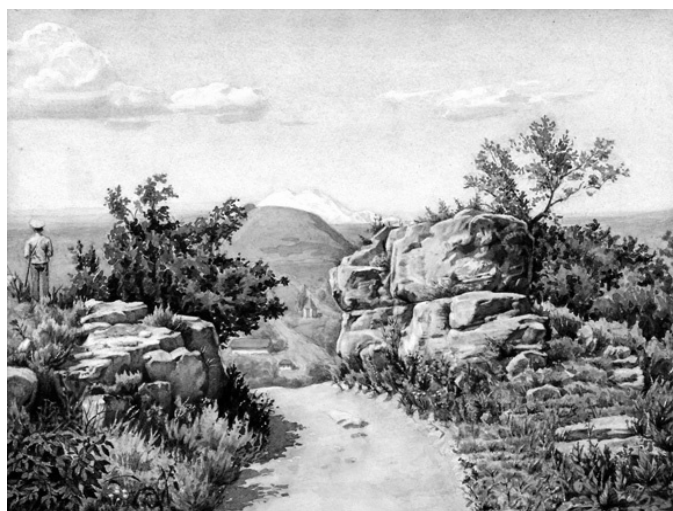

Рис.2. Е.А. Колчин. Любимая дорожка С.И. Танеева.
1900-е гг. Акварель. Бумага, наклеенная на картон. 26x33,5 (36,5x44,3).
ГЦММК. 39/II/Ст. ф. [6]

Рис. 3. Е.А. Колчин. Портрет М.М. Ипполитова-Иванова. 1910-е гг. Бум., акварель. 35х40. ГЦММК. 15/II. [7]

С родным ему Пятигорском, с Кавказскими Минеральными Водами Евгений Алексеевич не терял связи, по крайней мере, до начала Первой мировой войны. Известно, что в летние месяцы 1900-х гг. он дирижировал симфоническим оркестром в курзале в Кисловодске, в 1903 году в Пятигорске познакомился с Сергеем Ивановичем Танеевым (тот снимал комнату у бабушки Колчина), брал у него уроки контрапункта. В 1912 и 1913 годах был ассистентом на ежегодных весенних экзаменах по классу скрипки и теории музыки в Пятигорском музыкальном училище.[8]

Память о Е.А. Колчине как первом хранителе музея Московской консерватории бережно хранят нынешние сотрудники Государственного центрального музея музыкальной культуры им. М.И. Глинки. На официальном сайте консерватории есть страница, посвященная Евгению Алексеевичу.

Использованная литература и источники

При подготовке статьи использованы материалы сайта Московской государственной Консерватории им. П.И. Чайковского [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mosconsv.ru/ru/person.aspx?id=129401> дата обращения: 12.10.2016 г.

1. Чернопяттов В.И. Некрополь нескольких мест Кавказа – М., 1913. – С. 31.
2. Справочник Ленинград-арт [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://leningradart.com/painters/587/>. Дата обращения 11.11.20116 г.
3. Сайт научной музыкальной библиотеки имени С.И. Танеева. Раздел «История формирования библиотеки» [электронный ресурс]. Режим доступа: http://taneevlibrary.ru/o_biblioteke/istoriya_biblioteki/istoriya-formirovaniya.php?clear_cache=Y. Дата обращения 16.10.2016 г.
4. Московская консерватория: материалы и документы [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gromadin.com/rmusician/archives/5094/3> Дата обращения 1.11.2016
5. Московская государственная консерватория [электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://www.mosconsv.ru/museum/taneev.html> Дата обращения: 16.10.2016 г.
6. Портал Московской консерватории Российский музыкант 2.0. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gromadin.com/rmusician/archives/5094> Дата обращения: 16.10.2016 г.
7. Московская консерватория: материалы и документы [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gromadin.com/rmusician/archives/5094/3> Дата обращения 1.11.2016
8. Коваленко А.Н.. Первое музыкальное училище Пятигорска (К 100-летию со дня открытия) // Ставропольский хронограф на 2012 год. – Ставрополь: СКГУНБ, 2012. – С. 50-52.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ И МЕТОДИКЕ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА

Закарьяев М.М.

(с. Гинух,
Республика Дагестан)

Заметки отдыхающего

В ноябре 2016 года мне посчастливилось по социальной путевке отдыхать в Пятигорске. Санаторий, куда я попал, «Пятигорский нарзан», оказался комфортабельным и уютным. Обслуживающий персонал тоже старался создать хорошую обстановку. Однако мой отдых в Пятигорске, какого бы уровня обслуживания он ни был, не мог удовлетворить меня без ознакомления с историей, культурой и традициями народов, проживающих на данной территории. Мне нужно было найти адрес краеведческого музея и посетить его, потому что только там я мог получить ответы на все волнующие меня вопросы. Этот интерес вызван еще тем, что я как краевед, руководитель музея обязан был посетить это учреждение культуры и ознакомиться с экспонатами, оформлением, тематикой и т.д. Это было чисто профессиональным интересом. К тому же знакомство с людьми моего круга мне никак не могло навредить. Для этого я купил карту г. Пятигорска и по ней определил адрес и место расположения музея. Несмотря на то, что мой музей ликвидирован, привычка узнать больше о местностях, в которых я бываю, никак не ослабевает, а только нарастает и усиливается. От того, что руководители, далекие от культуры и истории своего народа, поступили так по отношению к созданному мной музею, не является и не будет считаться причиной бросить краеведческую работу. Руководители приходят и уходят, а работа, которую я провожу, не будет иметь срока давности – во все времена она будет востребована. Хотят ли чиновники или нет, но потомки, для которых я и стараюсь, впоследствии будут по крупицам собирать и приумножать то, что я делаю. В этом я убедился очередной раз сегодня, т. е. 1 декабря 2016 г. Однако обо всем по порядку.

30 октября я наконец-то нашел время посетить Пятигорский краеведческий музей. Цель посещения музея состояла в том, чтобы осмотреть экспонаты и узнать историю становления и развития г. Пятигорска, историю создания Пятигорского краеведческого музея. Далее хотелось ознакомиться с экспонатами и научной литературой, которая имеется в музее, и найти материалы и источники, относящиеся к Дагестану, в частности, Западному Дагестану. Немаловажной причиной было и то, что мне хотелось увидеть оформление музея, познакомиться с руководителем и попросить некоторые материалы – фотографии, буклеты, книги и т. д., рассказывающие о музее и его истории, для библиотеки музея «Гинухцы».

Встретили меня радушно, как желанного гостя. В кассе музея, узнав, что я инвалид, и к тому же директор музея с.Гинух, выдали бесплатный билет и старались выполнить все мои пожелания: сопровождать, рассказывать обо всем, о чем я спрашивал, чем интересовался. Хорошая беседа получилась и с научным сотрудником, заведующей научной библиотекой М.А. Антоновой. Она пообещала, если у меня будет время, предоставить имеющиеся в библиотеке источники и содействовать в поиске нужных книг, журналов и других источников.

Понятно, что за полтора часа невозможно скрупулёзно осмотреть все залы музея, которые расположились на трех этажах и в нулевом этаже. Мне интересно было знакомство с экспозицией природных особенностей региона КМВ, которая включала в себя палеонтологию, минералогию и зоологию. Здесь мне посчастливилось познакомиться с главным богатством КМВ – целебными минеральными водами и лечебной грязью. Интересны экспонаты, рассказывающие об истории и культуре

региона с древнейших времен до наших дней, историю основания Пятигорска, становления и развития Пятигорского курорта и т. д. И что интересно, экспозиции постоянно обновляются и пополняются новыми поступлениями.

Директора не было в кабинете, поднялся на второй этаж, и вместо него меня приняла его заместитель Юлия Андреевна Золотарева. В беседе выяснилось, что 1–2 декабря в музее состоится Третий Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов. Эта научная конференция, посвященная краеведам, стоявшим у истоков создания музея и оставившим о себе неизгладимый след в истории и краеведении КМВ, соответствовала тому, чем я занимаюсь последние пять лет. В свое время я тоже предложил Главе Цунтинского района проводить такие семинары и конференции с тем, чтобы изучить жизнь и наследие всех исследователей, которые в разные времена посещали Западный Дагестан. Реакция его была пустой, как у человека, который ничего не понимает или не хочет понимать в истории родного края. Поэтому, наверное, и закрыл в 2016 году «Историко-краеведческий музей с. Гинух» и отстранил меня как руководителя, Бог ему судья.

Получив приглашение и программу конференции, я оставил музей и с хорошим настроением вернулся в санаторий. Теперь к моему отдыху в санатории я мог приобщить и мои научные исследовательские интересы, а это придавало дополнительный смысл пребыванию в Пятигорске.

Вечером я решил ознакомиться с программой семинара. В первую очередь меня поразил широкий спектр тематики. Здесь были представлены не только доклады, посвященные 140-летию Н.М. Егорова, 120-летию М.И. Рыбенко и 130-летию А.П. Рунича, но и другим кавминводским краеведам и ученым, но и обсуждались вопросы археологического, исторического, культурного краеведения Северного Кавказа и сопредельных территорий, историко-методические аспекты музееведения, изучения музейных коллекций. Бесспорно, все эти темы были для меня интересны, как музейному работнику с небольшим стажем. Небезынтересным был круглый стол «Проблемы состояния экологии и гидrolитосферы региона Кавказские Минеральные Воды», что считаю актуальным в нынешней социально-экономической ситуации. Правда, меня испугало обилие докладов, предусмотренных программой. Я сомневался в возможности их реализации в течение двух дней, однако я ошибся – все, что было предусмотрено, было реализовано на высшем уровне.

1 декабря с утра решил сходить на утренние процедуры пораньше, чтобы к половине десятого освободиться и прийти в музей на конференцию. Как было задумано, ровно 10.00 я был в музее. После регистрации меня уже ожидал директор музея Сергей Николаевич Савенко. Видимо, ему сообщили, что среди приглашенных есть и представитель Республики Дагестан. Познакомившись, он провел меня к месту и сказал, чтобы я готовился после представления сказать несколько слов. На конференцию пришло более 30 человек. Они представляли в основном Северный Кавказ, кроме Дагестана. Представив своих близких соседей – адыгов, кабардинцев, осетин и других, Сергей Николаевич сказал, что в зале имеется и представитель Республики Дагестан Закарьяев Магомед Магомедович. Когда я поднялся, зал встретил меня бурными аплодисментами. От такой реакции я немного растерялся, но, преодолев смущение, решил выступить и сказал, что представляю историко-краеведческий музей малочисленного народа «гинухцы». По реакции зала я понял, что они в недоумении и не поняли, о ком идет речь. В нескольких словах я объяснил, что за народ и территорию я представляю. Раздались одобрительные голоса и аплодисменты. На этом завершилась торжественная часть и начались доклады согласно программе.

Мне понравилось выступление директора ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей», кандидата исторических наук, заслуженного работника культуры РФ

Савенко Сергея Николаевича. Он ознакомил присутствующих с работой музея, его научной и исследовательской деятельностью. Коротко рассказал о новых биографических данных вышеперечисленных краеведов. Каждый выступающий докладчик отмечал роль краеведов, внесших вклад в изучение истории Пятигорска и музейного дела. Все доклады были насыщены данными из их биографий, исследованных авторами сообщений. Мне показалось, что пройдет определенное время, лет 100 и более, и может в Гинухе тоже проведут такую же конференцию, посвященную моей деятельности и деятельности других активных членов джамаата. И на ней будут обсуждать биографии и т. д. Если серьезно, в действительности мы не ценим тех, кто живет рядом с нами, а потом, после их смерти стараемся как-то по-другому смотреть на их деятельность и оценивать этих активных граждан, которые внесли огромный вклад в развитие чего-либо. Как раз об этом говорила и выступавшая представитель из Кабарды Депенева Азиза Баталовна – заведующая экспозиционным отделом ГКУК «Национальный музей Кабардино-Балкарской республики» из города Нальчика. Человека, который десять лет руководил музеем и много сделал для краеведения, к концу жизни потеряли и даже не знают, где он похоронен. Я знаю, что после ухода с определенного поста или на пенсию, о человеке часто все забывают раз и навсегда. А через определенное время какой-либо исследователь находит себе тему по изучению жизни и деятельности таких людей, и старается дать им оценку и увековечить их имена.

К обеду объявили перерыв на десять минут, и я решил попрощаться с директором и вернуться в санаторий. Директор повел меня в кабинет и вручил несколько книг. При этом он поблагодарил за участие и сказал, чтобы завтра я обязательно зашел в музей к закрытию конференции. Мне, конечно, жаль, что режим санатория не позволял мне остаться до конца дня. В хорошем настроении от услышанного и увиденного я и вернулся к себе, радуясь, что и этот день в моей жизни прошел не зря, потому что своим действием я оставил след гинухца, представителя самого малочисленного народа на Кавказе, в истории музейного дела города Пятигорска.

2 декабря – второй день работы семинара – прошел еще интереснее. Выступления докладчиков и содокладчиков были интересными и актуальными. Сама программа семинара тоже была, как я уже говорил насыщенной и разнообразной по тематике. С большим интересом выслушал доклад М.В. Семендяева о нумизматической коллекции музея, понравились сообщения Г.Г. Карибова, Е.Ю. Чагаевой, Е.А. Савенко и других. Из их выступлений я узнал много интересного о неизвестных мне краеведах КМВ и других районов Северного Кавказа, о хранителе музея Московской консерватории и о деятельности Мефодиевского общества. Завершающий аккорд поставили И.М. Першин и А.В. Малков, которые довели до присутствующих проблемы состояния экологии и гидролитосферы региона Кавказских Минеральных Вод, в особенности Кисловодска. Меня эти сообщения глубоко затронули, и вызвали бурю эмоций. Жаль, что их не слышали те, кто обязаны сделать все для того, чтобы сохранить и беречь главные богатства КМВ – целебные источники от загрязнения.

После небольшого перерыва директор музея Сергей Николаевич объявил, что нам предстоит экскурсия в Музей каменных древностей. Еще накануне я обратил внимание на баннер «630 шагов к музею древностей» и не понял, что это означает и почему именно 630 шагов. Но во время экскурсии, которую на высоком уровне провел заведующий научным отделом Михаил Васильевич Семендяев, я узнал, что эта идея принадлежит директору музея С.Н. Савенко: он решил пройти пешком до места расположения Музея древностей на горе Горячей и автоматически считал шаги, и их оказалось ровно 630. Идея назвать так экскурсию понравилась работникам музея. Кроме этого, по ходу экскурсии я узнал много интересного не только о

создании музея каменных древностей под открытым небом, но и о разработанном маршруте к ней.

Оказывается, Музей древностей в Пятигорске был открыт еще 1850 году, и просуществовала до 1881 года, когда, по указу сверху, наиболее ценные его экспонаты были отправлены в Императорский Российский исторический музей. Другая часть экспонатов позже была утрачена, а некоторые сохранились в фондах Пятигорского краеведческого музея. Идея воссоздать музей витала среди музейных работников еще с середины XX века, но только благодаря усилению директора С.Н. Савенко в марте 2016 года состоялось торжественное открытие музея. Очень интересен маршрут до музея в историческом аспекте, и само место расположения - гора Горячая, откуда открывается прекрасный вид на г. Пятигорск и его окрестности. Мне кажется, что этот музей наравне с краеведческим пользуется большой популярностью как среди пятигорчан, так и гостей из регионов России и зарубежья.

Я благодарен судьбе за то, что она дала мне возможность ближе узнать Пятигорск и его историю, в особенности за то, что я встретил на своем жизненном пути столько прекрасных, добрых и отзывчивых людей. Они меня приняли таким, какой я есть, с раскрытыми объятиями. Я рад за весь дружный коллектив Пятигорского краеведческого музея, рад директору Сергею Николаевичу, который сумел сплотить воедино весь коллектив во имя любви к родному краю, к его истории. Он прекрасный руководитель, отзывчивый и добродушный человек, в то же время талантливый организатор. Также не могу не сказать спасибо моим новым товарищам: Александру Георгиевичу, Михаилу Васильевичу и Юрию Дмитриевичу за соучастие в моей деятельности, за понимание того, что мы все вместе делаем общую работу, направленную на сохранение, созидание, умножение народного достояния и привития любви к истории, культуре и традициям нашего края – Кавказа.

Выражаю огромную благодарность и уважение всем, с кем мне посчастливилось познакомиться на прекрасной земле Кавказских Минеральных Вод, в особенности г. Пятигорска. Большое спасибо!

МУЗЕЙНЫЕ РАРИТЕТЫ И КОЛЛЕКЦИИ

Боголюбов А.А.

(г. Пятигорск)

Картина Феликса Сыпневского «После боя» из фондов Пятигорского краеведческого музея

XIX век в истории Польши – это период, когда в стране, утратившей независимость, все более настойчиво заявляла о себе идея национального единства, основанная в том числе на культурных и исторических традициях. Идея героического прошлого нашла свое отражение в том числе и в живописи. Таким образом воспитывался патриотизм и вера в силы народа.

В таких условиях формировался как художник один из выдающихся польских баталистов того времени.

Феликс Сыпневский родился в самом начале 1831 г. в окрестностях Пемпова, близ города Познань, в родовом имении Сыпневских. Тогда это была территория Прусского королевства. Ввиду того, что Сыпневский получил образование в Школе Изящных Искусств в Варшаве, то есть на территории Российской империи, где обязательным был юлианский календарь, датой его рождения называется конец 1830 г. Умер Сыпневский в эмиграции в Париже в 1903 г.

Уже в двадцатилетнем возрасте Сыпневский стал известным в Польше художником. Среди работ, написанных им в более поздний период, числится картина «Князь», ныне считающаяся утраченной в годы первой мировой войны. Здесь следует отметить, что среди канонов классической батальной живописи того времени в Европе традиционным было размещение в центре композиции фигуры полководца. Этот канон был соблюден и в данном случае. На картине изображен князь Юзеф Понятовский в окружении офицеров французской императорской армии. Даже черно-белой фотокопии этой картины, выполненной в начале XX века владельцем одной из авторских копий Матиасом Берсхольмом, нам не удалось обнаружить в интернете. Известно лишь, что М. Берсхольм был, наряду с Ф. Сыпневским, одним из соучредителей основанного в 1854 г. Товарищества Изящных Искусств, а также страстным собирателем живописи [1].

В то же время в фондах картин Пятигорского краеведческого музея под номером 186 значится картина «После боя» размерами 53,5 x 78,5 см (Рис. 1).

В левом нижнем углу картины имеется подпись, выполненная бордовой краской «F. Syrniewski». Ниже просматривается затёртая запись «1864» (Рис. 2).

Эта дата не соответствует книге поступлений Музея, в которой датой создания картины указан 1891 г. Книга заполнялась в 1953 г. Согласно ей, картина поступила в Пятигорский музей в 1921 г. [2]. Предыдущая запись по Книге Поступлений сделана 17.01.1941 г., № 7526. Книга велась с 1924 по 1941 г.

На картине изображены военные. Офицер в красном мундире на коне в окружении кавалеристов в бело-голубых мундирах отдаёт рапорт своему командиру, также на коне. Мундиры кавалеристов соответствуют описанию мундиров польской кавалерии, введенных в 1791 году [3]. Это вряд ли соответствует описанию картины «Князь». В то же время центральной фигурой картины может быть князь Юзеф Понятовский – мундир соответствует образцам, принятым в то время для высшего командования польской армии [4]. На земле лежит убитый в бою барабанщик. За ним в зелёных мундирах пехотинцы в островерхих шапках, характерных для парадных мундиров гренадеров в России.

Рис. 1. Ф. Сыпневский. После боя. Холст, масло. 1891 (?).
ПКМ. ОФ №186.

Рис. 2. Подпись Ф. Сыпневского в левом нижнем углу картины
и полустертая дата «1864».

Неизбежно возникает вопрос: о какой же битве идёт речь в картине Сыпневского, хранящейся в Пятигорском Краеведческом музее? Можно предположить, что это пейзаж после битвы под Зеленцами, произошедшей 18 июня 1792 г. (нов. ст.) В результате этого сражения серьезное поражение от польских войск понес посланный в Польшу российский корпус генерала Ираклия Маркова [5]. В Польше результатом битвы под Зеленцами стало введение ордена «Виртутти Милитари» (“Virtutti Militari”), имеющего пять степеней и вручаемого за высшие полководческие заслуги [6].

Таким образом, можно утверждать, что в фондах Пятигорского Краеведческого музея хранится, во всяком случае, одна из весьма примечательных батальных картин Феликса Сыпневского.

Автор статьи выражает глубокую благодарность за помощь в её написании своим коллегам: Юлии Рафиевой за поиск материалов в фондах музея и Владиславу Прохорову за выполненные им качественные фотографии картины. Также глубочайшую признательность автор выражает профессору Варшавского Университета Иерониму Граля за высказанные замечания и дополнения к данной статье.

Использованная литература и источники:

1. https://pl.wikipedia.org/wiki/Feliks_Sypniewski
2. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). ФА-3776, оп. 1. Д. 23. - Л. 155.
3. Bronisław Gembarzewski. Żołnierz polski. Ubiór, uzbrojenie / uporządkowanie od wieku / do roku 1960. T. 2. od roku 1697 do 1794 roku. Warszawa. 1962.
4. Zdzisław Żygulski (jun.) Henryk Welecki. Polski mundur wojskowy. Kraków. Krajowa Agencja Wydawnicza. 1988.
5. Piotr Derdej. Zieleńce – Mir – Dubienka. 1792. Dom Wydawniczy Bellona. Warszawa. 2000.
6. Adam Wolański. Wojna polsko-rosyjska 1792 r. Wydawnictwo Volumen. Warszawa. 1996.

Семендяев М.В.
(г. Пятигорск)

Монеты досоветского периода нумизматической коллекции Пятигорского краеведческого музея: классификация, периодизация, стратегия собирательской работы

Практически каждый краеведческий музей располагает тем или иным по ценности и количеству нумизматическим собранием, хотя и не во всех музеях они выделены в отдельные коллекции. Работа с данными экспонатами требует не только организации правильности их хранения, но и изучения: вычленения по периодам, группам, типам и разновидностям, выявление наиболее ценных нумизматических памятников, использование их в качестве исторических источников. При этом особый интерес представляют монеты региональных выпусков, боны, монетовидные жетоны и др.

Серьезной проблемой является комплектование коллекций. Далеко не все музеи располагают достаточными средствами для целевой покупки монет и чаще всего принимают их в качестве дара. Существуют и другие сложности объективного и субъективного характера, такие как текучесть кадров, не всегда достаточная компетенция в таком узкоспециализированном направлении как нумизматика.

Настоящая работа носит научно-методический и прикладной характер, рассчитанный, прежде всего, на усовершенствование работы Пятигорского краеведческого музея. Но она может быть полезна и для других музеев. Целью статьи является представление и публикация монет досоветского периода – одной из наиболее ценных в историческом плане части нумизматической коллекции ПКМ, разработка типолого-хронологической схемы, удобной для работы, составление т.н. «монетной карты», показывающей степень полноты тех или иных групп и типов. Последнее должно определить стратегию пополнения изучаемой части нумизматической коллекции.

Пятигорский краеведческий музей обладает солидным собранием монет, представляющих различные исторические эпохи от античности до наших дней. Часть монет и индикаций, выполненных из серебра и золота, входят в состав коллекции «Драгметаллы», находятся на специальном учете и не составляют обособленной коллекции. Ряд средневековых монет числится в коллекции «Археология».

Монеты из недрагоценных металлов составляют отдельную коллекцию «Нумизматика» и, согласно инструкции 1984 г. [1], имеют шифр «НМ». Численность коллекции на сегодняшний день составляет 2018 ед. хранения. Она включает в себя монеты дореволюционного периода, советского и постсоветского периодов и монеты других государств XVIII–XX вв. Изучаемая нами часть коллекции включает 778 монет. Кроме того будут рассмотрены 73 монеты, числящиеся в коллекции «Археология» (Приложение 1). Большинство изучаемых монет выполнено из меди. В составе сибирских монет имеются незначительные примеси серебра и золота.

Первые экспонаты – главным образом российские медные монеты XVIII в., стали поступать в музей еще до 1917 г. В первые годы Советской власти в значительном количестве появляются вышедшие из обращения медные монеты мелких номиналов, относящиеся к периоду правления императора Николая II. В это же время поступают в небольшом количестве более ценные российские монеты XVIII в. сравнительно хорошей сохранности из частных коллекций.

В последующий период – 1970-е гг.–начало XXI в. – коллекция пополняется главным образом за счет случайных находок, поступавших в дар от местных жителей. Это монеты часто находились в земле в ходе строительных и других хозяйственных работ и имеют свои отличия в сохранности (т.н. «черная монета», невысоко ценящаяся среди профессиональных коллекционеров, поэтому чаще всего и поступающая в музей).

Подробная типология монет отечественного и зарубежного чекана была отражена еще в работах конца XIX – первой половины XX в. Достаточно широко известны каталоги Х.Х. Гиля [2], И.И. Толстого [3], А.А. Ильина [4], В.И. Петрова [5] и др. По мнению современных нумизматов, им были присущи известные ошибки и даже грубые опечатки [6]. Значительным прорывом стало появление в 1985 году каталога «Монеты России 1700-1917» В.В. Узденикова, в отличие от предыдущих, изданного большим тиражом, что делает ее фактически настольной книгой коллекционеров российских монет [7]. В конце XX в. выходят работы Б.С.Юсупова [8], каталог И.И. Рылова и В.И. Соболина, вышедший в 1994 г.[9]. Все эти работы, помимо их ценных качеств, к сожалению, страдают излишней перегруженностью информацией, не имеющей практической ценности для сегодняшнего собирателя. В 2000 г. был издан каталог В.В. Биткина [10]. Практическое достоинство ее в том, что в ней приводится оценка монет в зависимости от их состояния [11] и описание основных разновидностей штемпелей монет без излишнего углубления в мелочи. Так же в работе описаны различные «околомонетные» предметы (медали и жетоны) рассматриваемых периодов, что делает её более интересной. Для начинающего нумизмата и научного сотрудника, не являющегося специалистом в данной области, представляет интерес работа А.В. Бабича и В.И. Лавренова «Введение в общую нумизматику» [12]. Ценной для более серьезного изучения отечественных монет является работа Я.В. Адрианова, вышедшая в 2001 году «Русские монеты 1700–2000 годов. Исторический обзор и каталог» [13]. Она вполне доступна начинающему коллекционеру и, тем более, научному сотруднику музея, в ней приводится исторический очерк истории монетного дела и денежного обращения в России, указываются редкие разновидности монет, монетные браки, приводятся примеры фальшивых монет, но, в то же время, работа страдает и некоторым субъективизмом автора. Из современных работ можно назвать «Монеты России 1700-1917» из серии «Библиотека нумизмата» В.В. Узденикова – по сути, это первый полноценный каталог отечественных монет XVIII - начала XX в. [14].

Все вышеперечисленные работы содержат достаточно подробную классификацию монет, но, учитывая специфику нумизматической коллекции Пятигорского краеведческого музея [15], видится уместным предложить более конкретизированную упрощенную классификацию и периодизацию, в основе которой лежат периоды

правления того или иного императора и монетная стопа [16.]. Последняя является важнейшей характеристикой выпуска медной монеты государством – весовым стандартом монетной системы, принимаемым в тот или иной период на много лет или даже десятилетий. Монетная стопа и ее изменения являются отражением экономического и финансового положения государства, политических аспектов (войны, дворцовые перевороты) и социальных явлений (массовое распространение подделки легковесных монет, например, могло стать одним из побудительных мотивов снижения монетной стопы).

Приведем разработанную нами классификацию, адаптированную для коллекции Пятигорского краеведческого музея.

1-я группа. Античные и средневековые монеты. Их общее количество – 40. Для удобства они размещены в 2-х таблицах (приложения 2 и 3).

Подгруппа 1. Античные монеты, 6 экземпляров. (Приложение 2).

Подгруппа 2. Средневековые монеты. 34 экземпляра. (Приложение 3). Большая часть из них происходит из золотоордынского городища Маджары (окрестности г. Буденновска) и датируется XIV в. На территории Маджарского городища известны находки монет и из более дорогих металлов, но в данном случае обращает на себя внимание немалое количество медной монеты. Это указывает на наличие активной мелкой внутренней торговли, что свидетельствует о достаточно высоком уровне товарно-денежных отношений. Если же мы обратимся к монетам, относящимся к коллекции «Археология» (приложение 1), то увидим монеты VI в. сасанидского Ирана, найденные в погребениях раннесредневековых могильников Хасаутского и Мокрая балка. Эти монеты присутствуют в могилах в качестве погребальных даров и их наличие не случайно, так как через Кисловодскую котловину проходил важный торговый путь. Что опять же говорит о развитии обмена и элементов торговли на территории современных Кавминвод в еще более ранний период.

Интерес представляют денежные знаки овальной формы с отверстиями, с текстом, похожим на старославянский, и изображением орла с одной головой. На первый взгляд, они несколько напоминают русские монеты XV-XVI вв., выполненные из раскованной серебряной проволоки – так наз. «чешуйки». Но, во первых, они имеют нехарактерную для «чешуек» правильную форму, а во вторых, при апробировании выяснилось, что они не содержат в своем составе серебра. Возможно, они являются имитирующими монеты украшениями, так наз. «мордовками», широко распространенными среди народов Поволжья в XVII–XVIII вв. [17]. На рис. 1 и 2 изображены вышеуказанные монеты из музейной коллекции (ПКМ ОФ 3532/1,2), на рис. 3 и 4 – российские монеты второй половины XVI в., выполненные из отрезков серебряной проволоки и затем раскованные.

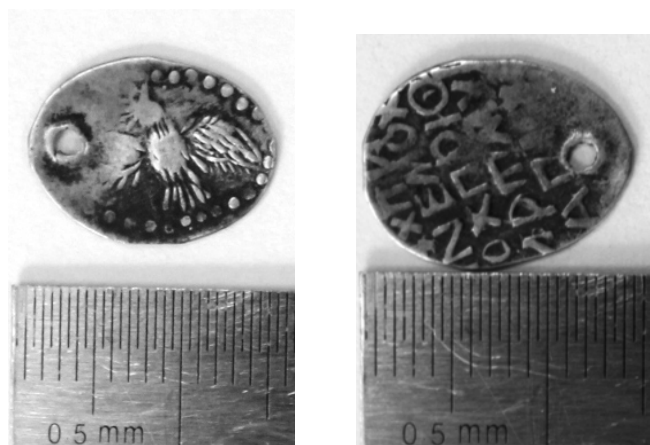

Рис. 1. ПКМ ОФ 3532/1 Рис. 2. ПКМ ОФ 3532/2

Рис. 3.

Рис. 4.

Авторская коллекция.

Группа 2. Отечественные монеты собственно досоветского периода (1700–1917 гг.) [18].

Подгруппа 1. Монеты общегосударственного значения.

Тип 1. Монеты правления Петра I (1689–1725 гг.) представлены 2 монетами. Это монеты номиналом в 1 копейку, 1713 г., выполненные по стопе 20 руб. из пуда меди.

Подтип 1. Стопа 15,45 рублей. В музейной коллекции отсутствует.

Подтип 2. Стопа 20 рублей. Представлена 2 монетами номиналом в 1 копейку, 1713 г.

Подтип 3. Стопа 40 рублей. В музейной коллекции отсутствует.

Рис. 5. ОФ 035/1.

Рис. 6. ОФ 1035/3.

Тип 2. Монеты периода правления Екатерины I и Петра II. (1725–1727 гг. и 1727–1729 гг.). В данный период продолжается чеканка монет по введенной еще в 1717 г. стопе 40 рублей из пуда. Тип представлен в коллекции монетами 5 копеек 1727 г. (ПКМ ОФ 1033/1), и 1 копейкой 1728 (ПКМ ОФ 1033/3)

Рис. 7. ПКМ ОФ 1033/1

Тип 3. Монеты правления Анны Иоанновны. 27 экземпляров. В 1730 году монетная стопа оставалась прежней, затем, во второй половине 1730 г., она была изменена и составляла в течение всего правления императрицы 10 руб. из пуда. При этом чеканились только полушки (1/4 коп.) и деньги (1/2 коп.).

Подтип 1. Стопа 40 рублей – представлена монетой 5 коп 1730 г.
Подтип 2. Стопа 10 рублей – 26 монет, в т.ч. 5 полушек и 21 деньга.

Рис. 8. ПКМ ОФ 1033/3. Рис. 9. ПКМ ОФ 1037/3. Рис. 10. ПКМ ОФ 1005/4.

Тип 4. Монеты периода правления Елизаветы Петровны. 14 экземпляров. С 1741 по 1754 г. продолжалась чеканка монет по стопе 10 рублей, выпускались только полушки и деньги. В 1755–1757 гг. чеканились копейки по стопе 8 рублей. В 1757–1761 гг. стопа была поднята до 16 рублей. В этот период чеканились полушки, деньги, монеты номиналом в 1, 2 и 5 копеек.

Подтип 1. Стопа 10 рублей. 13 полушек.

Подтип 2. Стопа 8 рублей. Монеты в музейной коллекции не представлены.

Подтип 3. Стопа 16 рублей. Имеется одна монета номиналом 5 коп.

Рис. 11. ПКМ ОФ 1006/1 Рис. 12. ПКМ ОФ 5599.

Тип 5. Монеты императора Петра III, представлены экземпляром номиналом 4 копейки, выполненном по облегченной 32-х рублевой стопе. (ПКМ ОФ 1017).

Рис. 13. ОФ 1017.

Тип 6. Монеты периода правления императрицы Екатерины II. Во второй половине 1762 г продолжалась чеканка легковесной монеты по прежней стопе. В 1763 г. стопа была снижена до 16 рублей оставалась такой же до конца правления Екатерины II. Тип представлен 34 экземплярами.

Подтип 1. Стопа 32 рубля. Монеты в музейной коллекции не представлены.

Подтип 2. Стопа 16 рублей. 34 монеты, в том числе: 2 копейки – 4 экземпляра, 5 копеек – 30 экземпляров. Сибирские монеты будут рассмотрены отдельно.

Рис. 14. ПКМ ОФ 1011/2

Тип 7. Монеты периода правления Императора Павла I. Чеканились по стопе 16 рублей. 8 экземпляров: 1 – 1 коп., 7 – 2 коп.

Рис. 15. ПКМ ОФ 1024/1.

Тип 8. Монеты периода правления императора Александра I. Насчитывается 68 экземпляров. До 1810 г. монеты чеканились по стопе 16 рублей, с 1811 г. и до конца правления стопа составляла 24 рубля.

Подтип 1. Стопа 16 рублей. Представлена двумя монетами 5 коп. 1802 г. (ПКМ ОФ 1014/1, 2).

Рис. 16. ПКМ ОФ 1014/1

Подтип 2. Стопа 24 рубля. Представляет 65 монет, в том числе: номиналом 1 коп. – 5 экземпляров, 2 коп. – 60 экземпляров. Обращает на себя внимание неравномерное распределение монет по годам. Так, монет номиналом 2 коп. 1811 г. – 10 экземпляров, 1812 г. – 13, 1814 г. – 14 экземпляров.

Рис 17. ПКМ ОФ 9191/3

Рис. 18. ПКМ ОФ 1030, 2 копейки

Тип 9. Монеты периода правления императора Николая I, включают 90 экземпляров. До 1830 г. монетная стопа оставалась прежней – 24 рубля. В 1830 г. стопа была поднята до 36 рублей, в 1840 г. снижена до 16 рублей и в 1849 г. поднята до 32 рублей.

Подтип 1. Стопа 24 рубля. Представлен двумя монетами: $\frac{1}{2}$ коп. и 1 коп. 1828 г.

Подтип 2. Стопа 36 рублей. Представляет 21 монету, в том числе: 1 коп. – 9 экземпляров, 2 коп. – 2 экземпляра, 5 коп. – 5 экземпляров и 10 коп. – 5 экземпляров.

Подтип 3. Стопа 16 рублей. Имеется 50 монет, в том числе 1 полушка ($\frac{1}{4}$ коп), $\frac{1}{2}$ коп. – 13 экземпляров, монет в 1 коп. – 15 экземпляров, 2 коп. – 9 экземпляров, 3 коп. – 12 экземпляров.

Подтип 4. Стопа 32 рубля. Представлен 17-ю монетами: полушек ($\frac{1}{4}$ коп.) – 2 экземпляра, $\frac{1}{2}$ копейки – 3 экземпляра, 1 коп. – 8 экземпляров, 2 коп. – 3 экземпляра, 3 коп. – 1 экземпляр.

Рис. 19. ПКМ ОФ 7021.

Рис. 20. ПКМ ОФ 3457.

Тип 9. Монеты периода правления императора Александра II. В коллекции Пятигорского краеведческого музея имеется 47 монет различного номинала. До 1867 г. монета продолжала чеканиться по стопе 32 рубля, с 1867 г. стопа составила 50 рублей.

Подтип 1. Стопа 32 рубля. Имеется 22 монеты различного номинала: 3 денежки ($\frac{1}{2}$ коп.), 8 копеек, 4 монеты в 2 копейки, 2 – 3 копейки, 5 монет номиналом в 5 копеек.

Подтип 2. Стопа 50 рублей. К нему относятся 25 монет: 1 коп. – 9 экземпляров, 2 коп. – 10 экземпляров, 5 коп. – 6 экземпляров.

Рис. 21. ПКМ ОФ 6204/2.

Тип 10. Монеты периода правления императора Александра III. Он включает 16 экземпляров. Все они отчеканены по стопе 50 рублей. В том числе: 8 монет в 1 копейку, 6 монет номиналом 2 копейки, и 2 монеты номиналом в 3 копейки.

Рис. 22. ПКМ ОФ 7135. Рис. 23. ПКМ ОФ 7136.

Тип 11. Монеты правления Николая II. Наиболее значительный по количеству тип, включающий 419 экземпляров. Все они так же отчеканены по стопе 50 рублей. Тип включает все имеющиеся на тот момент номиналы медной монеты от ¼ копейки до 5 копеек. Но распределены они между собой неравномерно. Так, например, копеек 1912 г. – 20, копеек 1914 г. – 25, а копеек 1916 – 108 единиц. По номиналам монеты распределяются следующим образом: ¼ коп. – 2, ½ коп. – 50, однокопеечных монет – 245, монет в 2 коп. – 67, в 3 коп. – 54; монета в 5 коп. представлена в единичном экземпляре.

Рис. 24. ПКМ ОФ 1045/8. Рис. 25. ПКМ ОФ 6180/3. Рис. 26. ПКМ ОФ 6215.

Рис. 27. ПКМ ОФ. 7098.

Подгруппа 2. Монеты, имевшие хождение в отдельных регионах.

Чеканка данных денежных знаков была связана или с экономической необходимостью (сибирские монеты) или с политической (грузинские и польские монеты).

Тип 1. Сибирские монеты. Они чеканились с 1766 г. по 1781 г. по стопе 25 рублей на Сузунском (Колыванском) монетном дворе. Их выпуск связан с тем, что при имевшихся в то время транспортных средствах перевоз большого количества медной монеты в Сибирь из Центральной России был затруднен и обходился неоправданно дорого. В то же время местная, колыванская медь содержала в себе примеси серебра и золота. Очистка металла при том развитии техники была нерентабельна. Поэтому, учитывая примесь драгоценных металлов, монеты выпускались более

легковесными и имели хождение только в Сибири. Позже, с 30 июля 1802 года они стали обращаться по всем губерниям России, но уже с 1824 г. стали постепенно изыматься из оборота и с 1840 г. перестали приниматься в платежи. В коллекции Пятигорского краеведческого музея имеется 5 сибирских монет: 3 монеты номиналом 2 коп. (ПКМ ОФ 1026/1 – 3) 1778 г. и 2 монеты номиналом 10 коп. (ПКМ ОФ 1012/1, 2) - 1773 и 1774 гг.

Рис. 28. ПКМ ОФ 1026/1

Рис. 29 ПКМ ОФ 1012/1.

Обращает на себя внимание степень сохранности сибирских монет. Так, монета 2 коп. (ПКМ ОФ 1026/1) находится в состоянии XF по международной шкале, а монета 10 коп. (ПКМ ОФ 1012/1) – VF, в то время как большинство монет XVIII в имеют сохранность G, VG, редко F [19]. Также отметим, что сибирская монета 10 коп. имела нормативный вес 65,52 г., являясь самой тяжелой отечественной монетой.

Тип 2. Монеты грузинского царя Ираклия II (1762–1798 гг.), при котором Грузия добровольно стала протекторатом, а позднее, в 1803 г. вошла в состав Российской империи. На протяжении ряда лет после присоединения Грузии для нее чеканились привычные для населения старые монеты: серебряные двойные абазы, абазы и полуабазы и медные монеты – бисти. В музейном собрании имеются 3 медные грузинские монеты плохой сохранности (G) (ПКМ ОФ 1069/1-3), которые, вместе с тем, являются редкими.

Тип 3. Монеты, имевшие хождение в царстве Польском. Представлены двумя экземплярами: 1 грош 1838 г. (ПКМ ОФ 1075) и 5 грошей 1839 г. (ПКМ ОФ 1074). По существующему курсу они соответствовали 1/2 и, соответственно 2,5 копеек

Рис. 30. ПКМ ОФ 1074.

Попытаемся дать анализ приведенному материалу.

Монетные находки раннего средневековья на территории Кисловодской котловины, как отмечалось, показывают развитие обменно-торговых контактов по древнему пути (или путям), проходившему по долине р. Подкумок. Во второй половине XIII–XIV в. в городах Золотой Орды товарно-денежные отношения достигают достаточно высокого для того времени уровня, и многочисленные медные монеты, происходящие из городища Маджары, говорят о развитии местной мелкой торговли. Население Кавминвод, находящиеся в зависимости от Золотой Орды, не могло не

втягиваться в экономические контакты, хотя находок золотоордынских монет на территории региона известно очень мало.

Говоря о российских медных монетах XVIII – начала XX в. проследим изменение монетной стопы и соотнесем это с конкретными политическими и экономическими событиями.

Монетная стопа испытывала изменения [20], но в целом вес монет имел тенденцию к снижению. В 1867 г. она составила 50 рублей и оставалась таковой до конца изучаемого периода. В целом это связано общемировыми тенденциями. Значительный приток серебра из Южной Америки в XVI веке вызвал его обесценивание, что нашло отражение в «революции цен» – росте цен в Европе в 3–4 раза. В Московском царстве в XVI-XVII вв. это явление не проявлялось, потому что торговые отношения со странами Европы были ограничены, а свое серебро страна стала добывать только в XVIII в. Кроме того, Московское правительство искусственно завышало цену на монетное серебро. Рост цен начался только в XVIII в. Цена на серебро влияла и на стоимость меди, она так же дорожала. Вес монет испытывал известные колебания, но в целом они становились более легковесными.

Падение веса медных монет при правлении Петра I (стопа из первоначальной 15,45 рублей поднялась до 20, а затем и до 40 рублей) связано с финансовыми трудностями при ведении Северной войны. Интересно, что в этот период наблюдается и падение пробы серебряной монеты. Легковесная монета по 40-рублевой стопе чеканилась до 1730 г., что отражало непростую экономическую и политическую ситуацию послепетровского периода и, в частности, рост фальшивомонетничества, так как подделывать монеты, на которые шло небольшое количество меди, было экономически выгодно.

В конце 1730 г. при императрице Анне Иоанновне стопа изменилась на 10-рублевую и оставалась неизменной до 1754 г., т.е. монеты стали тяжелее в 4 раза. При этом чеканились только монеты низших номиналов – полушки и деньги, которые часто перечеканивали из прежних легких копеек. При Елизавете Петровне в 1755 г. стали чеканить копейки по стопе 8 рублей, вес которых составил 20, 43 г.[21]. В 1757 г., в связи с начавшейся Семилетней войной, стопу подняли до 16 рублей, но стали выпускать в дополнение к имевшимся монеты номиналом 2 и 5 копеек [22].

Новый император Петр III в 1762 поднял стопу в 2 раза до 32 рублей. Многие старые монеты были перечеканены. Так появились медные монеты необычного для страны номинала: в 4 и 10 копеек. Пришедшая к власти в том же году Екатерина II указом 27 января 1763 г. вернула прежнюю 16-рублевую стопу. Несмотря на многочисленные войны, вес монет не менялся. К концу своего правления в 1796 г. она подняла стопу до 32 рублей, но вскоре новый император Павел I вернул прежнюю 16-рублевую стопу. По этой стопе монеты чеканились и в первые годы правления Александра I. В 1810 г. она была поднята до 24 рублей, что опять же объясняется и непрерывными войнами и подорожанием самой меди. Эта стопа продолжала использоваться до 1830 г.

Поскольку курс рубля ассигнациями к серебряному рублю непрерывно падал, а к бумажному рублю была привязана медная монета, то в 1830 г. пришлось еще раз уменьшить вес медной монеты, подняв стопу до 36 рублей. Из-за убыточности производства, монеты мелких номиналов полушки и деньги не чеканились.

В 1839 году в России начинается финансовая реформа Е.Ф. Канкрин, установившая в стране серебряный монометаллизм. 1 серебряный рубль приравнивался к 3,5 рублям ассигнациями, и к нему же жестко привязывалась медная монета. Монетная стопа с 1840 г. снизилась до 16 рублей и на медных монетах вместе с номиналом стала добавляться надпись: «Серебром». Через несколько лет тяжелая монета сыграла свою роль, и в 1849 г. стопа снизилась до 32 рублей.

Последнее изменение коснулось веса медной монеты в 1867 г., когда была введена 50-рублевая стопа. Отметим, что по этой же стопе чеканились и первые советские медные монеты выпуска 1924 г, монета $\frac{1}{2}$ копейки продолжала чеканиться по этой стопе до 1928 г.

Представленные в Пятигорском краеведческом музее медные монеты дореволюционного периода, как это было видно в описательной части, представляют монеты всех российских императоров и почти все подтипы, связанные с использованием монетных стоп. Это дает широкие возможности для создания полноценных выставок по истории монетного дела в России, разработке лекций, музейных уроков и даже создания образовательных программ по данной тематике.

В то же время, как было указано в начале работы, данное собрание монет имеет определенные пробелы. Восполнить их – сложная для музея задача, поэтому необходима стратегия собирательской работы, рассчитанная не на один год. Ее реализации, по мнению автора, может содействовать так наз. «монетная карта». Она представляет собой таблицу, на которой отмечены номиналы монет и годы их выпуска. В пустых ячейках – монеты в коллекции ПКМ отсутствуют, в заполненных – указывается количество имеющихся монет, выпущенных в одном и том же году. Эта «карта» дает наглядное представление о структуре коллекции и указывает сотрудникам музея направление для целенаправленного комплектованию нумизматического собрания.

Приложение 1. Монеты, входящие в состав коллекции «Археология».

№п/п	Инв. № и время приема	Наименование	Место находки	Кол-во
1	10932, 1985 г.	Монета сасанидская Хормизда IV(579-590)	Хасаутский м-к №2 (склепы)	1
2	10933,-//-	-//-	-//-	1
3, 4	11579/1-2, 1986 г.	Монеты 16 данг Нового Сарая	Городище Маджары	2
5	11580,-//-	Монета Нового Сарая	-//-	1
6	11581,-//-	Монета времени Джанибека	-//-	1
7 - 10	11582/1-4,-//-	Монета времени Джанибека	-//-	4
11	11583,-//-	Монета (16 денег) Нового Сарая	-//-	1
12	11584,-//-	Монета 767-1365	-//-	1
13	11585,-//-	Монета времени Джанибека	-//-	1
14	11586,-//-	Монета времени Узбек-хана	-//-	1
15	11587,-//-	-//-	-//-	1
16, 17	11588/1-2, -//-	Монеты Нового Сарая города Маджара	-//-	2
15 - 18	11589/1-4,-//-	Монеты Нового Сарая	-//-	4
19 - 21	11590/1-3,-//-	Монеты времени Джанибека	-//-	3
22 - 25	11591/1-4,-//-	-//-	-//-	4
26, 27	11592/1-2,-//-	Монета «Высочайшее повеление»	-//-	2
28	11593,-//-	Монета времени Узбек-хана	-//-	1
29	11594,-//-	Монета Султан Тохтамыш-Хан	-//-	1
30	11595,-//-	-//-	-//-	1
31 - 33	11596/1-3, 1986 г.	Монеты времен Джанибека	-//-	3
34	11597,-//-	Монета Нового Сарая г. Маджара	-//-	1
35 - 37	11617/1-3, 1986 г.	Монеты 16 пул Нового Сарая	-//-	3
38	11618,-//-	Монета Нового Сарая	-//-	1
39	11621,-//-	-//-	-//-	1
40 - 42	12289/1-3, 1986 г.	Монеты сасанидские ?	Погребение №5 Мокрая Балка	3
43	12290,-//-	Монета восточная (сасанидская- ?)	-//-	1
44	12332, 1986.	Монета восточная	-//-	1
45 - 60	12660/1-16, -//-	Монеты	-//-	16
61	12661, -//-	Монета Джанибека	Городище Маджары	1
62	12652, 1986	Монета Узбек-хана	-//-	1
63	12663, -//-	Монета Маджарская, Тохтамыш-хан	-//-	1

64 - 66	12664/1-3-//-	Монеты 1362 г.	-//-	3
67	12665,-//-	Монета бухарская, деньга	-//-	1
68	12666,-//-	Монета Кашгара	-//-	1
69	12667	Монета Нового Сарая	-//-	1
70, 71	12668/1-2,-//-	Монета 16 денг	-//-	2
72	12669,-//-	Монета династии Сасанидов	Погребение №5 Мокрая Балка	1
73	12670,-//-	-//-	-//-	1

Всего 73 монеты.

Приложение 2. Античные монеты.

№ п/п	Наименование монеты	Период чеканки.	Инв.№	Количество
1, 2	Монеты Древней Греции	Первые вв. до н.э.	1054/1-2	2
3	Римская монета императора Юлия-Филиппа	Середина III в.	1062	1
4	Монета Древнего Рима	I в. до н.э. – IV в. н.э.	1067	1
5	Монета Древнего Рима	I в. до н.э. – IV в. н.э.	1068	1
6	Римская монета Римского императора Аврелия	Вторая половина II в.	1073	1

Всего 6 монет.

Приложение 3. Средневековые монеты.

№п/п	Наименование.	Год или период чеканки.	Инв. №	Кол-во.
1	Монета Узбек-хана.	XIV век	1073	1
2 - 14	Монеты Золотой Орды	XIV в.	1097/1-13	13
15	Монета Золотой Орды.	XIV в.	8383	1
16	Монета Золотой Орды.	1365-1366 гг.	8648	1
17	Монета Золотой Орды.	Правление хана Тохтамыш(1377-1396 гг.)	8649	1
18 - 29	Монета Золотой Орды.	Правление хана Тохтамыш (1377-1396 гг.)	8660/1-12	12
30, 31	Монеты медные с изображением шестиконечной звезды, найдены на городище Маджары. 1967г.	XIV в.	8661/1-2	2
32, 33	Монеты овальные со старославянским текстом и проделанными отверстиями.	XV – XVIII вв.	3532/1-2	2.
34	Монета. Копия. Медное пуло. Переяславль.	XIX в.	8398	1

Всего 34 монеты.

Приложение 4. «Монетная карта».

Петр I

Год.	1/4	1/2	1	5
1700				
Стопа 15,45 рублей				
1701				
1702				
1703				
Стопа 19,6 – 20 рублей				
1704				
1705				
1706				
1707				
1708				
1709				
1710				
1711				
1712				
1713			2	
1714				
1715				
1716				
1717				
Стопа 40 рублей				
1718				
1719				
1720				
1721				
1722				
1723				
1724				
1725				
			2.	

2 экземпляра.

**Екатерина I, Петр II
Стопа 40 рублей**

Год.	1/4	1/2	1	2	3	5
1726						
1727						1
1728			1			

2 экземпляра.

Анна Иоанновна.

Год.	1/4	1/2	1	2	3	5
Стопа 40 рублей						
1729						
1730		1				1
Стопа 10 рублей						
1731		8				
1732						
1733						
1734	1					
1735	4	2				
1736		1				
1737		3				
1738		4				
1739		1				
1740						

27 экс.

Елизавета Петровна.

Год.	1/4	1/2	1	2	3	5
Стопа 10 рублей						
1741		2				
1742						
1743		1				
1744						
1745						
1746						
1747						
1748		3				
1749		4				
1750		1				
1751						
1752						
1753		1				
1754		1				
Стопа 8 рублей (для монет в 1 копейку)						
1755						
1756						
Стопа 16 рублей						
1757						
1758						
1759						
1760						
1761						1

14 экс.

**Петр III
Стопа 32 рубля**

Год.	4	10
1762	1	

1 экземпляр.

**Екатерина II
Стопа 32 рубля**

1762	1/4	1/2	1	2	5
Стопа 16 рублей					
1763				1	1
1764					1
1765					1
1766					1
1767					
1768					3
1769					
1770					1
1771					
1772				1	
1773					2
1774					
1775					2
1776					
1777				1	2
1778					2
1779					
1780					1
1781					

1784					1
1785					2
1786					1
1787					1
1788					1
1789					
1790					
1791					1
1792					
1793					
1794				1	1
1795					
1796					

34 экземпляра

Павел I

Год.	1/4	1/2	1	2	3	5
Стопа 16 рублей.						
1797				4		
1798				1		
1799				1		
1800						
1801			1	1		

8 экземпляров.

Александр I Стопа 16 рублей

Год.	1/4	1/2	1	2	3	5
1801						
1802						2
1803						
1804						
1805						
1806						
1807						
1808						
1809						

Стопа 24 рубля

1810				1		
1811			1	10		
1812				13		
1813				3		
1814				14		
1815				4		
1816				2		
1817				4		
1818						
1819						
1820			1	2		
1821						
1822			2			
1823			1	4		
1824				1		
1825				2		

67 экземпляров.

Николай I. Стопа 24 рубля.

Год.	1/4	1/2	1	2	3	5	10
1826							
1827							

1828		1	1				
1829							
Стопа 36 рублей							
1830			3				
1831			3				2
1832			1			1	
1833						1	2
1834							
1835							
1836			1			1	
1837			1	1		2	1
1838							
1839				1			

Стопа 16 рублей							
1840	1	7	4	1	1		
1841		1	2	1	2		
1842		3	5	1	5		
1843		1	1	4	1		
1844			1	1	1		
1845		1	1	1			
1846			1		2		
1847							
1848							

Стопа 32 рубля							
1849							
1850			1				
1851	1		1	2	1		
1852		1		1			
1853		1	2				
1854	1		3				
1855		1	1				
	3	17	33	14	13	5	5

90 экземпляров

Александр II

Год.	1/4	1/2	1	2	3	5
1856			1			2
1857						
1858		3	2			
1859			1		1	
1860			1	1		
1861				1		2
1862			1			
1863				1		
1864					1	
1865						1
1866			2	1		

1782						1
1783						4

Стопа 50 рублей						
1867				2		
1868						
1869				3		2
1870			2	2		
1871			1			
1872						
1873			1			1
1874			1	3		1
1875			1			1
1876						
1877						
1878						
1879			1			
1880			1			1
1881			1			
1882						
	0	3	17	14	2	11

47 экземпляров

Александр III

Год.	1/4	1/2	1	2	3	5
1882			1			
1883				1	1	
1884						
1885				1		
1886						
1887			1			
1888			1			
1889			1	1		
1890				1		
1891			2	1		
1892			1			
1893			1	1	1	
1894						
	0	0	8	6	2	0

16 экземпляров.

Николай II

Год.	1/4	1/2	1	2	3	5
1894			1	1		
1895			1	1		
1896	1	1	4	1	1	
1897		5		1	1	
1898	1	3	5	1	3	
1899		8	4	1	3	

1900		3	1	1	1	
1901			4	3	2	
1902				1		
1903			8	3	3	
1904			3	5	2	
1905			2	1	2	1
1906			1	1	6	
1907			3	2		
1908	2	13	3	3		
1909	13	5	1	2		
1910	2	7	1	1		
1911	4	14		1		
1912	2	20	3	1		
1913	4	10	4	3		
1914	2	25	4	1		
1915	1	6	4	4		
1916		108	27	14		
1917						
	2	50	245	67	54	

419 экземпляров

Региональные выпуски.

Сибирские монеты.

Стопа 25 рублей

Год.	1/4	1/2	1	2	5	10
1766						
1767						
1768						
1769						
1770						
1771				2		
1772						
1773						1
1774						1
1775						
1776						
1777						
1778				1		
1779						
1780						
1781						
				3		2

5 экземпляров.

Царство Польское

Год.	1 гр.	5 гр.	10 гр.
1838			
1839		1	
1840			1

2 экземпляра.

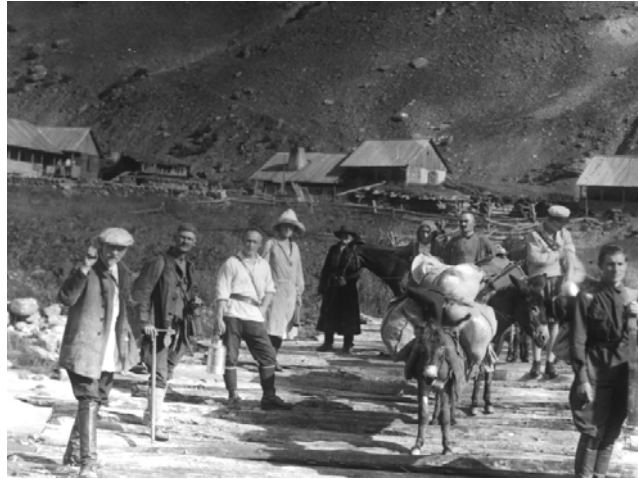
Использованная литература и источники:

1. Инструкция по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР. - М.: Типография Министерства культуры. 1984. – 152 с.
2. Гиль Х.Х., Ильин А.А. Русские монеты, чеканенные с 1801 по 1904 г.: - СПб.: Издательство картографического общества, 1904. – 152 с.
3. Толстой И.И. Русская допетровская нумизматика. - СПб.: Типография императорской академии наук, 1886. – 155 с.
4. Ильин А.А. Классификация русских удельных монет: - Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1940. – 50 с.
5. Петров В.И. Каталог русских монет 980 – 1899 г. - М. Издательство Петрова, 1899 – 206 с.
6. Напр. Адрианов Я.В. Русские монеты 1700–2000 гг. Исторический обзор и каталог. Пермь: издательско-полиграфический комплекс «Звезда», 2001. – 409 с. - С. 3.
7. Уздеников В.В. Монеты России. 1700-1917. – М.: Финансы и статистика, 1986. – 504 с.
8. Юсупов Б.С. Монеты Российской империи 1762-1917 гг. Альбом-каталог. Монеты Российской империи.– Казань: «Нумизматика», 1999. – 584 с.
9. Рылов И.И, Соболин И.И. Монеты России 1700–1993. – М.: Интерпринт: 1994. – 320 с.
10. Биткин В.В. Сводный каталог монет императорской России регулярного чекана. - М.: Юнона, 2000. – 624 с.
11. Сохранность монет значительно влияет на их цену, нередко рядовая монета в идеальном состоянии стоит дороже редкой монеты посредственной сохранности.
12. Бабич А.В., Лавренов В.И. Введение в общую нумизматику. - М.: «Лилия ЛТД», 1998. – 63 с.
13. Адрианов Я.В. Русские монеты 1700–2000 гг. Исторический обзор и каталог. - Пермь: Издательско-полиграфический комплекс «Звезда», 2001. - 409 с.
14. Уздеников В.В. Монеты России 1700–1917. - М.: Изд-во «Очерки по нумизматике». 2011. - 585 с.
15. Это наглядно видно на «монетной карте».
16. Монетная стопа – денежная сумма монет, получаемая из 1 пуда меди. Например, при монетной стопе 16 рублей 1 копейка весит 10,2 г., соответственно 5 копеек – 51 г.
17. Чураков Д.О. История российских окраин в нумизматике. - М.: ООО «Хобби Пресс», 2012. – 264 с. - С. 26–27.
18. В нумизматике досоветским периодом принято считать временной отрезок с 1700 по 1917 г. Предшествующий период (до 1700 г.) считается «Допетровским».
19. Международная шкала в настоящий момент является общепризнанной и в России. Согласно традиционной отечественной градации, сохранности монет состояние «G» соответствует «плохой», «VG» «посредственной», «F» - «хорошей», «VF» - «очень хорошей», «XF» - «отличной» сохранностям монет.
20. Самой низкой она была во время правления Елизаветы Петровны и составляла 8 рублей, но постепенно росла и достигла во второй половине XIX в. 50 рублей.
21. Это были самые тяжелые в истории России копейки.
22. Монеты в 2 копейки обычно перечеканивали из прежних копеек.

**Наследие фотографа-краеведа Г.И. Раева
в собрании Пятигорского краеведческого музея**

Г.И. Раев. Начало XX в.
ПКМ ОФ. 29433/29.

Группа путешественников на мосту селения
Тегенекли в верховьях реки Баксан.
Слева Г.И. Раев. 1930 г.
ПКМ ОФ. 24863.

Григорий Иванович Раев (1863–1957) – фотохудожник с мировым именем, чье мастерство оставило значительный след в истории фотоискусства. Как активный член «Кавказского Горного общества» (товарищ председателя и член экскурсионной комиссии) направлял свои усилия краеведа и альпиниста на популяризацию горного туризма и альпинизма Кавказа и КМВ, став одним из первых покорителей Эльбруса. Его издания помогали выполнению целей, поставленных КГО: «поощрение к посещению и исследованию этих местностей». Как человек разносторонних интересов и увлечений, принимал участие в общественной и культурной жизни Кавказских Минеральных Вод, в частности, являлся деятельным членом Северо-Кавказского отдела Императорского Российского общества садоводов. Позже, уже в советское время, был членом Общества Пролетарского туризма, Терского окружного бюро краеведения и Географического общества, в котором состоял до последних дней своей жизни [1].

Сегодня имя прославленного фотографа и краеведа не забыто, инициативная группа сотрудников ПКМ и членов Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры поддерживает в порядке могилу Г.И. Раева на старом Пятигорском Некрополе. Биография и часть фонда Г.И. Раева, хранящегося в ПКМ, в 2013 г. опубликованы в книге известного литератора и краеведа С.В. Боглачева «Первые фотографии Кавказа» [2]. Кроме того, вопросы биографии Раева разрабатывались и раньше и нашли отражение во многих публикациях, в том числе сотрудников музея, поэтому в данной работе они не освещаются [3]. Приведем лишь выдержку из письма Г.И. Раева в Президиум АН СССР (1947 г.), емко представляющего нам творчество мастера: «На протяжении 70 лет я работал как альпинист-фотограф в пределах Кавказа и Крыма. В прежние годы имел свои издания фотоальбомов, открыток, которые вошли во многие литературные, геологические, географические, этнографические и другие работы старой России и СССР. Мною пройдены и засняты все перевалы Кавказа. Для Географического общества засняты все малые народности Кавказа. Очень большой материал по курортам КМВ. Мои фотографии вошли во многие книги, в том числе по лермонтоведению... печата-

лись в Ежегодниках Кавказского Горного Общества, членом правления которого я состоял...» [4].

Собрание Раева в музее – один из самых объемных личных фондов, значимость которого, конечно же, в его мемориальности. Большой научный интерес для исследователей представляют письменные источники – материалы к биографии, служебной и общественной деятельности фондообразователя (документы, воспоминания, справки, многочисленная переписка с организациями, издателями и личная, свидетельства, благодарственные письма, адреса, похвальные листы, дипломы, полученные на различных выставках). Анализ этих источников, отложившихся более чем за 50 лет, начиная с конца XIX в., позволяет выделить несколько наиболее интересных подлинных документов фонда, подтверждающих разносторонность интересов фотохудожника. Начало самостоятельной деятельности молодого Григория (7 июля 1889 г.) подтверждено официальным документом (свидетельство № 3005). Текст написан от руки на бланке начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска и заверен круглой мастичной печатью канцелярии начальника Терской области [5]. Следующий документ расширяет наши сведения о Первой Сводной выставке ученических изделий и работ промышленных учебных заведений Кавказского Учебного Округа (КУО), проходившей в городе Пятигорске в 1910 г. Об этом событии в музее, к сожалению, почти не отложилось материалов, тем более ценна и фотография, и свидетельство Г.И. Раева об участии в этой выставке с фотографической серией видов Кавказа. Эти документы позволили точно определить сроки проведения выставки (с 15 июня по 15 августа) и то, что в открытии принимал участие попечитель КУО – Н.Ф. Рудольф, а председателем Бюро выставки был назначен инженер Э.Э. Эйхельман.

Организационное Бюро первой Сводной выставки ученических изделий промышленных учебных заведений КУО.

Сидят во 2-м ряду: 5-й слева - Э.Э. Эйхельман, рядом - Н.Ф. Рудольф.
Фотография Г.И. Раева. 1910 г.
ПКМ ОФ 3640/797.

Свидетельство Г.И. Раева от 15 декабря 1910 г. об участии на первой Сводной выставке ученических изделий и работ промышленных учебных заведений КУО.
ПКМ ОФ 14696.

Увлечение Г.И. Раева собиранием коллекций не только Пятигорских музеев подтверждает свидетельство Кубанского войскового этнографического и естественно-исторического музея: «Григорию Ивановичу Раеву за принесение в дар коллекций древностей и за содействие делу развития Кубанского войскового музея от себя и от лица Кубанского казачьего войска выражаю глубокую благодарность. Декабря 21 дня 1913 г. Екатеринодар». Свидетельство подписано наказным атаманом Кубанского казачьего войска, заведующим музеем и выполнено на красочно оформленном типографском бланке (типо-лито-фото-цинкография С. Казарова, Ек-рѣ) [6]. О дарении уже в советское время (археологические предметы, фото-

снимки Рим-Горы) говорится в благодарности от 5 февраля 1927 года на имя Г.И. Раева Терского окружного музея краеведения (ныне – ПКМ) [7]. Интересны и другие документы, как например, купчая крепость, заключенная между гражданином Раевым и Добржанской Марией Поликарповной (1919 год) о покупке Раевым недвижимого имущества (усадыбы) по улице Теплосерной в Пятигорске (купчая крепость на специальной актовой бумаге, заверена печатями Кавказского нотариального архива и городской нотариальной конторы) [8]. Документ советского времени (удостоверение № 4215 от 11 мая 1922 года) свидетельствует об освобождении от муниципализации этого домовладения Раева [9]. Видимо, были учтены заслуги фотографа, дом не был уплотнен и оставлен в его частной собственности. После революции жилось трудно, «жил от продажи имущества», как он сам писал в автобиографии. Удостоверение № 8177 от 1922 года говорит о непростом материальном положении и фиксирует то, что в итоге осталось у шестидесятилетнего Григория Ивановича на правах частной собственности: 2 кровати на железных сетках, 2 стола, 3 стула, 1 комод, 1 шкафчик и зеркало [10].

Говоря о коллекции фоторабот Г.И. Раева, следует отметить, что сложившееся за десятилетия вдохновенного труда наследие фотохудожника в десятки тысяч снимков распределено по многим хранилищам как нашей страны, в том числе и музейным, так и за рубежом. В фондах ПКМ – это огромная коллекция, которая и в настоящее время продолжает пополняться благодаря дарениям. Так в 2006 году музейный фонд пополнился редкой открыткой с фотографии Г.И. Раева «Пятигорск. Юбилейное шествие к месту дуэли М.Ю. Лермонтова. 15. 07.1911» (дар Поповой Е.Н.) [11].

Реклама фотографии Г.И. Раева в Пятигорске. ПКМ ОФ 3640.

Реклама фотографии Г.И. Раева в Ессентуках. ПКМ ОФ 14444.

В Пятигорске фотографическая коллекция Г.И. Раева первоначально начала формироваться в музее КГО, а сам фотограф являлся одним из первых дарителей этого музея. Только в 1910 году он передал в фонды музея несколько альбомов своего издания, стереоскоп и более 80 фотографий [12]. Пополнение фонда продолжалось и затем, когда правопреемником музея КГО стал ПКМ. К сожалению, при комплектовании этой коллекции часто не было проведено никакого аннотирования. В записях книг поступлений за разные годы чаще всего просто указывалось общее количество поступивших фотографий (при одновременном поступлении большого количества однородных предметов, в том числе и фотоматериалов, допускалась групповая запись). Иногда количество дробей в обозначении инвентарных номеров свидетельствует о том, что количество фотографий одного номера доходит почти до восьмисот. Отсюда сложности в изучении и атрибуции фотоснимков, в том числе при составлении карточек научного описания, предусмотренных второй ступенью учета музейных предметов. В этом

плане научным сотрудникам-хранителям этой коллекции еще предстоит большая и кропотливая работа по изучению огромного наследия. Правда есть и положительные примеры по уточнению и атрибуции некоторых исторических снимков, но это единичные случаи, которые стали возможны благодаря скрупулезной исследовательской работе. В частности С.Н. Савенко удалось установить не только точную дату следующего снимка, но и фамилии изображенных на ней людей [13].

Общий вид Рим-Горы с востока. Привал экскурсантов. Слева направо: Д.М. Павлов, Снесаренко, Г.И. Раев, Е.А. Ларин, Н.М. Драгин, Я.И. Фролов, Н.М. Егоров, С.Ф. Авсенов. Впереди - О.М. Биджиева. Фотография Г.И. Раева. 1926 г. ПКМ ОФ 3640/745.

Г.И. Раева справедливо называли фотолетописцем Кавказа. Его влекли величественные горные вершины и ледники Кавказа, труднодоступные и грандиозные ущелья и перевалы. Именно эти фотографии стали главными в его творчестве и принесли ему всемирную славу. В XIX веке, в 40-х годах которого родилось искусство фотографии, это была сложнейшая работа, требующая большого мастерства и огромного трудолюбия. Совершенные по композиции и качественно выполненные снимки были прекрасно оформлены – наклеенные на паспарту с золотым тиснением и фирменным клеймом мастера, пользовались успехом у местных жителей и курортников.

Эльбрус с вершины Бермамыта. Г.И. Раев за работой. Начало XX в. ПКМ ОФ 3640/148.

Окрестности Эльбруса. На Малкском леднике. Фотография Г.И. Раева. Конец XIX – начало XX в. ПКМ ОФ 3640/216.

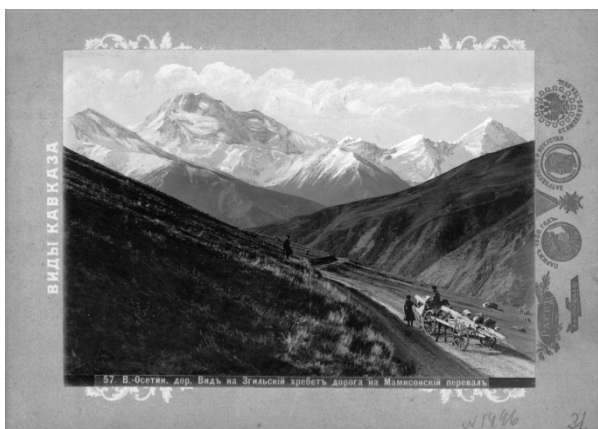
В ПКМ хранится целая серия уникальных фоторабот, выполненных часто с риском для жизни, где, кроме таланта фотографа, требовались физическая сила и выносливость альпиниста. Полный обзор этой серии в данной работе невозможен, поэтому представим лишь несколько, наиболее значимых фоторабот, требовавших организации целых экспедиций, а также больших усилий и средств в их осуществлении. Именно за снимки видов Кавказа и серию фотоальбомов фотограф был удостоен многочисленных наград. И здесь следует отметить, что во многих статьях ошибочно указывается, что панорама Большого Кавказа (1908 г.) сделана с вершины Эльбруса. Это противоречит фактам, т.к. сама панорама заканчивается Эльбрусом. На самом деле она сделана с высоты почти четырех тысяч метров над уровнем моря с горы Кум-Тюбе Скалистого хребта, расположенного параллельно Главному Кавказскому хребту. Сделать такую панораму, состоящую из многих совмещенных кадров от юго-востока до Запада, заканчивая двуглавым пятитысячником, Эльбрусом – достижение мирового уровня в фотоделе [14]. Не случайно Академия наук СССР в свое время приобрела у Г.И. Раева около трех тысяч негативов с этими снимками, подтвердив их уникальность.

В Осетии. Ущелье Пламенной Колхиды.
Фотография Г.И. Раева.
Конец XIX - начало XX вв.
ПКМ ОФ. 3640/372.

В Осетии. Зрусское ущелье.
Слияние притока с Мамисон-Доном.
Фотография Г.И. Раева. Конец XIX –
начало XX вв. ПКМ ОФ. 3640/29.

В Осетии. Вид на Згильский хребет.
Дорога на Мамисонский перевал.
Фотография Г.И. Раева. Конец XIX -
начало XX вв. ПКМ ОФ 3640/18.

Зигзаги дороги с Мамисонского прервала.
Фотография Г.И. Раева. Конец XIX –
начало XX вв. ПКМ ОФ 3640/34.

Военно-Грузинская дорога.
Дарьяльское ущелье.
Фотография Г.И. Раева.
Конец XIX – начало XX вв.
ПКМ ОФ 3640/208.

Кавказские горы. Водопад. Фотография
Г.И. Раева. Конец XIX - начало XX вв.
ПКМ ОФ 3640/227.

Вид на Эльбрус с горы Горячей.
Фотография Г.И. Раева. Конец XIX –
начало XX вв. ПКМ ОФ 3640/412.

Вид на Эльбрус от горы Кольцо.
Фотография Г.И. Раева. Конец XIX -
начало XX вв. ПКМ ОФ 3640/588.

Окрестности Кисловодска. Гора Эльбрус с плато
Бермамыт. Фотография Г.И. Раева. Конец XIX в.
ПКМ ОФ 3640/359.

Вид на Эльбрус. Окрестности Малки.
Фотография Г.И. Раева. Конец XIX -
начало XX вв. ПКМ ОФ 3640/269.

Все эти фотографии отличает масштабность и многоплановость, удивительно точный выбор точки съемки и открывавшаяся перспектива, четкость и контраст-

ность. Часто снимки венчает величественный Эльбрус на горизонте, снятый во всевозможных ракурсах. Но иногда встречается фотомонтаж, как на снимке «Кавказские горы. Водопад» (3640/227). Это известный водопад «Султан», от которого Эльбрус не виден. Подтверждением могут быть идентичные снимки Раева, но уже без Эльбруса на горизонте.

Раевские фотоснимки послужили основой нескольких наборов литографических открыток, представленных в собрании ПКМ. В том числе достаточно модными в то время стереоскопическими фотографиями с объёмным зрительным эффектом и открытками, исполненными способом фототипии, дающей очень точную передачу тональности изображения оригинала и точную передачу мельчайших деталей изображения, когда оригинал и оттиск идентичны, а также открыток, выполненных способом ручной раскраски, представленных в работе.

Военно-Грузинская дорога. Фотография Г.И. Раева (ручная раскраска). Конец XIX - начало XX вв. ПКМ ОФ 3640/181.

Вид от горы Кольцо. Открытка с фотографии Г.И. Раева (ручная раскраска). Конец XIX - начало XX вв. ПКМ ОФ 3640/182.

Г.И. Раеву были подвластны все жанры фотографии. В фондах ПКМ представлены и многочисленные портреты (постановочная фотосъемка в ателье), и групповые изображения на природе, и городские событийные съемки.

Фабрикант Милютин в колонии Константиновской. Фотография Г.И. Раева. 1887–1888 гг. ПКМ НВФ 2407/15.

Группа детей в черкесках. Фотография Г.И. Раева. Конец XIX – начало XX вв. ПКМ ОФ 3640/66.

Восстановление гостиницы Михайлова. Фотография Г.И. Раева. 1925 г.
ПКМ ОФ 3640/528.

Эта фотография интересна тем, что она документальна и связана с историей ПКМ (в восточной части этого здания ныне располагается музей). В связи с пожаром в новогоднюю ночь с 1918 на 1919 год здание гостиницы Михайлова в Пятигорске сгорело, и только в 1925 году оно было восстановлено. Г.И. Раев, как истинный краевед, снял эти работы. И опять-таки выбрал такую точку съемки на крыше, чтобы запечатлеть в перспективе купола Пятигорского собора, позже снесенного.

Кроме документов и фотоснимков предметную часть коллекции представляют старинные фотоаппараты Раева – павильонная фотокамера с кассетой для фотопластинок, походная фотокамера, дорожные фотоаппараты XIX – начала XX в., стереоскоп, стеклянные негативы, ставшие раритетами музея [15]. В коллекции живописи и графики хранятся две миниатюры «Замок коварства и любви в Кисловодске» и «Вид на Эльбрус с горы Кольцо», выполненные маслом и акварельными красками, – подтверждение того, что Григорий Иванович был не только прекрасным фотографом, но и хорошим живописцем [16]. К предметам фалеристики (часть нумизматической коллекции музея) относятся уникальные награды фотомастера за разные годы. Это серебряная медаль Императорского русского технического общества; медаль «За трудолюбие и искусство от министерства финансов»; серебряная медаль Географического общества; знак Почетного диплома, золотые и серебряные медали, полученные на различных выставках. На многих (на реверсе) подтверждена их именная принадлежность. Так, на золотой медали, полученной на Каирской международной выставке прогресса (1895 г.), выбито «G.I. Raeff Kislovodsk»; на серебряной медали, полученной на Всемирной выставке в Париже (1900 г.) – «G. Raev»; на золотой медали, полученной на Международной театральной выставке в Париже (1906 г.) – «G.I. Raeff Kislovodsk» [17]. Говоря о наградах, необходимо подчеркнуть ошибочность того, что в различных статьях и изданиях фотографу приписывается орден Почетного легиона. И здесь надо внести ясность - орден путают со знаком Почетного диплома, т.к. они визуальны похожи. Именно знак Почетного диплома на ленте запечатлен на дореволюционных фотопортретах Григория Ивановича [18].

Фотограф Г.И. Раев. Начало XX в.
ПКМ ОФ 29433/30.

Заканчивая обзор мемориального фонда Г.И. Раева, еще раз следует отметить, что фотографическое наследие фотохудожника в собрании ПКМ огромно, и полное его изучение еще предстоит, а также то, что для этой работы специально были отобраны ранее не публиковавшиеся фотоснимки.

Использованная литература и источники:

1. Субаева В.П. Г.И. Раев – фотограф-пейзажист, популяризатор Кавказа, член КГО. // Записки краеведческого общества на КМВ. Выпуск XXIX. - Пятигорск. - 1997. - С. 117-125.
2. Боглачев С.В. Первые фотографии Кавказа. - Пятигорск: СНЕГ, 2013. – 414 с.; илл.
3. Кавказское Горное общество: Избранная публицистика 1904-1916 гг. /Сост., авт. вступ. ст. Н.В. Маркелов. - Пятигорск: СНЕГ, 2009. - 288 с.: ил.; Чегутаева Л.Ф. Документы Раева в фондах музея // Записки краеведческого общества на КМВ. Выпуск XXIX. - Пятигорск. - 1997. - С. 126-129; Чегутаева Л.Ф. «Кавказ в объективе фотомастера» // Кавказская здравница. 26.11. 2013.
4. ПКМ. ОФ. 3640.
5. ПКМ. ОФ. 3783/33.
6. ПКМ. ОФ. 3640/756.
7. ПКМ. ОФ. 3783/23.
8. ПКМ. ОФ. 14459.
9. ПКМ. НВФ. 8993.
10. ПКМ. ОФ. 3640.
11. ПКМ. ОФ. 33033.
12. Летопись Пятигорского краеведческого музея (к столетию музея). Научное издание/А.А. Багдасарян, Л.И. Краснокутская. - Пятигорск: Вестник Кавказа, 2007.: - 202 с.: ил.
13. Савенко С.Н. К вопросу о фотографиях и портрете Д.М. Павлова // Первый Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов. Ставрополь: Ставролит, 2915. - С. 81-86.
14. ПКМ. ОФ. 3640/216.
15. ПКМ. ОФ. 17654, 17654/1-4, 30443, 30715.
16. ПКМ. ОФ. 32980/1-2.
17. ПКМ. ОФ. 3640/1-9.

18. Энциклопедический словарь Ставропольского края / Главный редактор В.А. Шаповалов. - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. - 458 с. + вкл.; Пятигорск в исторических очерках: История города Пятигорска с древнейших времен до 1917 года / С.В. Боглачев, В.А. Кузнецов, Н.В. Маркелов; под общей редакцией Н.В. Маркелова. – Пятигорск: СНЕГ, 2010. - 288 с.: ил.; Захарова С.В. К вопросу о зарождении фотододела в курортной зоне Кавминвод во второй половине XIX - начале XX века // Археология и краеведение Кавминвод в контексте межрегиональных связей и контактов: Сборник материалов межрегиональной научной конференции / под редакцией кандидата исторических наук С.Н. Савенко. - Пятигорск: Вестник Кавказа, 2011. - С. 84-86.

Сведения об авторах:

- БОГОЛЮБОВ Александр Александрович** – заведующий сектором истории культуры ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей», доктор гуманитарных наук в области новейшей истории (Республика Польша), г. Пятигорск.
- БОГЛАЧЕВ Сергей Васильевич** – писатель, историк, г. Санкт-Петербург.
- БУРКОВ Сергей Борисович** – старший научный сотрудник отдела археологии Института истории и археологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ.
- БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ Ирина Николаевна** – заведующая сектором естественной истории ГКУК «Национальный музей Кабардино-Балкарской республики», г. Нальчик.
- ДАНИЛОВ Антон Валерьевич** – хранитель фондов ГБУК СК «Музей-заповедник М.Ю. Лермонтова», кандидат исторических наук, г. Пятигорск.
- ДЕПУЕВА Азиза Баталовна** – заведующая экспозиционным отделом ГКУК «Национальный музей Кабардино-Балкарской республики», г. Нальчик.
- ЗАКАРЬЯЕВ Магомед Магомедович** – руководитель «Историко-краеведческого музея народа гинухцев», с. Гинух, Республика Дагестан.
- ЗАХАРЕВИЧ Алексей Владимирович** – общественный сотрудник Ростовской областной организации ВООПИиК, кандидат исторических наук, г. Ростов-на-Дону.
- КАРИБОВ Георгий Геннадьевич** – старший научный сотрудник муниципального учреждения культуры «Краеведческий музей села Прасковья, журналист, краевед, г. Буденновск.
- КОВАЛЕНКО Александра Николаевна** – педагог дополнительного образования высшей категории МБОУ ДОД «Центр военно-патриотического воспитания молодежи города Пятигорска», краевед, г. Пятигорск.
- МОГАРИЧЕВ Юрий Миронович** – профессор, доктор исторических наук, Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования (КРИППО), Республика Крым, г. Симферополь.
- ПРОКОПЕНКО Юрий Анатольевич** – профессор кафедры культурологии и искусств Северо-Кавказского Федерального университета, доктор исторических наук, г. Ставрополь.
- САВЕНКО Елена Александровна** – преподаватель истории и обществознания МБОУ «Кисловодский лицей № 8», кандидат исторических наук, г. Кисловодск.
- САВЕНКО Сергей Николаевич** – директор ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей», кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ, г. Пятигорск.
- СЕМЕНДЯЕВ Михаил Васильевич** – заведующий научным отделом ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей», г. Пятигорск.
- ЧАГАЕВА Елена Юрьевна** – заведующая сектором природы ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей», г. Пятигорск.
- ЧЕГУТАЕВА Людмила Федоровна** – ведущий методист ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей», г. Пятигорск.

Список сокращений:

- АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик (г. Москва).
АНРТ – Академия наук Республики Татарстан (г. Казань).
БСЭ – Большая Советская энциклопедия (г. Москва).
ВГИК – Всероссийский государственный Институт культуры (г. Москва).
ВООП – Всероссийское общество охраны природы (Центральный Совет – г. Москва).
ВООПИиК – Всероссийская общественная организация «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» (Центральный Совет – г. Москва).
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры (г.г. Ленинград, Москва).
ГАСК – Государственный архив Ставропольского края (г. Ставрополь).
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (г. Москва).
ГБОУ ВПО – Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
ГБУК СК – Государственное бюджетное учреждение Ставропольского края
ГИМ – Государственный исторический музей (г. Москва).
ГМЗЛ – Государственный музей-заповедник М. Ю. Лермонтова (г. Пятигорск).
ГЦММК – Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М.И.Глинки (г. Москва).
ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии (г. С-Петербург).
ИИМК – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук (г. Ленинград – Санкт – Петербург)
ИНЭУ – Институт экономики и управления (г. Пятигорск).
КБР – Кабардино-Балкарская Республика.
КБИГИ – Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований.
КБНИИ – Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт (г. Нальчик). Сейчас – КБИГИ.
КГО – Кавказское Горное общество в г. Пятигорске (г. Пятигорск).
КИКМ «Крепость» – ГБУК СК «Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость»» (г. Кисловодск).
ККО – Кисловодское краеведческое общество (г. Кисловодск)
КМВ – Кавказские Минеральные воды.
КНИФСЦ – Кавминводский научно-исследовательский филиал Ставропольского центра «Великий шелковый путь» (г. Кисловодск).
КП – Книга поступлений музея
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР, с 1992 г. – Российской Академии наук (г. Москва).
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры (г. Ленинград).
КФ СГОКМ – Кисловодский филиал Ставропольского государственного объединенного музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе (г. Кисловодск).
МИСК – Материалы по изучению Ставропольского края (г. Ставрополь).
НВФ – Научно-вспомогательный фонд
ОФ – Основной фонд
ПГТУ – Пятигорский государственный технологический университет (г. Пятигорск).
ПКМ – Пятигорский краеведческий музей (г. Пятигорск).
РА – Российская археология (г. Москва).
РАН – Российская Академия наук (г. Москва).
РГПУ – Ростовский-на-Дону государственный педагогический университет (г. Ростов-на-Дону.)
СА – Советская археология (г. Москва).
САИ – Свод археологических источников (г. Москва).
СГКУНБ – Ставропольская государственная краевая универсальная научная библиотека им. М.Ю. Лермонтова (г. Ставрополь).
СГПУ – Ставропольский государственный педагогический институт (г. Ставрополь).

- СГУ – Ставропольский государственный университет (г. Ставрополь).
- СККОАЭ – Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии (г. Ростов-на-Дону).
- СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, издание Управления Кавказского учебного округа (г.г. Тифлис, Махачкала).
- СОГУ – Северо-Осетинский Государственный университет им. К.Л.Хетагурова (г. Орджоникидзе - Владикавказ).
- ТОП – Терское областное правление (г. Владикавказ).
- ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Северной Осетии – Алании (г. Владикавказ).
- ЮФУ – Южный Федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Третий Кавминводский
межрегиональный музейно-научный
семинар памяти краеведов**

МАТЕРИАЛЫ ЗАСЕДАНИЙ
1–2 декабря 2016 г.

*К 140-летию Николая Михайловича ЕГОРОВА (1876–1965),
120-летию Матвея Ивановича РЫБЕНКО (1896–1993),
105-летию и 30-летию памяти Андрея Петровича РУНИЧА (1911–1986).*

В авторской редакции

Тип. «Печатный Двор»: г. Ставрополь, ул. Ленина, 276.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 7,9. Заказ №474 Тираж 100 экз. 2017 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ ПРОЕКТА СЕМИНАРА И НАУЧНОМ РЕДАКТОРЕ ИЗДАНИЯ:

К 60-летию со дня рождения

САВЕНКО Сергей Николаевич.

Родился 2.08.1957 г. на участке лесозаготовок Индель, Терского района, Мурманской области в семье кисловодчан. С 1958 по 1975 г. жил, учился и работал в Кисловодске. Увлекался археологией и историей, занимался в секции кавминводских археологов-краеведов Н.Н. Михайлова и А.П. Рунича, участвовал в научных экспедициях местных и центральных научных и музейных учреждений. С 1974 г. пишет стихи. С 1975 по 1980 г. обучался на историческом факультете Чечено-Ингушского госуниверситета им. Л.Н. Толстого. Специализировался по археологии. В 1977 г. начал публиковать научные и популярные статьи. После окончания вуза преподавал в средних и высших учебных заведениях, вел научную и лекционную деятельность в г. Грозном и районах Чечено-Ингушетии, работал в экспедициях в различных частях Северного Кавказа. Вел курсы археологии, этнографии и истории северокавказских народов. В 1989 г. защитил кандидатскую диссертацию по проблемам археологии и социальной истории алан центральных районов Северного Кавказа X-XII вв. в МГУ им. М.В. Ломоносова.

В 1990 г. вернулся в Кисловодск. Работал директором школы, историко-краеведческого музея «Крепость», был депутатом Совета города, и работником городской Администрации (заместитель и помощник Главы города), заместителем директора Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе (г. Ставрополь), сотрудником других музеев и научно-исследовательских организаций Ставрополья. Преподавал в различных учебных заведениях региона. Ведет активную научную, просветительную и общественную деятельность в сфере сохранения и использования историко-культурного наследия. Лауреат краевого конкурса «Лучший музейный работник года» 2005, 2006, 2008 гг. В 2008 г. присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». С 2010 г. – директор ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». Автор и исполнитель проекта воссоздания музея древностей под открытым небом в Пятигорске. Дипломант 2-го открытого городского конкурса профессиональных достижений в области культуры и искусства «Золотой слон» 2014 г. Человек года города Пятигорска 2015 года в номинации «Культура и искусство».

Автор, соавтор и редактор более 350 опубликованных научных и научно-популярных работ, включая около 20 книг и брошюр. Научный редактор и соредактор ряда периодических сборников (тезисы и материалы «Крупновских чтений», «Прозрителевских чтений», Кавминводского семинара памяти краеведов и др.) и музейных изданий. Соавтор сценария и ведущий научно-популярного фильма «Южный крест» (об истории христианства на Северном Кавказе, 2011). Участник еще около 10 проектов документальных телевизионных фильмов. Публиковал подборки и сборник собственных стихотворений «Колеса жизни» (2017).

Женат. Трое взрослых детей, внук и внучка.